

**МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
УЧАСТНИКОВ**

МОСКВА,

17-26 мая 2023

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (17-26 мая 2023 года). – М.: МГППУ, 2023. – 217 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Марголис, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, Л.М.Карнозова, И.Н. Коноплева, И.Б. Путалова., Ф.С. Сафуанов

ISBN 978-5-94051-293-6

© МГППУ, 2023

Оглавление

Дворянчиков Н.В. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	9
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	10
Анисимова А.А. Связь личностных особенностей и интереса к “тру-крайм” контенту у молодежи	10
Анисимова Д.Д. Особенности эмоционального интеллекта у юношей и молодых взрослых со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению.....	12
Богаченкова Д.С. Особенности самоконтроля у лиц со склонностью к пищевой зависимости.....	15
Ведерникова П.О. Особенности самооценки и жизнестойкости у людей с высоким и низким уровнем склонности к трудоголизму.....	17
Власова А.Д. Самоотношение и виртуальная самопрезентация у юношей и молодых взрослых с проблемным использованием интернета.....	20
Воложанина В.В. Особенности субъективной оценки качества жизни у юношей и девушек со склонностью к расстройствам пищевого поведения.....	23
Выродова А.В. Думскроллинг как один из видов аддиктивного поведения: общая характеристика, факторы риска и объяснительные модели.....	26
Гайворонских К.В. Особенности бодимодификаций и самоповреждающего поведения у несовершеннолетних.....	29
Давыдкина М.А. Особенности фаббинга, жизнестойкости и субъективного благополучия у несовершеннолетних и молодых взрослых.....	32
Егоров Ф.А. Особенности ценностных ориентаций подростков, склонных к самоповреждающему поведению.....	35

Ельмеева М.Б. Связь типа виктимного ролевого поведения и социальной адаптации в подростковом возрасте.....	38
Киселёв К.А. Влияние адаптивных особенностей личности на проявления интернет-зависимости.....	41
Коробова Д.К. Опыт детско-родительских отношений у юношей и молодых взрослых как фактор склонности к созависимым межличностным отношениям.....	44
Кубахова Е.С. Особенности эмоциональных переживаний родителей детей, совершивших преступления.....	47
Маков А.С. Законодательные пробелы регламентирования статуса лиц с физическими недостатками в уголовном процессе.....	50
Маругаева Э.Э. Опыт содержания домашних животных как способ снижения риска девиантного поведения у ребёнка.....	52
Нечесова С.В. Манифестация нарушений в структуре личности серийных сексуальных преступников (критерий ANOVA).....	56
Новиков Д.В. Связь между потреблением новостного контента и повышенным уровнем тревожности.....	60
Павлова С.С. Моральные регуляторы как факторы девиантного поведения у людей творческих профессий.....	62
Питонова А.Р. Виртуальный гостинг: субъективное восприятие.....	65
Покровская С.К. Возможности применения тестирования на полиграфе в процессе надзора за освобожденными по УДО преступниками.....	68
Романцова Д.А. Переживание психологической травмы и одиночества подростками с аддиктивным поведением.....	71
Савкина А.О., Шершнева В.Д. Вклад Роберта Ресслера в юридическую психологию.....	74
Самарченко А.О. Особенности эмоционального интеллекта у подростков со склонностью к агрессивному поведению.....	77

Сборщик А.О. Особенности самоотношения и субъективного отчуждения у молодых взрослых с гендерной вариативностью.....	80
Смолякова А.Ю. Личностные особенности подростков, проявляющих агрессивное поведение в интерне-пространстве.....	83
Староверова А.В. Особенности академической прокрастинации, жизнестойкости и субъективного благополучия у студентов (на примере юридических психологов).....	86
Тарасенко Д.С. Психологическое и физическое домашнее насилие в детстве как фактор девиантного поведения во взрослости.....	89
Туйчиева М.Д. Особенности привязанности у молодых взрослых со склонностью к любовной аддикции.....	93
Хачатурян К.С. Взаимосвязь уровня самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением.....	96
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	100
Дадашова С.М., Кодык А.А. Связь личностных качеств будущих специалистов в области информационной безопасности с навыком выявления фишинговых атак.....	100
Денисенко А.П. Особенности чувства вины и альтруизма у студентов помогающих профессий (на примере юридических психологов).....	103
Мартынова Д.А. Исследование самооценки самочувствия, активности и настроения обучающихся в контексте восприятия информации о проведении специальной военной операции.....	106
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	110
Бакастов А.А. Особенности интеллекта и системы отношения личности к временному континууму у лиц, совершивших насильственные правонарушения.....	110

Жарикова Е.И. Предварительная апробация однотемного многоаспектного зонового теста Юта (М) при проведении психофизиологических исследований с применением полиграфа.....	112
Иртегова М.М. Связь алекситимии и самопринятия у мужчин со склонностью к алкогольной зависимости.....	116
Князева Л.П. Особенности самоотношения у лиц, подвергшихся насилию.....	120
Толкачева А.К. Патопсихологические и индивидуально-психологические особенности лиц, занимающихся музыкальной деятельностью.....	122
Тухтаева Д.А. Нарушения самоотношения в структуре отдаленных психологических последствий сексуального насилия.....	125
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	129
Березьянская Ю.В. Отношение родителей и ксенофобские установки у молодых взрослых.....	129
Воронцов В.М. Влияние воспитания в семье на формирование виктимной личности подростка.....	131
Гуреева С.М. Специфика сетевого взаимодействия пользователей буллингового направления.....	132
Исакова В.В. Ресурс народной игры в работе с проявлениями агрессии у детей младшего школьного возраста.....	135
Кириленко Е.А. Профилактика и коррекция буллинга в образовательной среде: опыт зарубежных и отечественных программ.....	138
Кручинина Е.Н. Особенности саморегуляции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	142
Кулакова И.В. Социальная мотивация как способ профессионального самоопределения старшеклассников.....	145
Матвеенков М.Ю. Связь уровня правосознания и копинг-стратегий у несовершеннолетних.....	147
Остапенко К.В. Агрессивное поведение и эмоционально-волевая сфера у детей дошкольного возраста.....	150

Поликанова П.А. Особенности связи удовлетворенности основных потребностей и совладающего поведения у подростков, оставшихся без попечения родителей.....	152
Попова Л.В. Особенности самооценки младших школьников в контексте краеведческой и туристической деятельности.....	155
Серета Я.Г. Отношение к кибербуллингу у его свидетелей подросткового возраста.....	158
Трусович Н.В. Психологические особенности формирования агрессивных тенденций у девушек с семейной депривацией.....	162
Фалеева Т.Ю. К вопросу об эмпатии у детей-сирот подросткового возраста.....	165
Ходыревская А.И. Влияние традиционной игры на застенчивое поведение детей старшего дошкольного возраста.....	168
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	172
Бондаренко М.И. Жизненные стратегии и переживания женщин, освободившихся из мест лишения свободы.....	172
Ваганова Р.М. Фрустрация и тревожность у осужденных мужского пола в зависимости от этапа отбывания наказания.....	175
Лапина М.И. Психологические особенности у осужденных мужского пола с девиантным и нормативным поведением в рамках исправительного учреждения.....	179
Левин Л.М. Особенности временной перспективы несовершеннолетних осужденных.....	182
Парфёнова П.А. Психологический анализ опыта волонтерской работы с несовершеннолетними осужденными.....	185
Соколова Е.Р. Психологические особенности лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.....	188

Туманова Е.П. Народный фольклор как средство оптимизации детско-родительских отношений между матерью и ребенком, находящимся в доме ребенка при исправительной колонии.....	191
МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА	195
Бушина Е.С. Основные проблемы реализации института медиации в России.....	195
Калягина М.Ю. Программы в рамках восстановительного подхода: потенциал метода психодрамы.....	198
Ковалева Ю.А. К вопросу об организации исследования социально-психологических особенностей ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы.....	201
Коровина А.С. Медиативный подход во взаимодействии иностранных контрагентов.....	204
Королева Ю.В. Коммуникативная компетентность учащихся среднего профессионального образования как фактор профилактики конфликтов и деструктивного поведения.....	206
Никулина Т.А. Применение медиативного подхода при работе с людьми старшего возраста.....	210
Осипенко М.В. Медиация как способ разрешения конфликтов в среде студентов-первокурсников.....	212
Федотов Н.С. Медиация в конфликте студент – преподаватель.....	214

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 13-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: психология девиантного и криминального поведения; юридическая психология детей и подростков; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, медиация как социально значимая практика.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Государственного университета управления, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, Государственного университета просвещения, Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Уфимского университета науки и технологий.

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГГПУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

Связь личностных особенностей и интереса к “тру-крайм” контенту у молодежи

Анисимова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Жанр тру-крайм представляет собой рассказы о реальных уголовных делах, часто в форме повествования. (Durham III, A.M., Preston Elrod, H., Kinkade R.T., 1995). Его привлекательность заключается в том, что он претендует на демонстрацию правды о реальном мире, а не создание выдуманных историй. За последние несколько лет спрос на тру-крайм контент значительно возрос. В то же время, само явление такого активного интереса людей к подобному контенту практически не изучается в контексте психологии и не освещается, особенно в русскоязычном сообществе. Малое количество специалистов исследовало этот вопрос в контексте связи с личностными особенностями несмотря на то, что изучение интереса к тру-крайм контенту может помочь получить более глубокое понимание его сути и влияния на психику человека.

Цель исследования – изучение связи между личностными особенностями и степенью выраженности интереса к тру-крайм контенту у молодежи. В качестве изучаемых личностных характеристик были выбраны личностная тревожность, эмпатия и реализованная виктимность. Выдвигались две гипотезы: (1) у молодежи с выраженным интересом к тру-крайм контенту высокий уровень личностной тревожности и эмпатии; (2) молодежь с выраженным интересом к тру-крайм контенту имеет более высокий уровень реализованной виктимности, чем молодежь, не проявляющая интерес к данному жанру.

Для реализации эмпирического исследования была случайным образом отобрана выборка из молодых россиян в возрасте от 18 до 25 лет, на 47% состоящая из мужчин и на 53% - из женщин. Исследование проводилось с использованием таких методик, как «Карта интересов» А.Е. Голомштока (модификация), «Диагностика уровня эмпатии» В.В. Бойко, Шкала тревоги Спилбергера и «Диагностика склонности к виктимному поведению» О.О. Андронниковой.

Результаты модифицированной методики “Карта интересов” демонстрируют, что 76% опрошенных проявляют интерес к тру-крайм контенту.

У 43% этот интерес выражен ярко. Всего 23% респондентов отрицают заинтересованность в тру-крайм контенте. Большинство людей, имеющих интерес к тру-крайм контенту, составили женщины (69%), а отрицающих такой интерес – мужчины.

Между интересом к тру-крайм контенту и личностной тревожностью была выявлена связь. По шкале Чеддока она может быть оценена как слабая положительная. То, что у респондентов с ярким интересом к жанру тру-крайм самый высокий средний показатель по шкале личностной тревожности, согласуется с предшествующим исследованием о связи страха с интересом к криминальной хронике (Näsi¹, M., Tanskanen¹, M., Kivivuori¹, J., Naara, P., Reunanen, E., 2020).

По результатам методики «Диагностика склонности к виктимному поведению» самый высокий уровень реализованной виктимности среди респондентов был выявлен у людей с ярко выраженным интересом к тру-крайм контенту. Также была выявлена очень слабая положительная связь между степенью интереса к тру-крайм контенту и уровнем реализованной виктимности.

Первая гипотеза исследования получила частичную поддержку. У молодежи, заинтересованной тру-крайм контентом, был выявлен высокий уровень личностной тревожности, однако уровень эмпатии у этих же респондентов является средним, что не совпадает с изначальным предположением. Вторая же гипотеза подтвердилась: молодежь с выраженным интересом к тру-крайм контенту действительно имеет чуть более высокий уровень реализованной виктимности, чем молодежь, отрицающая такой интерес. Обобщая проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что не между всеми личностными особенностями молодежи и интересом к тру-крайм контенту есть связь.

Подводя итоги, можно сказать, что проведенное эмпирическое исследование позволило выявить связь между степенью интереса к тру-крайм контенту и некоторыми личностными характеристиками у молодежи. Между интересом к тру-крайм контенту и личностной тревожностью была зафиксирована слабая положительная связь. Уровень эмпатии по группам, выделенным на основе выраженности интереса к тру-крайм контенту, оказался примерно одинаков, и связи между уровнем эмпатических способностей и выраженностью интереса к жанру тру-крайм обнаружено не было. Была также выявлена положительная связь между интересом к тру-крайм контенту и уровнем реализованной виктимности, однако выявленная связь является очень слабой, поэтому не считается значимой. Таким образом, было получено более четкое представление о людях, интересующихся тру-крайм контентом.

Литература

1. Näsil M., Tanskanen M., Kivivuori J., Haara P., Reunanen E. Crime News Consumption and Fear of Violence: The Role of Traditional Media, Social Media, and Alternative Information Sources // *Crime & Delinquency*. – 2020. – Vol. 67 (4). – DOI: 10.1177/0011128720922539.
2. Durham A.M., Elrod H.P., Kinkade P.T. Images of crime and justice: Murder and the “true crime” genre // *Journal of Criminal Justice*. – 1995. – Vol. 23. – № 2. – P. 143-152.

Особенности эмоционального интеллекта у юношей и молодых взрослых со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению

Анисимова Д.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

На сайте российской научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru нами были выполнены такие запросы, как: «Самоповреждающее поведение», «Суицидальное поведение», «Эмоциональный интеллект». После исследования существующих ресурсов и динамики их публикации, начиная с 2012 года, можно сделать выводы о том, что наша тема актуальна, так как с каждым годом происходит рост исследований по заданным нами темам.

Основоположниками изучения эмоционального интеллекта являются П. Сэловей, Дж. Майер и Д. Карузо. По мнению данных авторов, «эмоциональный интеллект – это способность человека фиксировать эмоции, мысли и чувства свои и чужие, а также координировать их». Структура эмоционального интеллекта такова (Карузо Д., 2017):

1. Идентификация эмоции. Это способность заметить то, что эмоция присутствует у другого человека или самого себя, также понять, что это за эмоция.

2. Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности. Это способность человека управлять и использовать эмоции для продуктивного осуществления какой-то деятельности.

3. Понимание эмоций. Данный компонент представляет собой способность человека понять, что за эмоцию он испытывает, по какой причине он ее мог испытать, находить и понимать от какой эмоции к какой он переходит, что может означать та или иная эмоция.

4. Управление эмоциями. Здесь подразумевается контроль своих эмоций и чужих, решение эмоциональных конфликтов или проблем без всплесков негативных эмоций.

Термин «Суицидальное поведение» появился в 1947 году. Данный термин означает агрессивное поведение, направленное на себя, которое может выражаться в мыслях или действиях. Также мотивом данного действия является желание смерти (Дюркгейм Э., 1994). Самоповреждающее поведение – это разнообразное количество различных действий, которые связаны тем, что их целью является причинение себе физической боли. К таким действиям можно отнести: удары кулаком по себе или предмету, проколы своего тела, самоожоги, проколы или порезы различными колюще-режущими предметами. Обычно данный термин используются, когда самоповреждение не носит суицидального характера (Польская Н. А, 2017).

Мы провели исследование, цель которого заключается в выявлении и описании особенностей эмоционального интеллекта у юношей и молодых взрослых со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что есть различия в особенностях эмоционального интеллекта у юношей и молодых взрослых со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению, а именно: юноши и молодые взрослые, склонные к суицидальному и самоповреждающему поведению, имеют более низкий уровень эмоционального интеллекта, чем юноши и молодые взрослые, не склонные к суицидальному и самоповреждающему поведению.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирической части исследования составили 88 человек в возрасте от 16 до 25 (средний возраст - 20,7 лет). Выборка была разделена на 4 группы по 22 человека в каждой: контрольная группа «К» - не склонные к суицидальному и самоповреждающему поведению, группа сравнения 1 «С1» – склонные к суицидальному поведению, группа сравнения 2 «С2» – склонные к самоповреждающему поведению, группа сравнения 3 «С3» – склонные и к суицидальному, и к самоповреждающему поведению.

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета для сбора социально-демографической информации о респондентах, которая также включала в себя тематические вопросы, а также следующие методики: Опросник суицидального риска (Разуваева Т.Н., 1993), «Шкала причин самоповреждающего поведения» (Польская Н.А., 2022), Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» (Люсин Д.В., 2004). Для математического анализа данных мы использовали программу IBM SPSS

Statistics 20. Критерием был выбран критерий Краскела-Уоллиса для независимых выборок.

По результатам исследования были выявлены и описаны особенности эмоционального интеллекта у юношей и молодых взрослых со склонностью к суицидальному и самоповреждающему поведению.

У юношей и молодых взрослых, склонных к суицидальному и самоповреждающему поведению, уровень эмоционального интеллекта ниже, чем у юношей и молодых взрослых, не склонных к суицидальному и самоповреждающему поведению. Это может проявляться в том, что юноши и молодые взрослые, склонные к суицидальному и самоповреждающему поведению, различают эмоции с трудом, контроль эмоций вызывает у них также трудность. Это может проявляться в том, что респонденты данных групп не способны понимать какую именно эмоцию они испытывают (испытывают злость, но думают, что грусть). Тяжело понимают, когда одна эмоция переходит в другую, респонденты не могут выразить словами то, что чувствуют и переживают. Также тяжело различают, что переживают другие люди, не могут предугадать смену эмоций у человека. Респонденты тяжело регулируют свои эмоции, могут находиться в грустном настроении или в гневе. Также им с трудом удастся регулировать и эмоции других людей, они не могут успокоить или развеселить другого человека.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Карузо Д., Сэловей П. Эмоциональный интеллект руководителя. Как развивать и применять. – СПб.: Питер, 2017. – 301 с.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.
4. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Основы диагностики и профилактики самоповреждающего поведения. Монография – М.: МГППУ, 2022. – 220 с.
5. Польская Н.А. Психология самоповреждающего поведения. – М.: Ленанд, 2017. – 320 с.
6. Разуваева Т.Н. Диагностика личности. – Шадринск: Исеть, 1993. – 26 с.

Особенности самоконтроля у лиц со склонностью к пищевой зависимости

Богаченкова Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В последние десятилетия тема пищевой зависимости продолжает активно изучаться и дорабатываться, что обусловлено сложностью формирования и проявления нарушений пищевого поведения и построения эффективных методов профилактики, диагностики и коррекции. В связи с чем является актуальным изучение факторов риска данного расстройства, в частности, эмоциональных.

Под пищевой зависимостью понимается состояние, при котором человек использует пищу не для утоления голода, а чтобы справиться с тревогой и волнением, развлечь себя и получить приятные эмоции (Мандель Б.Р., 2014). Исследователи, занимающиеся данным видом аддикции, указывают на комплексный характер причин возникновения и развития нарушений пищевого поведения, подчеркивая роль биологических, социальных, личностных факторов.

Так, по мнению Польской Н.А., «за аутодеструктивным поведением и психопатологическими симптомами стоят общие нарушения когнитивной регуляции эмоций, которые сужают спектр стратегий саморегуляции и повышают непереносимость негативных эмоций» (Польская Н.А., 2015). В связи с чем в нашем исследовании мы обратились к изучению личностных факторов пищевой зависимости, а именно – к особенностям эмоционально-волевой сферы, а также способам реагирования на трудные жизненные ситуации.

Таким образом, цель исследования заключалась в выявлении особенностей самоконтроля у лиц со склонностью к пищевой зависимости.

Гипотезами исследования послужили предположения о том, что:

1. лица, склонные к пищевой зависимости, характеризуются сниженным уровнем самоконтроля и используют неадаптивные способы совладания со стрессом, выражающиеся в избегании разрешения фрустрирующей ситуации;
2. используемые стратегии совладающего поведения у мужчин и женщин, склонных к пищевой зависимости, отличаются и имеют свои специфические особенности.

В исследовании приняли участие 44 респондента в возрасте от 18 до 23 лет: 25 девушек и 19 юношей. По результатам методики «Тест отношения к приему пищи» респонденты были поделены на две группы: группа склонных к пищевой

зависимости – 21 человек (12 девушек, 9 юношей) и группа не склонных к пищевой зависимости – 23 человека (13 девушек и 10 юношей).

В качестве опросников были использованы: методика «Тест отношения к приему пищи» (ЕАТ-26); опросник «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой; опросник волевого самоконтроля А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана; опросник для выявления выраженности самоконтроля Г. С. Никифорова, В. К. Васильева и С. В. Фирсовой.

В результате сравнительного анализа были выявлены значимые различия между группой, склонной к пищевой зависимости, и группой с нормативным пищевым поведением.

Результаты сравнения двух исследуемых групп показали, что лицам, склонным к пищевой зависимости, характерна низкая степень выраженности самоконтроля во всех сферах, в частности самоконтроль в эмоциональной сфере ($U_{эмп}=431$, $p=0,001$), в деятельности ($U_{эмп}=389$, $p=0,001$) и социальный самоконтроль ($U_{эмп}=332$, $p=0,033$).

Также статистически значимые различия были получены по шкале волевой регуляции. Уровень развития волевой саморегуляции в группе со склонностью к пищевой зависимости значимо ниже, чем среди лиц без склонности ($U_{эмп}=334,5$, $p=0,028$).

По результатам сравнительного анализа предпочтений в использовании копинг-стратегий у респондентов исследуемых групп также были обнаружены значимые различия. Так, в группе склонных к пищевой зависимости является наиболее предпочитаемым использование копинг-стратегий «конфронтация» ($U_{эмп}=37,5$, $p=0,001$), «дистанцирование» ($U_{эмп}=109,5$, $p=0,002$), «бегство-избегание» ($U_{эмп}=47$, $p=0,001$). При этом у лиц, склонных к пищевой зависимости, копинг-стратегия «бегство-избегание» является преобладающей и характеризуется наиболее высокой степенью напряженности, что свидетельствует о выраженной дезадаптации респондентов данной группы.

В то же время статистически значимые различия были обнаружены между мужчинами и женщинами, склонными к пищевой зависимости, только по одной шкале опросника совладающего поведения. Так, было выявлено, что в проблемной группе использование стратегии «принятие ответственности» значимо выше у женщин, чем у мужчин ($U_{эмп}=24$, $p=0,034$). Данный факт свидетельствует о том, что женщины намеренно и самостоятельно стремятся к регуляции своего пищевого поведения, в то время как у мужчин формирование пищевой зависимости происходит более спонтанно и под влиянием значимых лиц.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки более эффективных методов психодиагностики пищевой зависимости, улучшения профилактических мероприятий, а также для использования в коррекционной работе.

Литература

1. Мандель Б. Р. Аддиктология: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 537 с.
2. Польская Н.А., Власова Н.В. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Том 23. – № 4. – С. 176–190.

Особенности самооценки и жизнестойкости у людей с высоким и низким уровнем склонности к трудоголизму

Ведерникова П.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире работа часто помогает индивиду обрести и развить различные способности и навыки. Однако, труд нередко превращается в щит от страха, тревог и человек использует работу, чтобы убежать от трудностей и проблем. В таких случаях работа переходит в зависимость, которая называется трудоголизм, а человек – трудоголиком. В конечном счете, индивид может потерять друзей и близких людей, а также ухудшить здоровье и эмоциональное состояние, то есть трудоголизм приведет к «выгоранию».

Трудоголизм – это зависимость от работы, чрезмерная включенность в некий производственный процесс, неспособность установить разумный баланс между различными сторонами жизни – профессиональной, личной, творческой и т.д. (Асыллов И.Т., 2019). Трудоголизм является формой аддикции и рассматривается на уровне трех компонентов: аффективный компонент – отсутствие работы у человека, склонного к трудоголизму, может вызывать яркие негативные эмоции; когнитивный компонент – выражается в чрезмерности и навязчивости работы; поведенческий – вовлеченность в работу, которая приводит к распространению работы на все сферы жизни человека (Ловаков А.В., 2012).

Мы провели исследование, **цель** которого заключается в выявлении и описании особенностей самооценки, мотивации, жизнестойкости у взрослых со склонностью к трудоголизму.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у взрослых с разным уровнем склонности к трудоголизму существуют различия в уровне самооценки, жизнестойкости, мотивации, а именно:

1. Чем выше уровень склонности к трудоголизму, тем ниже показатели по шкале самооценки у взрослых.

2. Чем выше уровень склонности к трудоголизму, тем выше показатели по шкале жизнестойкости у взрослых.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирической части исследования составили 75 человек в возрасте от 21 до 56 лет. Из них респондентов мужского пола 23 чел., респондентов женского пола 52 чел. Выборка была разделена на 3 группы: контрольная группа – взрослые с низким уровнем склонности к трудоголизму – 25 человек. Респондентов мужского пола – 4 чел., респондентов женского пола – 21 чел. Группа сравнения 1 – взрослые со средним уровнем склонности к трудоголизму – 25 человек. Респондентов мужского пола – 9 чел., респондентов женского пола – 16 чел. Группа сравнения 2 – взрослые с высоким уровнем склонности к трудоголизму – 25 человек. Респондентов мужского пола – 10 чел., респондентов женского пола – 15 чел.

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах и включающая в себя тематические вопросы, а также следующие методики: голландская шкала трудовой зависимости «DUWAS» В. Шауфели (Ловаков А.В., 2016), Work Addiction Risk Test «WART» Б. Робинсона (Робинсон Б., 1999), «Тест жизнестойкости» в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006), тест-опросник «определение уровня самооценки» С.В. Ковалева (Ковалев С.В., 2020). Математический анализ данных производился в программе IBM SPSS Statistics 20. Применялся критерий Краскела-Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google-формы, размещенной в различных сообществах на платформе «ВКонтакте».

В авторской анкете мы просили респондентов в развернутой форме написать, что такое трудоголизм. На основании полученных ответов мы выделили наиболее часто встречающиеся описываемые характеристики: при концентрации на профессиональной сфере жизни другие сферы остаются без внимания и игнорируются; трудоголизм связан с чрезмерной работой (вынужденно или по собственной инициативе); трудоголик получает удовольствие от работы.

По результатам исследования было выявлено, что существуют различия в группах с разным уровнем склонности к трудоголизму между уровнем жизнестойкости и самооценки.

Чем выше уровень жизнестойкости, тем ниже уровень склонности к трудоголизму. Мы предполагаем, что так происходит из-за постоянного нахождения трудоголиков в стрессе. Стресс возникает по разным причинам: страх из-за неудачи, предъявление к себе завышенных требований, постановка труднодостижимых задач, болезненное восприятие совершенных ошибок, неспособность полноценно отдохнуть и восстановить силы в свободное от работы время. Следовательно, трудоголикам преодолеть трудности удастся несколько сложнее.

Чем выше уровень трудоголизма, тем ниже уровень самооценки. Вероятно, это связано с тем, что трудоголики уверены в себе в профессиональной сфере деятельности, так как работа является приоритетной сферой, в остальных же сферах присутствует чувство неуверенности, вызванное неспособностью установить разумный баланс между различными сторонами жизни – профессиональной, личной, творческой и т.д. Перечисленным сферам уделяется меньше внимания, что приводит к неуверенности в себе.

Таким образом, взрослым с выраженной склонностью к трудоголизму в наибольшей степени характерны такие особенности, как: чрезмерная работа, навязчивые тенденции, сложности в выстраивании коммуникаций с близкими людьми, стремление к контролю; болезненное переживание неудач; обладание низким уровнем самооценки и жизнестойкости. Также нами были выявлены определенные психологические особенности людей, не склонных к трудоголизму: обладание более высоким уровнем самооценки и жизнестойкости; отсутствие стремления к постоянному контролю; восприятие любого жизненного опыта как средства развития личности; коммуникации с окружающими не затруднены.

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволили нам описать некоторые поведенческие особенности людей, склонных к трудоголизму и людей, не склонных к трудоголизму, которые являются эффективными работниками. Полученные данные могут применяться с целью разработки психокоррекционных программ, направленных на исправление дезадаптивных моделей поведения у клиентов со склонностью к трудоголизму.

Литература

1. Асыллов И.Т., Шиляева И.Ф. Трудоголизм как социально-психологический феномен // Правовестник. – 2019. – № 5 (16). – С. 38–40.

2. Ковалев С.В. Определение уровня самооценки [Электронный ресурс] // Институт инновационных психотехнологий. – 2020. – URL: <https://psy-in.ru/articles/opredelenie-urovnya-samootsenki> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
4. Ловаков А. В. Трудоголизм: понятие, методики измерения, предикторы и последствия [Электронный ресурс] // Организационная психология. – 2012. — Том 2. № 4. – С. 28–42. – URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2012-2-4/74462921> (дата обращения: 13.01.2023).
5. Ловаков А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии Голландской шкалы трудовой зависимости (DUWAS) [Электронный ресурс] // Организационная психология. – 2016. – Том 6, № 3. – С. 22–37. – URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2016-6-3/192843119.html> (дата обращения: 20.02.2023).
6. Robinson В.Е. The Work Addiction Risk Test: Development of a tentative measure of workaholism // Perceptual and Motor Skills. – 1999. – Vol. 88. – P. 199–210.

Самоотношение и виртуальная самопрезентация у юношей и молодых взрослых с проблемным использованием интернета

Власова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире интернет занимает важное место в жизни человека, принося в нее положительное и негативное влияние. Процесс цифровизации и глобальная пандемия COVID-19 внесли свои коррективы в процесс взаимодействия индивида с виртуальной реальностью, поэтому следует говорить о проблемном использовании сети. Проблема виртуальной самопрезентации и самоотношения человека в сети интернет в настоящее время активно обсуждается отечественными и зарубежными исследователями. Наиболее актуально рассмотрение этой проблемы в юношестве и ранней взрослости ввиду особенностей данных возрастных периодов.

Преображенской С.В. было проведено исследование идентичности молодежи с разной степенью склонности к интернет-зависимости. В проведенном исследовании приняли участие 45 человек в возрасте от 17 до 25

лет, из них 26 девушек и 19 юношей. Были использованы следующие методики: тест на интернет-зависимость Кимберли Янг; шкала Интернет-зависимости А. Жичкиной; методика «Кто Я?» М. Кун и Т. Макпартленд; методика исследования самооотношения (МИС) С.Р. Панталева, В.В. Столин; методика М. Берзонски «Стили идентичности». По результатам исследования выяснилось, что молодые люди, склонные к проблемному использованию сети, имеют тенденцию откладывать принятие решения на потом, не задумываются о будущем, а предпочитают жить «здесь и сейчас». Данные корреляционного анализа взаимосвязи самооотношения и интернет-зависимости свидетельствуют об отсутствии ориентаций на будущее у проблемных пользователей, показатель негативных самоописаний соответствует низким значениям, что говорит о не критичном отношении индивида к себе (Преображенская С.В., 2019).

Другие исследователи – В. Aydm, S.V. San также занимались изучением самооценки у лиц, склонных к проблемному использованию интернета. Выборку составили 96 турецких студентов в возрасте от 16 до 18 лет, из них 54 юноши и 42 девушки. Были использованы «Шкала интернет-зависимости» К. Янг и «Шкала самооценки Куперсмита». Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что обнаружена отрицательная корреляционная связь между самооценкой и склонностью к интернет-зависимости. Авторы подчеркивают, что в данном случае пребывание онлайн можно рассматривать, как способ компенсации недостатков в реальной жизни, например, самооценки, самооотношения (Aydm В., 2011).

Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. изучали особенности самопрезентации подростков и молодежи в Интернет-дневниках. В исследовании приняли участие 28 человек, из них 50% девушки и 50% юноши. Анализировались 14 блогов авторов 15-16 лет и 14 блогов авторов 21-23 лет. Был использован метод контент-анализа. В ходе исследования выяснились предпочтительные техники самопрезентации обеих групп – самописание, текстовые повествования, фотографии, аудиофайлы. В меньшей степени используются средства художественной литературы, анкеты для знакомств. Стоит заметить, что большинство молодых людей лишь частично сохранили свою анонимность при ведении блога, разместив личные фотографии, в единичных случаях был указан мобильный телефон (Гавриченко О.В., 2008).

Рубцова О.В., Посакалова Т.А., Ширяева Е.И. рассматривают поведение в виртуальной среде молодежи в контексте сформированности «образа Я». В проведенном исследовании приняли участие 52 респондента, из них 20 мальчиков и 32 девочки, средний возраст составил $16,18 \pm 0,38$ года. Были использованы следующие методики: «Шкала ясности «образа Я» Дж. Кэмпбелл с соавторами (Self-Concept Clarity Scale, SCCS, J. Campbell et al, 1996),

«Опросник онлайн-самопрезентации» К. Фулвуда, «Шкала интенсивности использования социальных сетей» Н. Эллисон, «Шкала Интернет-зависимости» С.Х. Чена в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова (2011), «Опросник онлайн-активности» (О.В. Рубцова, Т.А. Посакалова, 2019). По результатам исследования была выявлена связь между самопрезентацией молодых людей, склонностью к интернет-зависимости и уровнем сформированности «образа Я». Показано, что индивиды с размытым «образом Я» чаще экспериментируют в сети, искажая информацию о себе и создавая различные кибер-идентичности (Рубцова О.В., 2021).

Hsieh K.-Y., Hsiao R.C., Yang Y.-H., Lee K.-H., and Yen C.-F. изучали взаимосвязь между самоидентификацией и интернет-зависимостью среди студентов колледжей Тайваня. В исследовании приняли участие 500 студентов, 238 юношей и 262 девушки в возрасте от 20 до 30 лет. Были использованы следующие методики: «Измерение самооценки и идентичности» (SCIM), шкала интернет-зависимости Чена (CIAS), опросник принятия и действий-II (AAQ-II). По результатам исследования было выявлено, что трудности самоидентификации прямо связаны с проблемным использованием интернета. Авторы объясняют связь тремя факторами: во-первых, студенты могут использовать онлайн-реальность, чтобы избежать повседневных проблем реальной жизни; во-вторых, студенты, испытывающие трудности в самоидентификации, могут использовать в сети разные личности, что выступает как компенсаторная функция; в-третьих, молодежь с трудностями самоидентификации может обращаться за советом к сверстникам в сети (Hsieh K. Y., 2019).

Таким образом, было выявлено, что молодые люди с проблемным использованием сети склонны в большей степени искажать информацию о себе, по мере взросления возрастает вариативность используемых тактик самопрезентации, а также постепенно пропадает интерес к экспериментированию индивида с личностью в интернете, информация о себе максимально приближена к реальной. Исследования самоотношения лиц, склонных к проблемному использованию интернета, показывают отрицательную связь между уровнем интернет-поглощенности и компонентами самоотношения. Многие зарубежные авторы подчеркивают и позитивное влияние интернет-пространства на самооценку индивида, где пребывание онлайн рассматривается как компенсация тех потребностей, которые не были удовлетворены в реальной жизни.

Литература

1. Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Особенности самопрезентации в Интернет-дневниках подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Психологические

исследования: электрон. науч. журн. – 2008. – N 1(1). – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1030> (дата обращения: 10.02.2023).

- Преображенская С. В. Идентичность молодежи с разной степенью склонности к интернет-зависимости // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Международной научной конференции: в 2 томах. – Кострома: Костромской государственной университет, 2019. – Том 1. – С. 403-407.

Особенности субъективной оценки качества жизни у юношей и девушек со склонностью к расстройствам пищевого поведения

Воложанина В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Проблема нарушений пищевого поведения становится все более актуальной в последнее время. Так, по данным ВОЗ, показатели смертности среди страдающих пищевой зависимостью составляют 15-20% в год, из них 0,2% – в результате суицида. Расстройства пищевого поведения, несмотря на актуальность проблемы, остаются малоизученными и слабо поддающимися терапии нарушениями. На их формирование влияет целый ряд факторов.

Пищевое поведение человека складывается из ценностного отношения к пище, стереотипов питания, пищевых привычек и установок, которые человек получает из семьи, при взаимодействии в обществе, влиянии СМИ. В первую очередь, гармоничность/девиантность определяется местом, которое занимает процесс употребления пищи в системе ценностей человека (Малкина-Пых И.Г., 2007). Девиантное пищевое поведение характеризуется целым рядом различных признаков. Среди них могут быть: чрезмерный контроль массы и формы тела, сбитые ритмы голода и насыщения, отсутствие аппетита или чрезмерный аппетит, клинические симптомы повреждения соматического здоровья, симптомы нарушения психосоциального здоровья и др. (Бибчук М.А., 2019).

Под субъективной оценкой качества жизни понимают субъективное отношение человека к наиболее значимым аспектам его жизни в настоящий момент. Удовлетворённость жизнью является оценочной категорией качества жизни, а изучение ценностных и смысло-жизненных ориентаций имеет большое значение в исследовании качества жизни (Савченко Т. Н., 2019). Именно поэтому

для изучения субъективной оценки качества жизни юношей и девушек нами были выбраны такие категории, как удовлетворённость жизнью и жизненная осмысленность.

В нашем исследовании мы предположили, что существуют значимые различия в субъективной оценке качества жизни между лицами юношеского возраста, склонными к расстройствам пищевого поведения, и их ровесниками, не склонными к РПП.

Методиками исследования выступили: опросник пищевых предпочтений – Опросник Eat-26 (тест отношения к приему пищи), методика удовлетворенности жизнью Н.Н. Мельниковой, тест смысложизненных ориентаций Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева, русскоязычная адаптация методики «Шкала оценки пищевого поведения» О.А. Ильчика, С.В. Сивухи, О.А. Скугаревского, С. Суихи.

Выборку исследования составили 60 респондентов (31 девушка и 29 юношей) в возрасте от 18 до 23 лет. Большинство из них – студенты московских вузов, 4 человека уже получили высшее образование.

Полученные в процессе исследования результаты свидетельствуют о том, что 47% лиц юношеского возраста имеют средний уровень удовлетворённости жизнью, 35% продемонстрировали низкий уровень и 18% - высокий. Больше половины (55%) юношей и девушек имеют высокий уровень жизненной осмысленности, 28% - низкий и 17% - высокий.

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что большинство лиц юношеского возраста в целом удовлетворены своей жизнью, способны активно в неё включаться, осознавать смысл жизни и возможность её контроля. В то же время стоит отметить, что их уровень удовлетворённости может снижаться вследствие следующих факторов: усталость от жизни, разочарованность в жизни, беспокойность будущим.

Сравнительный анализ результатов позволил выявить статистически значимые различия в субъективной оценке качества жизни между лицами юношеского возраста, склонными к расстройствам пищевого поведения, и их ровесниками, не склонными к РПП.

Так, было установлено, что у лиц юношеского возраста со склонностью к РПП уровень удовлетворённости ($U= 823,000$, при $p \leq 0,001$) и осмысленности ($U= 735,000$, при $p \leq 0,001$) жизни ниже, чем у их ровесников, не склонных к РПП. Юноши и девушки со склонностью к РПП отличаются более низким уровнем жизненной включенности ($U= 743,000$, при $p \leq 0,001$), направленности на будущее (выражающейся в наличии целей) ($U= 640,000$, при $p < 0,01$), эмоциональной насыщенности ($U= 737,000$, при $p \leq 0,001$) и результативности ($U= 746,000$, при $p \leq 0,001$), управляемости жизнью ($U= 673,000$, при $p < 0,01$) и

более высоким уровнем разочарованности ($U= 786,000$, при $p \leq 0,001$) и усталости от жизни ($U= 747,500$, при $p \leq 0,001$) и обеспокоенности будущим ($U= 703,000$, при $p \leq 0,001$).

Перечисленные различия можно объяснить тем, что юноши и девушки со склонностью к РПП имеют ряд неудовлетворённых потребностей, таких как: потребность в стабильности и безопасности, потребность в профессиональных и личных достижениях и результатах, в тёплых и близких отношениях с друзьями и семьёй, в получении положительных эмоций. Именно их молодые люди пытаются удовлетворить через замещающий объект, которым является для них пища.

На основании сравнения результатов исследования были выявлены значимые различия между юношами и девушками по признакам «булимия» ($U= 248,500$, при $p < 0,01$) и «интероцептивная некомпетентность» ($U= 310,000$, при $p < 0,05$). У девушек склонность к булимии и неспособности распознавать ощущения голода и насыщения выражена больше, чем у юношей. Это может быть связано с тем, что девушки чаще используют диеты и очищения как способ регулирования своего веса. Их пищевое поведение в большей мере, чем у юношей, характеризуется чередованием периодов ограничительного поведения со срывами – импульсивными действиями по неконтролируемому поглощению пищи.

Корреляционный анализ показал сильную обратную связь между уровнем удовлетворённости жизнью и склонностью к РПП ($R_o= - 0,767$ при $p \leq 0,001$) и среднюю обратную связь между уровнем жизненной осмысленности и склонностью к РПП ($R_o= - 0,539$ при $p \leq 0,001$). Это означает, что чем ниже уровень удовлетворённости жизни и жизненной осмысленности, тем выше склонность к РПП у лиц юношеского возраста.

Также нами была предпринята попытка поиска корреляций между уровнем удовлетворённости жизнью и отдельными характеристиками пищевого поведения. Была обнаружена средняя обратная связь между удовлетворённостью жизнью и такими признаками, как «стремление к худобе» ($p \leq 0,001$), «неудовлетворённость телом» ($p < 0,01$), «недоверие в межличностных отношениях» ($p < 0,01$), «интероцептивная некомпетентность» ($p \leq 0,001$). Это говорит о том, что чем более выражены перечисленные признаки, тем ниже уровень удовлетворённости жизнью. Наиболее сильной обратной связью обладают такие признаки, как удовлетворённость жизнью и неэффективность ($R_o= - 0,800$ при $p \leq 0,001$). Следовательно, чем более выражено чувство общей неадекватности, неспособности контролировать свою жизнь, тем ниже уровень удовлетворённости жизнью.

Таким образом, можно констатировать, что лица юношеского возраста со склонностью к расстройствам пищевого поведения отличаются меньшей включённостью в жизнь, сниженной способностью к её контролю, меньшим уровнем удовлетворённости своей самореализацией, более выраженным чувством небезопасности и обеспокоенности будущим и сниженной направленностью на будущее, чем их ровесники, не склонные к РПП. Сниженный уровень удовлетворённости жизнью в большей степени связан с таким признаком расстройств пищевого поведения, как неэффективность, под которой понимают общее чувство неадекватности, одиночества и неспособности контролировать свою жизнь.

Результаты исследования могут быть использованы для теоретического обоснования профилактических и коррекционных программ профилактики расстройств пищевого поведения.

Литература

1. Бебчук М.А. Расстройства пищевого поведения у детей и подростков // II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Сухаревские чтения»: Сборник статей под общей редакцией М. А. Бебчук. – М., 2019. – 141 с.
2. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. – М.: Эксмо, 2007. – 614 с.
3. Савченко Т. Н. Исследование субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью подростков и родителей // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 4(45). – С. 88–101.

Думскроллинг как один из видов аддиктивного поведения: общая характеристика, факторы риска и объяснительные модели

Выродова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Явление думскроллинга привлекло внимание специалистов в области психологии в связи с пандемией COVID-19, сопряжённой с самоизоляцией населения и ростом социальной напряжённости. Наряду с увеличением времени, проводимого дома, также отмечалось более интенсивное использование Интернета (Ускова Е. В., 2022), причём в фокусе внимания многих людей находился эмоционально негативный или тревожный контент.

Термин «думскроллинг» (от англ. «doom», «scroll» - «рок», «прокручивать» соответственно) или же «думсёрфинг» был введён в массовое употребление в 2020 году и связан с «бесконечным потреблением негативных онлайн-новостей в ущерб психологическому благополучию ищущего» (Ytre-Arne B., 2021). На данный момент думскроллинг как явление изучен недостаточно полно, теоретическая база только нарабатывается. Однако можно отметить, что на территории России данное явление изучено в меньшей степени, чем в Западной Европе и США: так, из 14 статей, представленных на портале Cyberleninka на тему «думскроллинг», к разделу психологических наук относится только одна статья.

Привлекательные новости на различных платформах вызывают ощущение включённости в жизнь, текучести, однако в кризисных ситуациях (например, ситуация пандемии) приводят к учащению смены настроений. Пользователь пытается количественно выразить собственную оценку возможных потерь и близости катастрофы (Максименко А.А., 2022). Lupinacci L. указывает на то, что широко используемые социальные медиа, по большей части, являются иной, чем телевидение, коммуникативной структурой. В данной структуре неопределенность заключается не только в вероятности наступления чего-либо важного, но и в возложении на пользователей ответственности за отслеживание новостей в режиме реального времени. Также именно социальные сети вызывают у пользователя ощущение виртуальной жизни: «чувство, как будто вы были там, видели это воочию, как будто были вместе, как будто, что бы ни происходило, это случается здесь и сейчас» (Lupinacci L., 2020). Таким образом, можно предположить, что ощущение ответственности за происходящие события, сокращение дистанции между получателем и источником тревожной новости может выступать как один из факторов, предрасполагающих к думскроллингу.

Еще думскроллинг можно определить как «феномен траты чрезмерного количества экранного времени, посвященного поглощению негативных новостей». При этом чувство неопределённости, возникающее у конкретного человека в ожидании неприятных новостей, становится невыносимым, вызывая навязчивое желание подтверждения данной идеи. Постоянное обновление новостной ленты в ожидании неприятных новостей и попытка справиться таким образом с чувством неопределённости приводят к информационной перегрузке (Пчелина П. В., 2022), под которой понимается неспособность или только частичная способность данного человека воспринимать, анализировать, оценивать, обрабатывать и использовать поступающую избыточную информацию, что провоцирует возникновение негативных эмоций, чувства неопределённости и несостоятельности.

Также следует заметить, что фактором риска развития думскроллинга выступает подростковый возраст в связи с ненормированным использованием данной возрастной группой интернет-технологий и социальных сетей, а также – опора, как правило, на ненадёжные источники информации, что усиливает состояние неопределённости и напряжённости (Ускова Е. В., 2022).

Информационная перегрузка, также выступающая как один из факторов, предрасполагающих к развитию думскроллинга, связана с такими негативными соматическими и психологическими проявлениями, как: нарушения сна; тревожные расстройства; депрессивные симптомы.

Следует также отметить, что дневные симптомы инсомнии, среди которых выделяются ухудшение настроения, а также функций памяти и внимания, негативно воздействуют на способность к совладанию со стрессами и приводят к возникновению субъективного ощущения потери контроля, беспомощности и безнадёжности. Как уже было отмечено выше, именно данные ощущения выступают одним из факторов риска развития думскроллинга (Пчелина П.В., 2022).

Поскольку проблема влияния думскроллинга на психологическое благополучие личности была поставлена относительно недавно, четких подходов к профилактике и коррекции данной проблемы еще не сформировано. Можно заметить тенденцию к медицинскому рассмотрению данной проблемы в контексте влияния думскроллинга на качество сна (Пчелина П. В., 2022). Пока происходит изучение факторов риска возникновения думскроллинга, как социальных, так и психологических.

Литература

1. Максименко А.А., Дайнека О.С., Мортикова И.А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 12. – С. 129–136. – DOI: 10.24158/spp.2022.12.20.
2. Пчелина П. В., Сурсаев В.А., Полуэктов М.Г. Информационная перегрузка и нарушения сна [Электронный ресурс] // Медицинский совет. – 2022. – № 16(11). – С. 54-60. – URL: <https://medsovet.pro/jour/article/view/6956> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Ускова Е. В. Думскроллинг, или бесконтрольное изучение «плохих новостей» в подростковой среде [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №10 (102). – С.82-86. – DOI: 10.24158/spp.2022.10.12.
4. Lupinacci L. Absentmindedly scrolling through nothing’: liveness and compulsory continuous connectedness in social media [Электронный ресурс] // Media Culture

& Society. – 2020. – Vol. 43(6). – P. 1-18. – DOI:10.1177/0163443720939454.

5. Ytre-Arne B., Moe H. Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown [Электронный ресурс] // Journalism Studies. – 2021. – P. 1739-1755. – DOI: 10.1080/1461670X.2021.1952475.

Особенности бодимодификаций и самоповреждающего поведения у несовершеннолетних

Гайворонских К.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современный мир показывает востребованность изучения бодимодификаций и самоповреждающего поведения у несовершеннолетних, так как несмотря на множество исследований, эти феномены не до конца изучены. Более того, с каждым годом самоповреждающее поведение и бодимодификации распространяются среди людей как еще не достигших восемнадцати лет, так и совершеннолетних, что говорит о необходимости изучения данной темы.

Выделяются такие особенности подросткового возраста, как появление ощущения взрослости, реакция «отрицательной имитации», реакция группирования, реакция увлечения, реакции, связанные с сексуальным влечением, развитие самосознания (Шаповаленко И.В., 2005).

У юношеского же возраста существуют такие особенности, как расширение социальных ролей и интересов, появление большего количества взрослых обязанностей, которые требуют самостоятельности и ответственности. Ключевыми видами деятельности в этом возрасте были выделены труд и деятельность. Этот возраст также сопровождается внутренними противоречиями, вызывающими неуверенность и сомнения в своих поступках. В период юности появляется потребность в уединении (Шаповаленко И.В., 2005).

Польская Н.А. определяет самоповреждающее поведение так: «поведение, охватывающее широкий круг действий, которые приводят к физическим повреждениям собственного тела» (Польская Н. А., 2016). Выделяют такие факторы появления самоповреждающего поведения: нейротизм, негативный когнитивный стиль, низкая самооценка и ощущение собственной неэффективности. Причинами самоповреждающего поведения являются желание подавить негативные эмоции, способ регуляции эмоций, самонаказание и попытки просьбы о помощи о окружающих.

Польская Н.А. определяет бодимодификации как «искусственные изменения тела, которые проводятся из-за эстетических, социально-идентификационных, религиозных или психологических мотивов» (Польская Н.А., 2017). Модификации тела рассматриваются как вид самоповреждающего поведения, практики самовыражения и самосовершенствования. Л. Кларк и М. Виттакер рассматривают модификации тела не только как отклоняющееся поведение, но и как способ самовыражения и контроля над жизнью через контроль тела. Бодимодификации проявляются в таких формах, как пирсинг, татуировки, шрамирования, вживление имплантов, манипуляции с ногтями и волосами и др. (Clarke, L. Whittaker M., 1998).

В исследовании Н.А. Польской показаны причины самоповреждающего поведения у несовершеннолетних: неблагополучие личности, снижение самооценки, увеличение уровня внутреннего конфликта, неадаптивные копинг-стратегии, семейное неблагополучие. Также в исследовании А.А. Бакановой, И.С. Седуновой, Т.М. Афанасьевой, И.В. Ивановой были определены характеристики самоповреждающего поведения: высокая косвенная агрессия, низкая оценка позитивных отношений с матерью, проявление асоциального поведения, критически (заниженное) отношение к себе, своей внешности, характеру, умственным способностям, здоровью, уверенности, авторитету у сверстников и положению в семье (Баканова А.А. и др., 2020).

Выделяют такие мотивы совершения бодимодификаций: психологические, социальные, медицинские. Современные исследования также выделяют мотивы, связанные с выражением индивидуальности, повышением привлекательности, аутоагрессией и стремлением подчеркнуть взрослость. В исследовании Ю.М. Бабина обнаружена связь между наличием бодимодификаций и склонностью к аддиктивному поведению среди подростков (Бабин Ю.М., 2019). В исследовании А.В. Дегтерева и Е.А. Галкиной описана связь увлечения бодимодификациями и уровня аутодеструкции, склонность к рискованным поступкам, экстремальным занятиям, аддиктивному и отклоняющемуся поведению у юношей (Дегтярев А.В., Галкина Е.А., 2015). Таким образом, бодимодификации связывают не только с самоповреждением, но и с выражением индивидуальности, повышением привлекательности и стремлением подчеркнуть взрослость.

Таким образом, дальнейшее изучение темы бодимодификаций и самоповреждающего поведения открывает новые перспективы для развития знаний об особенностях подросткового и юношеского периода развития, факторах, обуславливающих самоповреждающее поведение и совершение бодимодификаций, открывает возможности для использования полученной информации для работы по профилактике и коррекции несуйцидального

самоповреждающего поведения и создания безопасных и комфортных условий для развития юношей и подростков.

Литература

1. Бабин Ю.М. Роль бодимодификаций при выявлении девиантных форм поведения [Электронный ресурс] // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2019. – Том 38. – № S1-1. – С. 21-25.
2. Баканова А.А., Седунова И.С., Афанасьева Т.М., Иванова И.В. Клинико-психологические особенности самоповреждающего поведения подростков // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2020. – № 10. – С. 60-69.
3. Дегтярев А.В., Галкина Е.А. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 1. – С. 90-107. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2015_n1/76156 (дата обращения: 28.03.2023).
4. Польская Н. А. Модели коррекции и профилактики самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Том 24. – № 3. – С. 110–125.
5. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: автореф. дис ... доктора психол. наук. – М., 2017. – 51 с.
6. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) [Электронный ресурс]. – М.: Гардарики, 2005. – 349 с.
7. Clarke L., Whittaker M. Self-mutilation: culture, contexts and nursing responses [Электронный ресурс] // Journ. of Clinical Nursing. – 1998. – V. 7(2). – P. 129–137. – URL: https://www.academia.edu/85399413/Self_mutilation_culture_contexts_and_nursing_responses (дата обращения: 28.03.2023).

Особенности фаббинга, жизнестойкости и субъективного благополучия у несовершеннолетних и молодых взрослых

Давыдкина М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Двадцать первый век характеризуется динамичной информатизацией общества, проникновением современных технологий во все сферы жизни. В настоящее время неотъемлемой частью жизни человека является смартфон с доступом в глобальную сеть Интернет. Изобретение данного гаджета имеет ряд особенностей, но не всегда с положительным эффектом. С момента создания мобильного устройства в него постоянно внедряются новые функции. Однако усовершенствование возможностей этого изобретения ведет к утрате некоторых навыков, способностей и стремлений человека. Особенно сильному влиянию со стороны смартфона и всемирной паутины подвергается процесс социализации людей. При виртуальном общении люди забывают о живом общении, не понимая его значимости и пользы для существования в социуме. Одним из новых феноменов, связанных с нарушением коммуникации между людьми, является феномен фаббинг-поведения.

На сегодняшний день в научной литературе представлено недостаточно исследований, посвященных проблеме изучения особенностей взаимосвязи фаббинга, жизнестойкости и субъективного благополучия у несовершеннолетних и молодых взрослых.

Мы провели исследование, **цель** которого заключается в выявлении и описании особенностей фаббинга, жизнестойкости и субъективного благополучия у несовершеннолетних и молодых взрослых.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у несовершеннолетних и молодых взрослых с разным уровнем склонности к фаббинг-поведению существуют различия в уровне жизнестойкости и субъективного благополучия, а именно:

1. чем выше уровень склонности к фаббинг-поведению, тем ниже показатели по шкале жизнестойкости у несовершеннолетних и молодых взрослых;
2. чем выше уровень склонности к фаббинг-поведению, тем ниже показатели по шкале субъективного благополучия у несовершеннолетних и молодых взрослых.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняли участие 90 человек. Все респонденты имеют смартфоны (гаджеты) и являются их активными пользователями, исследование проводилось в онлайн формате. После предварительного анализа данных выборку эмпирической части исследования составили 75 человек в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст 20,5 лет). Из них респондентов мужского пола 22 чел. (29%) (в возрасте от 16 до 25 лет, средний возраст – 20,18 лет), респондентов женского пола 53 чел. (71%) (в возрасте от 16 до 25 лет, средний возраст – 20,58 лет). Выборка была разделена на 3 группы: 1) контрольная группа («К») – несовершеннолетние и молодые взрослые с низким уровнем склонности к фэббинг-поведению – 25 человек, респондентов мужского пола – 8 чел., респондентов женского пола – 17 чел. 2) группа сравнения 1 («С1») – несовершеннолетние и молодые взрослые со средним уровнем склонности к фэббинг-поведению – 25 человек, респондентов мужского пола – 3 чел., респондентов женского пола – 22 чел. 3) Группа сравнения 2 («С2») – несовершеннолетние и молодые взрослые с высоким уровнем склонности к фэббинг-поведению, 25 человек, респондентов мужского пола – 11 чел., респондентов женского пола – 14 чел.

Методики исследования. В исследовании применялась авторская анкета, направленная на сбор социально-демографической информации о респондентах и включающая в себя тематические вопросы по теме, связанной с использованием гаджетов (смартфонов). Методики: «Шкала фэббинга Карадага», адаптация О.А. Екимчик и Т. Л. Крюковой (О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, 2022), «Шкала партнерского фэббинга Робертса», адаптация О.А. Екимчик и Т. Л. Крюковой (О.А. Екимчик, Т.Л. Крюкова, 2022), «Тест жизнестойкости» в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006), Методика «Шкала субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду, адаптация М. В. Соколовой (Н.П. Фетискин, 2002). Применялся критерий Краскела-Уоллиса и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google-формы, размещенной в различных сообществах на платформе «ВКонтакте».

В авторской анкете мы спросили респондентов какие функции и приложения наиболее часто используются ими в течение дня. Около половины (48%) отметили, что пользуются социальными сетями и мессенджерами для общения, реже – приложениями для учёбы/работы. Наименее часто респонденты просматривают новости (всего 1%).

По результатам исследования было выявлено, что у несовершеннолетних и молодых взрослых с разным уровнем склонности к фэббинг-поведению существуют различия в уровне жизнестойкости и субъективного благополучия.

Корреляционная связь показателей фэббинг-поведения и жизнестойкости:

1. Чем ниже у человека развита способность сохранять самообладание в жизненных трудностях, умение владеть собой, тем сильнее выражено проявление фаббинг-поведения, ведь попытка «скрыться в своём гаджете» выступает как способ бегства от ситуации беспокойства и тревоги, когда человек не в силах открыто поговорить и решить затруднительную для него ситуацию.

2. Была обнаружена обратная значимая связь между показателями фаббинга и готовности к принятию рисков ($r = - 0,251$). Это может говорить о том, что люди, воспринимающие трудности, проблемы в жизни как опыт и точку развития, в меньшей степени склонны к проявлению фаббинг-поведения по отношению к окружающим.

3. Кроме того, была найдена значимая обратная связь между партнерским фаббингом и компонентом контроля ($r = - 0,348$), это может свидетельствовать о том, что человек с сильно развитым контролем ощущает, что сам выбирает свой путь, своего партнера и соответственно реже наблюдает пренебрежение со стороны своего партнера.

Корреляционная связь показателей фаббинг-поведения и субъективного благополучия:

1. Между шкалами «общий уровень субъективного благополучия» и «нарушение коммуникации» была найдена значимая корреляция ($r = - 0,355$), что позволяет сделать следующий вывод: с увеличением уровня субъективного благополучия в целом снижается чувство изоляции от окружения, появляется уверенность в себе, своих интересах и обществе.

2. Между шкалами «общий уровень субъективного благополучия» и «общий уровень фаббинга» была найдена значимая корреляция ($r = - 0,265$), что позволяет сделать следующий вывод: с увеличением позитивных качеств по отношению к себе и своей жизни (оптимизм, бодрость и уверенность в себе) уменьшается проявление фаббинг-поведения в реальной жизни: человек, удовлетворенный собой и своей жизнью, стремится к активной, наполненной разными впечатлениями и событиями жизни и поэтому гораздо реже у него возникает потребность обращаться к своему гаджету.

Современные тенденции говорят нам о том, что стало нормой жизни всегда быть с гаджетом в связи с его широкой функциональностью, поэтому важно учесть, что если фаббинг будет рассматриваться как поведение, соответствующее социальным нормам, то на его последствия не будет обращено должное внимание. На наш взгляд, важно изучать не только феномен фаббинг-поведения, но и последствия его включенности в различные сферы жизни людей. Данное направление является одним из наиболее актуальных в рамках психологических исследований ввиду развития технологического прогресса и возрастающей роли гаджетов в повседневной жизни человека.

Литература

1. Екимчик О.А., Крюкова Т.Л. Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: шкала фаббинга Карадага и шкала партнерского фаббинга Робертса // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Том 30. – № 3. – С. 112–128.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
3. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – С. 323–325.

Особенности ценностных ориентаций подростков, склонных к самоповреждающему поведению

Егоров Ф.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В настоящее время самоповреждающее поведение как вид девиантного поведения является предметом междисциплинарных исследований: медицины, психологии, социологии. Такой научно-практический интерес вызван культурно-исторической устойчивостью и универсальностью модели данного вида поведения, с одной стороны, и многообразием различных форм самоповреждения, с другой.

Самоповреждающее поведение (СП) – это вид девиантного поведения, который заключается в преднамеренном нанесении себе повреждений с целью облегчить эмоциональное состояние, справиться с тяжелыми переживаниями, болезненными воспоминаниями, ситуациями, которые трудно пережить, и невозможностью контролировать свою жизнь. Также хочется отметить, что СП может быть как физическим, так и психологическим (Галкина Е.А., Дегтярёв А.В., 2015).

Исследователями отмечается увеличение числа самоповреждений в последние годы, что зачастую вызывает необратимые последствия, которые негативно влияют на психологическое благополучие и на физическое здоровье подростков (Hawton K., Saunders K., O'Connor R.C., 2012).

В свою очередь, подростковый возраст – очень сложный период в жизни человека. В данный период у индивида сильно выражена чувствительность к

оценке окружающих, полярность проявления эмоциональных реакций, стремление к самостоятельности, сепарация от взрослых.

Также в подростковом возрасте активно формируются ценности и жизненные ориентиры ребенка. «Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» (Зауторова Э.В., 2010). Рассогласование желаемых и возможных ценностей приводит к нарушению субъективного благополучия личности, возникновению у подростка фрустрационных состояний.

Все вышеизложенное и определило цель проведенного исследования – выявление особенностей ценностных ориентаций подростков, склонных к самоповреждающему поведению.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что подростки, склонные к СП, обладают отличительными ценностными ориентациями по сравнению со своими сверстниками, не имеющими данной склонности. Так, подросткам, склонным к СП, в большей степени свойственна ориентация на индивидуалистические ценности и ценности личной жизни.

Исследование проводилось на онлайн платформе GoogleForms. Респондентами выступали активные участники форумов, обсуждающих данную проблематику в социальных сетях. Им было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы авторской анкеты и использованных в исследовании методик. Исследование было анонимным.

Таким образом, выборка эмпирического исследования представлена 81 человеком в возрасте 15-17 лет. Из них 56,8% юношей и 43,2% девушек. По результатам, полученным с помощью методики «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орла (СОП), выборка была разделена на две группы. В контрольную группу вошли респонденты, не склонные к самоповреждающему поведению, 30 подростков (14 мальчиков, 16 девочек). Основную группу составили респонденты, склонные к самоповреждающему поведению, 30 подростков (14 мальчиков, 16 девочек).

Для выявления особенности ценностных ориентаций у подростков обеих групп были использованы следующие методики: тест «Ценностные ориентации» М. Рокича и опросник «Смыслоразнозначные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева. Для обработки данных использовался статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS: непараметрический критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок.

По результатам, полученным с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича, были выявлены приоритетные и отвергаемые ценности основной группы. Так, наиболее предпочитаемыми ценностями подростки в этой

группе назвали: «развлечения», «свобода», «честность». В то время как отвергаемыми ценностями у подростков данной группы оказались: «красота природы и искусства», «счастье других», «познание», «исполнительность».

Достоверные различия были выявлены по выбору респондентами ценностей: «развлечения», «честность», «познание», «красота природы и искусства» ($p \leq 0,05$). Так, для подростков, склонных к самоповреждающему поведению, наиболее характерна выраженность таких ценностей, как: ценности общения, ценности личной жизни. При этом, данной группе подростков характерно отвержение абстрактных ценностей.

По методике «Смысложизненные ориентации» (СЖО), Д. А. Леонтьева основная группа показала значительно более низкие результаты, чем контрольная группа ($p \leq 0,05$ по всем шкалам методики). Подросткам, склонным к самоповреждающему поведению, характерны неудовлетворённость прожитой частью жизни, отсутствие целей на будущее, восприятие процессов своей жизни как чего-то неинтересного, не эмоционально насыщенного и не наполненного смыслом. Данные подростки не верят, что способны контролировать события собственной жизни и больше предрасположены к фатализму.

Таким образом, можно констатировать, что к особенностям ценностных ориентаций подростков, склонных к самоповреждающему поведению, относится выраженность ценностей общения, ценностей личной жизни и отвержение абстрактных ценностей.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о необходимости включения в профилактические программы по предупреждению формирования самоповреждающего поведения в подростковой среде технологий и методов, направленных на формирование и коррекцию ценностных ориентаций, которые оказывают влияние на повышение адаптивных способностей личности и самопринятие.

Литература

1. Галкина Е.А., Дегтярёв А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 1. – С. 90–107. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2015_n1/76156 (дата обращения: 26.04.2023).
2. Зауторова Э.В. Ценностные ориентации личности как междисциплинарная категория // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 4-1. – С. 62-70.
3. Hawton K., Saunders K., O'Connor R.C. Self-harm and suicide in adolescents // Lancet. – 2012. – Vol. 379 (9834). – P. 2373-2382.

Связь типа виктимного ролевого поведения и социальной адаптации в подростковом возрасте

Ельмеева М.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В современной России в процессе продолжающейся реформы системы образования возникает необходимость создания и организации условий обучения и воспитания детей, которые способствовали бы их полноценному культурному и нравственному развитию, а также формированию здоровой, активной и социально адаптированной личности. Процесс приобщения человека к обществу происходит в течение всей его жизни, однако наиболее интенсивное усвоение норм и требований социума наблюдается в подростковом возрасте. Стремясь стать полноценным членом общества, подростки в силу небольшого жизненного опыта и незавершенного процесса социализации нередко становятся жертвами преступных посягательств. Устойчивое свойство личности становится жертвой обстоятельств и преступлений чаще, чем другие люди, или в тех условиях, которые для большинства являются нейтральными, называют виктимностью (Петровский А.В., 2005). Изначально данное явление было предметом изучения криминальной виктимологии, однако в настоящее время прослеживается его смещение в общую и возрастную психологию. Перед педагогами и психологами ставится задача исследования генезиса виктимности, влияющих на ее появление факторов, а также разработка профилактических и коррекционных программ.

Основываясь на работах Мудрика А.В. (2000, 2008), Одинцова М.А. сузила понятие виктимизации до понятия «психологическая виктимизация», то есть это «процесс и результат субъективного отношения человека или группы людей к себе как к жертве неблагоприятных условий социализации, не всегда детерминированных криминальными или экстремальными особенностями характера» (Одинцова М.А., 2013). Проанализировав отечественную литературу, мы заметили, что феномен виктимности принято рассматривать в следующих парадигмах: как устойчивое личностное свойство (Андроникова О.О., 2010), как способность личности (Франк Л.В., 1977), как предрасположенность индивида (Одинцова М.А., Радчикова Н.П., 2012). Наиболее общим для современных психологов является понимание виктимности в качестве отклонения, причинами которого являются личностные и поведенческие характеристики, подлежащие воздействию социальных факторов, однако не обязательно связанных с

насильственными явлениями, но способствующих проявлению различных типов виктимного ролевого поведения.

Вопросы определения генезиса, причинно-следственных связей и факторов появления виктимного поведения являются дискуссионными среди зарубежных и отечественных психологов. В настоящее время существует небольшая экспериментальная база по исследованию данного феномена, а также наблюдается недостаток теоретических и практических обоснований формирования виктимной личности. Настоящая работа направлена на дополнение ранее проведенных эмпирических исследований виктимности и личностных детерминант, способствующих подобной форме девиантного поведения.

Объектом изучения выступает виктимное поведение.

Предмет исследования – особенности адаптации старших подростков с игровым и социальным типом виктимного ролевого поведения.

Цель эмпирического исследования – определение наличия связи между типом виктимного ролевого поведения и уровнем социальной адаптации современных подростков.

Основной гипотезой будем считать суждение, что существует связь между типом виктимного ролевого поведения и уровнем социальной адаптации.

При реализации процедуры исследования использовались следующие методы: авторская анкета, опросник «Тип ролевой виктимности» (авторы – М.О. Одинцова, М.А. Радчикова), «Опросник социально-психологической адаптации (Шкала СПА)» в переводе А.К. Осницкого (авторы – Р. Даймонд, К. Роджерс). Для обработки результатов использовались описательная статистика и коэффициент ранговой корреляции Спирмена (уровень значимости = 0,01 (двухсторонняя)).

Участниками исследования стали 82 подростка в возрасте от 15 до 17 лет включительно (средний возраст – 15,7 лет).

Была установлена обратная связь между типом виктимного поведения «Игровая роль» и значениями по шкале «Адаптация». Можно предположить, что при увеличении качества адаптации подростка к социальным условиям происходит снижение тенденции индивида к предъявлению игровой роли в качестве типа виктимного поведения, т.е. снижению вероятности вступления подростка в социально-ролевые отношения, которые имеют скрытую мотивацию, но соответствуют его внутренним особенностям и входят в проигрываемую ситуацию.

Кроме того, выявлена обратная связь между типом виктимного поведения «Социальная роль» и значениями по шкале «Адаптация». Вероятно, при увеличении качества адаптации к социальным условиям происходит снижение

тенденции подростка к предъявлению социальной роли в качестве типа виктимного поведения, т.е. снижению вероятности вступления индивида в социально-ролевые отношения, имеющие в себе особенности навязанной, стигматизированной ситуации.

Резюмируя выше написанное, отметим, что для старших подростков характерен средний уровень адаптации, что соответствует возрастной норме и обуславливается отсутствием обширного социального опыта. Была замечена тенденция к снижению дезадаптации: другими словами, отмечается успешное постепенное усвоение подростками социальных норм и правил, а также следование ролевым ожиданиям общества. При высоком уровне социальной адаптации снижается вероятность предъявления в обществе игровой и социальной роли жертвы индивидами, а также формирования позиции или статуса жертвы в качестве нормы. Если наблюдается низкий уровень социальной адаптации, то можно заметить следование старших подростков цели получения выгоды из неблагоприятно складывающихся для них обстоятельств.

Выдвинутая гипотеза о наличии связи между типом виктимного ролевого поведения и социальной адаптацией нашла свое подтверждение в проводимом нами исследовании. Настоящая работа дополняет ранее проведенные отечественные и зарубежные исследования, направленные на определение происхождения, причин, следствий и факторов виктимного поведения.

Литература

1. Андроникова О.О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №332. – С. 149-154.
2. Общая психология: слов. / Под ред. А. В. Петровского. – М.: Per Se; СПб.: Речь, 2005. – 250 с.
3. Одинцова М. А. Типы поведения жертвы: Диагностика ролевой виктимности. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2013. – 160 с.
4. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1303–1310.
5. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 237 с.

Влияние адаптивных особенностей личности на проявления интернет-зависимости

Киселёв К.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
(г. Саратов)

Научный руководитель – Романова Н.М.

В России 88,2% населения пользуются Интернетом (Статистика интернета и соцсетей, 2023). Высокий уровень вовлеченности в киберпространство несет как пользу (увеличение числа социальных связей, образование, самовыражение, удаленная работа), так и риски (интернет-зависимость, вовлечение в экстремистские и криминальные организации, интернет-мошенничество и т.д.).

Проект «Всемирная паутина» (один из вариантов реализации сети Интернет) был предложен в 1989 г., а в 1996, спустя всего семь лет, К. Young публикует первое исследование, посвященное феномену интернет-зависимости (Young K., 1996). Данный факт отражает ту скорость, с которой технологии внедряются в нашу культуру и меняют ее социально-психологическую составляющую.

К. Young (Young K.S., 1998) в структуру интернет-зависимости включила следующие показатели: а) чрезмерная увлеченность индивида Интернетом; б) развитая потребность в проведении всё большего количества времени в Интернете для получения удовлетворения; в) нерезультативные попытки контролировать продолжительность использования сети Интернет; г) наличие тревоги и депрессии при сокращении использования сети Интернет; д) потеря контроля над временем использования сетью Интернет; е) наличие угрозы для личных контактов, работы, учебы, карьеры по причине чрезмерного использования Интернета; ж) сокрытие правды о зависимости от членов семьи и специалистов, оказывающих помощь; з) использование Интернета с целью ухода от проблем.

D. Hinić полагает, что признаком интернет-зависимости является использование Интернета более 40 часов в неделю в нерабочих целях (Hinić D., 2011).

В настоящее время идет определённая научная дискуссия относительно терминологии между сторонниками концепции «интернет-зависимости» (К. S. Young, Case C., 2004; Mitchell P., 2000; Shapira N.A. et al, 2000) и теми, кто предлагает применять такие понятия, как «проблемное использование Интернета» (Davis R.A., et al, 2002; А.Б Холмогорова., А.А. Герасимова, 2017).

Так, Р.М. Yellowlees и S.Marks отрицают существование интернет-зависимости как отдельного психического расстройства (Yellowlees P.M., Marks S., 2007).

Цель исследования: изучить социально-психологические особенности влияния адаптивных особенностей личности (личностный адаптационный потенциал и копинг-стратегии) на формирование интернет-зависимости.

Методы исследования: Опросник поведения в Интернете А.Е. Жичкиной, методика МЛЮ-АМ «Адаптивность» А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина, Опросник «Способы совладающего поведения» Р Лазаруса.

Эмпирическая выборка: 170 человек (женского пола, возраст 18-28 лет).

Результаты

Непосредственно интернет-зависимыми являются 4,1% (7 человек) исследуемых, склонными к формированию онлайн-аддикции – 44,7% (76 человек) респондентов, не склонными к зависимости – 51,2% (87 человек) опрошенных.

На основе множественного линейного регрессионного анализа была установлена степень влияния независимых переменных (предикторов), отражающих личностный адаптационный потенциал и копинг-стратегии личности, на зависимую переменную (интернет-зависимость, мет. Жичкиной). Коэффициент регрессии имел значение $R=0,504$ ($R^2 = 0,254$, $F = 4,463$, $p < 0,0001$).

Таким образом, 25,4% дисперсии определяется исследуемыми предикторами, наиболее значимыми из которых являются: нервно-психическая устойчивость (МЛЮ-АМ, $\beta = -0,287$, $t = -2,011$, $p = 0,046$), моральная нормативность (МЛЮ-АМ, $\beta = 0,267$, $t = 3,58$, $p < 0,001$), копинг-стратегия «Положительная переоценка» (мет. Лазаруса, $\beta = 0,17$, $t = -1,980$, $p = 0,049$).

Была сформирована следующая регрессионная модель формирования интернет-зависимости:

Интернет зависимость (прогноз) = $2,657 - 0,309 * X_1 + 2,888 * X_2 - 0,054 * X_3$,
где X_1 – нервно-психическая устойчивость, X_2 – моральная нормативность, X_3 – копинг «Положительная переоценка».

Таким образом, с формированием интернет-зависимости в наибольшей степени связана сниженные поведенческая саморегуляция и нервно-психическая устойчивость, а также неразвитость навыков положительного переосмысления проблемной ситуации как составляющей личностного роста. В то же время выделяется парадоксальное влияние предиктора моральной нормативности: к интернет-зависимости в большей степени склонны индивиды с высоким уровнем восприятия морально-нравственных норм поведения и требований общества.

Интернет-зависимый индивид в данном случае не способен управлять своими побуждениями и оптимистично воспринимать реальность, принимать проблемы как само собой разумеющиеся и преодолевать их, в то же время он

интенсивно ощущает «груз моральной ответственности», которая для него значима. В данном случае чрезмерная ориентация на этические нормы компенсируется уходом от реальности в виртуальное пространство.

Данное исследование соотносится с результатами А.А. Многосмысловой (Многосмылова А.А., 2020), согласно которым с интернет-зависимостью связан копинг «избегание проблем». Деадаптивная составляющая личности в контексте акцентуации неустойчивого и шизоидного типов у интернет-зависимых была раскрыта в диссертационной работе Д.Ч. Мавани (Мавани Д.Ч., 2018).

Выводы и заключение

В настоящее время тематика интернет-зависимости остаётся довольно актуальной. Несмотря на сравнительно невысокий процент респондентов с развитой формой интернет-аддикции, половина из них находится в так называемой «зоне риска». Кроме того, стоит отметить, что интернет-пространство тесно связано с повседневной жизнью, молодые люди находятся практически 24 часа в сутки «на связи» рядом со включенными устройствами (например, смартфонами), что затрудняет саму психологическую диагностику данной формы девиантного поведения, которая становится «неосознанной нормой».

По итогам настоящего исследования значимым является формирование у молодежи навыков психической саморегуляции и преодоления проблем путем их позитивного принятия, а также непосредственная психологическая поддержка со стороны близких.

Литература

1. Мавани Д.Ч. Клиника, психопатологическая динамика и факторы риска развития компьютерной зависимости: автореф. дис. ... канд. мед наук – М., 2018. – 23 с.
2. Многосмылова А.А. Взаимосвязь копинг-стратегий и интернет-зависимости человека // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – №1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN120.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Том 27. – № 3. – С. 138–155.

5. Davis R.A., Flett G.L., Besser A. Validation of a new scale for measuring problematic internet use: implications for pre-employment screening // *Cyberpsychology Behavior*. – 2002. – Vol. 5. – Iss. 4. – P. 331–345.
6. Hinić D. Problems With ‘Internet Addiction’ Diagnosis and Classification // *Psychiatria Danubina*. – 2011. – Vol. 23. – Iss. 2. – P. 145–151.
7. Mitchell P. Internet addiction: genuine diagnosis or not? – *Lancet*. – 2000. – № 355(9204). – URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(05\)72500-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(05)72500-9/fulltext) (дата обращения: 05.05.2023).
8. Shapira N. A., Goldsmith T. D., Keck P. E. et al. Psychiatric features of individuals with problematic internet use // *Journal of Affective Disorders*. – 2000. – Vol. 57. – Iss. 1–3. – P. 267–272.
9. Yellowlees P.M., Marks S. Problematic Internet use or Internet addiction? // *Computers in Human Behavior*. – 2007. – Vol. 23. – Iss. 3. – P. 1447-1453.
10. Young K.S. Caught in the net: how to recognize the signs of internet addiction-and a winning strategy for recovery. – NY: John Wiley & Sons, Inc.; 1998. – 256 p.
11. Young K.S. Psychology of computer use: Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype // *Psychological Reports*. – 1996. – № 79. – P. 899–902.

Опыт детско-родительских отношений у юношей и молодых взрослых как фактор склонности к созависимым межличностным отношениям

Коробова Д. К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Феномен созависимости в межличностных отношениях был выделен в психологической науке лишь в конце прошлого века. Изначально понятие созависимости применялось для описания совместной жизни с человеком, имеющим химическую форму зависимости (в частности, алкогольную, наркотическую). Однако, по мере изучения данной проблемы, феномен созависимости в межличностных отношениях стал распространяться на людей, испытывающих эмоциональную зависимость от значимого другого человека, который не всегда имеет химическую форму зависимости (Емельянова Е. В., 2016).

Выделены два основных подхода к пониманию причин формирования склонности к созависимости: межличностный и внутриличностный.

Большинство исследователей относят к основной причине формирования склонности к созависимости опыт проживания в дисфункциональной семье. Модель межличностных отношений и отношения к самому себе ребенок усваивает именно через примеры отношений в собственной семье и воспринимает их как норму. Проживание в неблагополучной семье обуславливает несформированность структуры «Я», а также ведет к формированию определенных личностных характеристик: низкой самооценки, внешней референции, страха одиночества, страха интимности, неумения выражать собственные эмоции, пренебрежения собственными потребностями, чувства вины и стыда.

Для изучения феномена созависимости нами было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении и описании особенностей опыта детско-родительских отношений у юношей и молодых взрослых как фактора склонности к созависимым межличностным отношениям.

Гипотезой послужило предположение о том, что склонность к созависимым межличностным отношениям у юношей и молодых взрослых связана с наличием опыта дисгармоничных детско-родительских отношений, а именно:

1. Наличие члена семьи с зависимостью способствует вступлению юношей и молодых взрослых в созависимые межличностные отношения.

2. Опыт проживания в дисфункциональной семье является одной из причин формирования склонности к созависимости в межличностных отношениях.

3. Несформированность надежной привязанности к родителям в детском возрасте ведет к формированию личности, склонной к созависимости.

В исследовании приняли участие 56 человек в возрасте от 17 до 25 лет. Из них юношей - 16 человек, девушек - 40 человек. Респондентам предлагалось пройти Google-форму, состоящую из демографической анкеты и пяти методик: Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик (1995); Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой (2016); Опросник «Привязанность к матери взрослого в детстве» Г. Г. Филипповой, Н. В. Матушевой; «Шкала созависимости Уайнхолд» Берри Уайнхолд, Джени Уайнхолд (1989); Тест «Выявление зависимости в чувстве любви» А. В. Котлярова (2006).

Для выявления влияния наличия созависимого родителя на выраженность склонности к созависимости совокупная выборка была разделена на группу с зависимым родителем и группу без зависимого родителя по результатам ответов на вопрос из демографической анкеты о наличии у хотя бы у одного из родителей опыта злоупотребления алкоголем или наркотиками. Было установлено, что

уровень склонности к созависимым отношениям выше в группе людей с зависимым родителем.

Для проведения дальнейших вычислений совокупная выборка была разделена на две равные группы по результатам шкалы созависимости Уайнхолд: контрольная группа «К» – «не склонные к созависимым межличностным отношениям»; группа сравнения «С» – «склонные к созависимым межличностным отношениям».

Было установлено, что у склонных к созависимости уровень проявления таких индивидуально-типологических особенностей, как сензитивность и тревожность выражен больше, чем у людей несклонных. У склонных уровень проявления спонтанности, агрессивности и ригидности, наоборот, выражен меньше, чем у несклонных.

Также у склонных к созависимости людей уровень зависимости в чувстве любви значительно выше, чем у не склонных к созависимости. Данные результаты позволяют предположить, что такие люди чаще сталкиваются с созависимостью именно в романтических отношениях, так как имеют зависимость в чувстве любви.

У склонных к созависимости уровень выраженности семейных дисфункций выше, чем у не склонных к созависимости. В частности, в семьях склонных к созависимости людей преобладают такие семейные дисфункции, как критика, индуцирование тревоги, элиминирование эмоций и внешнее благополучие. Также была установлена прямая корреляция между наличием семейных дисфункций и склонностью к созависимости в межличностных отношениях. Данные результаты можно объяснить тем, что в дисфункциональных семьях частым явлением является наличие критики, фиксация родителей на жизненных трудностях и неудачах ребенка, запрет на выражение эмоций, также данный тип семей старается скрыть свое неблагополучие.

В группе сравнения степень тревожности и степень избегания в привязанности к матери в детстве значительно выше, чем в контрольной группе. Была установлена прямая корреляция между степенью тревожности и склонностью к созависимости, а также между степенью избегания и склонностью к созависимости. Таким образом, можно установить, что у людей, склонных к созависимости, нарушенный тип привязанности к матери в детстве встречается чаще, нежели у не склонных к созависимости.

Проведенное эмпирическое исследование подтверждает предположение о том, что опыт детско-родительских отношений может быть фактором формирования склонности к созависимым отношениям. В частности, опыт проживания в дисфункциональной семье ведет к развитию данной склонности,

так как опыт детско-родительских отношений влияет на установление межличностных отношений в период юности и ранней взрослости.

Литература

1. Башманов В. В., Калиниченко О. Ю. Феномен созависимости: медико-психосоциальный аспект // Вестник новых медицинских технологий [Электронное издание]. – 2015. – №1. – С. 5-3. – DOI: 10.12737/10338.
2. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб.: Речь, 2016. – 320 с.
3. Короленко Ц. П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия – М.: «Академический проект», Екатеринбург: «Деловая книга», 2000. – 460 с.
4. Макушина О. П. Психология зависимости: учебное пособие для вузов. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2007. – 79 с.

Особенности эмоциональных переживаний родителей детей, совершивших преступления

Кубахова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В соответствии с последней сводкой Росстата о преступности несовершеннолетних, за период с 2018 по 2021 годы, наблюдается снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, однако стоит учитывать, что многие формы противоправного поведения сейчас переходят в виртуальную реальность, есть тенденция к утяжелению преступлений, совершаемых несовершеннолетними (они становятся более общественно опасными), а также есть тенденция к снижению возраста вовлечения в противоправную активность.

На электронном ресурсе «eLIBRARY» нами были сделаны такие запросы, как: «эмоциональная сфера», «эмоциональные переживания», «несовершеннолетние правонарушители» и «переживания родителей». Число публикаций по данным ключевым словам имеет тенденцию к росту, что подтверждается статистикой с 2015 по 2022 годы. Это может свидетельствовать о возможном подъеме интереса к данной теме в научном дискурсе в дальнейшем. На данный момент исследования на тему эмоциональных переживаний родителей, чьи дети совершили правонарушения, дефицитарны.

Цель нашего исследования заключается в описании и обобщении спектра эмоциональных переживаний родителей, чьи дети совершили преступления.

В связи с целью нами были выделены следующие задачи исследования:

1. Описать психологические особенности делинквентного поведения и правовые аспекты преступности несовершеннолетних.
2. Раскрыть динамику детско-родительских отношений между родителями и несовершеннолетними правонарушителями.
3. Рассмотреть специфику эмоциональной сферы, эмоционального реагирования и категорию переживания в психологии.
4. Описать теоретические подходы к пониманию эмоциональных переживаний и их виды.

Категория переживания – это ключевое понятие в психологии, которое исследуется в различных областях для понимания человеческой личности. Учитывая, что переживание субъективно и может сказаться на каждом человеке по-разному, выделение его видов и теоретических подходов к изучению позволяет определить множественное воздействие переживаний на психическое и физическое здоровье. Л.С. Выготский предлагал понимать переживание как базовую категорию психологии, позволяющую рассматривать в динамическом единстве личность и среду, а С.Л. Рубинштейн считал переживание составной частью предмета психологии, его субъектной стороной, дополняющей знание, объектную сторону. Согласно Ф.Е. Василюку, категория переживания рассматривается не как психическая функция, а как самостоятельный процесс, включающий в себя субъективный опыт человека.

Ковалевская А.А. выделяет следующие стадии переживания горя:

1. шок или оцепенение (характеризуется отсутствием сильных эмоциональных переживаний, потерей аппетита, малоподвижностью, искажением восприятия реальности);
2. страдание (характеризуется острыми переживаниями: вины, злости, тревоги, брошенности, одиночества);
3. реорганизация (характеризуется восстановлением физического состояния, переключением внимания человека на повседневную деятельность, редкими приступами острых переживаний);
4. завершение (на место острых переживаний приходит печаль, жизнь входит в свое обычное русло).

Данные стадии выделяются условно, так как процесс переживания горя индивидуален и нельзя установить четких границ перехода одной стадии в другую.

Эмоциональные переживания родителей несовершеннолетних правонарушителей имеют свою специфику. Родители испытывают сильные чувства вины, страха и беспокойства по поводу поведения своих детей. Они могут чувствовать, что не справились с воспитанием своего ребенка, что сами не были достаточно внимательны и заботливы. Кроме того, они боятся за будущее своего ребенка. Родители также могут страдать от социальной стигматизации и осуждения со стороны окружающих, что только усиливает их эмоциональные переживания. Все это может привести к различным психологическим проблемам.

В ходе исследования мы анализировали книгу Сью Клиболд (матери подростка, совершившего вооруженное нападение на образовательную организацию). Основной посыл книги звучит так: «С этим может столкнуться каждый». Эта мысль действительно подтверждается словами многих знакомых этой семьи, впоследствии журналистов, общавшихся с этой семьей, да и самой Сью Клиболд. Все они никогда не могли бы предположить, что по вине сына Клиболдов произошла подобная трагедия. Они сами считали себя обычной, вполне счастливой семьей. Это наталкивает на мысли о том, что не все преступления несовершеннолетних происходят из-за недостатка воспитания или некомпетентности родителей.

В дальнейшем следует проводить дополнительные эмпирические исследования по данной теме с целью организации психосоциальной работы с родителями несовершеннолетних, проявляющих признаки делинквентного поведения.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 2018. – 304 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: МГУ, 1984. – 240 с.
3. Клиболд С. Дневники матери / Пер. с англ. В. Краснянской. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 384 с.
4. Ковалевская А.А. Психологические особенности переживания горя и утраты // Гуманитарные науки. – 2020 – №1(49). – С. 130-135.
5. Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 105-110.

Законодательные пробелы регламентирования статуса лиц с физическими недостатками в уголовном процессе

Маков А.С.

Уфимский университет науки и технологий
(г. Уфа)

Научный руководитель – Козырева И.Е.

В современном мире есть люди, имеющие физические недостатки: слабое зрение или его отсутствие, глухота или немота и другие. Несмотря на это, данные люди пользуются такими же правами и обязанностями, как и здоровые граждане, однако на современном этапе развития уголовного права остаются некоторые пробелы в регламентации порядка производства следственных действий с участием или в отношении данных лиц.

Актуальной данная проблема является и потому, что не существует каких-либо рекомендаций для следователя, которые позволяли бы ему без ошибок расследовать дела с участием указанных лиц, да и сам Уголовный кодекс особо не закрепляет статус лиц с физическими недостатками, за исключением статьи 51 УПК РФ (Туктарова Н.А., 2009), согласно которой участие защитника обязательно в случае, если лицо в силу физических недостатков не в состоянии само защищать свои интересы.

Начать стоит с того, какими особенностями обладают лица с физическими недостатками. Исследователями установлено, что у людей, например слепых, отсутствие зрения компенсируется чем-то другим, например отличной памятью или же слухом. С одной стороны, это могло бы помочь следствию узнать некоторые детали преступления, если, например, данное лицо было свидетелем, узнать у него, что говорил преступник потерпевшему, если по-другому это установить невозможно. Однако вероятность того, что «звезды сойдутся», очень мала: почти на каждом шагу стоят камеры, отчего узнать данную информацию можно и не от свидетеля.

Еще одной важной особенностью является то, что допрашиваемым глухонемым людям свойственно делать догадки о том, что, например, говорил преступник потерпевшему перед убийством. Происходит это потому, что такие лица сначала зрительно воспринимают информацию, а лишь затем начинают ее анализировать (Файзрахманова И.Р., Сайфутдинова А.А., 2021). Следователь должен учитывать это и при оформлении протокола допроса делать упор лишь на зрительные данные, то есть те, которые будут абсолютно верны, при условии, что мы говорим о свидетеле, желающем помочь следствию.

Главной особенностью допроса таких лиц является наличие переводчика, например, сурдопереводчика, который знает пальцевую азбуку и способен с ее помощью общаться с глухонемыми. Однако со слепыми людьми есть одна важная особенность: для них существует своя азбука – Брайля, – по которой каждая буква и символ имеют свое обозначение в точечном формате. На практике это выглядит как поверхность с выпуклостями, трогая которые слепые читают написанный на ней текст. Следовательно, составляя протоколы и иные процессуальные документы, пользуется обычным способом их написания, отчего слепые люди попросту не смогут понять, что написано в них. А потому в науке считают правильным приглашать постороннее незаинтересованное лицо, например, родственников допрашиваемого, которые смогут вместо него удостовериться в правильности составленного документа и расписаться в нем (Мамаева Р.О., 2017). Вместо родственников данную функцию может осуществить и адвокат – в случае, если речь идет о подозреваемом, ведь, как нами уже отмечалось, его участие в подобных делах обязательно. Однако мы считаем, что данное решение не совсем корректно, так как, во-первых, у такого лица может и не быть близких родственников, способных осуществить указанную функцию, во-вторых, заставить гражданина в обязательном порядке явиться в следственный орган, чтобы убедиться в правильности составления процессуального документа следователем, законодательно нельзя, так как это будет нарушать его права, а в-третьих, постоянное вовлечение в процесс третьих лиц выглядит невозможным, так как обязать граждан государство не может – у них, помимо походов в следственные органы и в суд, есть и другие дела, другие обязанности. А потому нам кажется правильным расширить статью 51 УПК РФ и для защиты прав лиц с физическими недостатками приглашать в процесс адвокатов, а если в деле участвуют два свидетеля с физическими недостатками, достаточным, на наш взгляд, будет участие одного адвоката на двоих, так как в его обязанности будет входить не выступление в процессе, а слежение за правильностью составления процессуальных документов и информирование об этом граждан. Причем данный механизм видится более правильным еще и потому, что близкие родственники за ненадлежащее исполнение своих обязанностей никакой ответственности не понесут, а вот адвокаты как минимум могут лишиться адвокатского статуса.

Еще одна важная деталь проведения следственных действий с участием лиц, имеющих физические недостатки, – это отсутствие понятых. В литературе высказывается мнение, что, например, глухие не смогут услышать, о чем говорил следователь с понятыми, а потому ему будет казаться, что понятые вовсе не независимые граждане, причем такое подозрение будет обоснованным и возникнет в первую очередь у подозреваемого лица с физическими

недостатками, думающего, что следователь подговаривает понятых сделать что-нибудь, а адвокат просто ненадлежащим образом исполняет свои обязанности, что может нарушить права данного лица.

Таким образом, участие в уголовном процессе лиц с физическими недостатками возлагает на следователя дополнительную ответственность за проведение следственных действий, так как кроме статьи 51 УПК РФ ничто не регламентирует статус лиц с физическими недостатками. В науке этому вопросу уделено недостаточное внимание, а потому нам видится правильным усовершенствование уголовного закона в целях защиты прав граждан, которую правовое государство ставит превыше любых других целей.

Литература

1. Мамаева Р.О. Психологические основы и процессуальные особенности допроса лиц, имеющих физические недостатки // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Том 27. Вып. 3. – С. 134–137.
2. Туктарова Н.А. Процессуальные гарантии защиты прав лиц, страдающих физическими или психическими недостатками // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 144–146.
3. Файзрахманова И.Р., Сайфутдинова А.А. Особенности проведения допроса лиц, имеющих физические недостатки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-3 (63). – С. 145–147.

Опыт содержания домашних животных как способ снижения риска девиантного поведения у ребёнка

Маругаева Э.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Лаврешкин Н.В.

В данном исследовании под понятием "эмпатия" мы подразумеваем эмоциональный отклик на переживания другого человека, вызванный проникновением в его чувственную сферу и пониманием его эмоционального состояния (Карягина Т.Д., 2013).

Существует эмоциональная и когнитивная эмпатия. Первая связана с отражением и повторением эмоциональных и двигательных реакций другого человека, а вторая основана на интеллектуальных процессах (Горбатова Е.А., 2014).

Под влиянием эмпатии ребенок учится переживать чувства других людей, что помогает ему лучше понимать, ценить их; способствует развитию потребности в благополучии окружающих людей. С возрастом и развитием личности подростка эмпатия становится ключевым фактором его морального развития.

Между эмпатией и нравственным поведением существует глубокая связь. Нравственные нормы, усвоенные на ранних стадиях развития, проявляются в поступках и суждениях. Подростки с высоким уровнем эмпатии объясняют свои межличностные трудности внутренними причинами, в то время как дети с низким уровнем эмпатии ищут причину в других. Люди с социально-неадаптивными формами поведения часто имеют большую обращенность в прошлое и меньшую направленность в будущее по сравнению со своими сверстниками (Чиненова Л.И., 2019).

В исследовании М.Л. Мельниковой было обнаружено, что делинквентное поведение у подростков связано с низким уровнем развития эмоционального компонента эмпатии. У таких подростков часто наблюдается эмоциональная отчужденность, заикленность на своих чувствах, трудности в выдаче реакции, связанной с эмоциональной вовлеченностью (Мельникова М.Л., 2011).

Из исследований А.Г. Басовой следует, что развитие механизмов, связанных с компонентами эмпатии, может помочь предотвратить агрессивное поведение (Басова А.Г., 2012).

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что существует определенная связь между девиантным поведением и уровнем эмпатии, так как второе может прямо влиять на первое, что подтверждает актуальность исследования.

В качестве **психологического механизма развития эмпатии** может выступать формирование у ребенка доброжелательного отношения к животным. Общение с животными, понимание их инстинктов, привычек и потребностей, а также ответственное отношение к ним – все это может способствовать развитию эмпатии у человека.

В своих исследованиях психологических особенностей взаимодействия человека с домашними животными А.В. Гагарин пришел к выводу, что это направление не только перспективно с теоретической точки зрения, но также имеет практическое значение и востребовано в разных сферах индивидуальной и групповой социальной активности. Социально-психологическая сторона контакта человека с природными объектами оказывает существенное влияние на личность и способствует ее социализации через развитие различных сфер личности (Гагарин А.В., 2016).

Результаты исследования Н. Тэйлор и Т.Д. Сигнал указывают на существование сильной связи между эмпатией и отношением к животным (Тэйлор Н., Сигнал Т.Д., 2005).

По данным исследования Г.В. Шуковой можно сделать вывод, что у владельцев питомцев есть определенные психологические аспекты, в частности – особенности эмпатии (Шукова Г.В., 2015).

Из проведенного исследования литературы следует, что **актуальность** нашей темы определяется тем, что развитие эмпатии может помочь предотвратить деструктивное поведение, уменьшить количество конфликтов и справиться с высоким уровнем агрессии.

Цель исследования: определить особенности эмпатии у людей, имевших опыт проявления заботы о домашних животных. **Объектом** исследования выступают личностные особенности людей, имевших домашних животных в детстве.

Предметом исследования является эмпатия.

Гипотеза: существуют особенности эмпатии у людей, которые в детстве заботились (ухаживали, кормили, принимали ответственность) о домашних животных, их уровень эмпатии средний и выше.

Задачи: дать определения эмпатии, проанализировать понятие эмпатии, выявить её особенности у владельцев домашних животных.

Методы: анализ литературы по теме исследования, анкетирование, тестирование, математико-статистический анализ.

Методики:

- Авторская анкета, которая была разработана для выявления особенностей ухода испытуемого за своим питомцем.
- Опросник эмоциональной эмпатии Мехрабиана и Эпштайна.
- Опросник «Уровень сопереживания» Синома Барон-Коэн, Салли Уилрайт.

Выборку составили студенты различных вузов. В исследовании приняли участие 60 человек, у 26,7% из них не было домашних животных, и у 73,3% домашние животные были. Распределение выборки по полу: 58,3 % девушек и 41,7% юношей.

Далее испытуемые были распределены по другому критерию: осуществляли ли они уход за своим питомцем. То есть люди, у которых животных не было вовсе, были приравнены к тем, у кого они были, но обязанности и действия по отношению к ним не выполнялись. Получилось, что 41,7% участников исследования не ухаживали и 58,3% ухаживали в детстве за домашними животными.

Была проведена проверка результатов по тесту Шапиро-Уилка на нормальность распределения, позволившая использовать параметрический статистический критерий.

Математическим t-критерием Стьюдента проверялась гипотеза о том, что у людей, заботившихся о животных, в среднем уровень эмпатии средний и выше. Так как в обоих случаях t критическое $< t$ наблюдаемое, и $p < 0,05$, то гипотеза подтверждается.

Также с помощью t-критерия Стьюдента проверяем гипотезу о том, что у людей, заботившихся о животных, в среднем уровень эмпатии выше, чем у тех, у кого не было такого опыта. Гипотеза подтверждается.

Подводя итоги, заключаем, что домашние животные имеют большое значение для человека, и забота о них может повысить уровень эмпатии у владельцев. Исследования показывают, что люди, имеющие опыт заботы о своих питомцах, обладают более высоким уровнем эмпатии. Предполагается, что введение домашнего животного в семью и приучение ребенка к обязанностям по уходу за ним может способствовать развитию у него навыков коммуникации и заботы, а также улучшить межличностные отношения. Однако, важно понимать, что забота о животном должна быть осознанной и ответственной, чтобы достичь положительных результатов в развитии эмпатии и других навыков.

Рекомендации: в семье рекомендуется наличие домашнего животного, так как это поможет и взрослым справляться со своими эмоциями, и ребенку в будущем быть более эмпатичным, что может повлиять на снижение уровня риска девиантного поведения.

Литература

1. Басова А.Г. Теоретические аспекты взаимосвязи эмпатии и агрессии // Молодой ученый. – 2012. – № 8. – С.256–258.
2. Гагарин А.В. Социально-психологические эффекты межвидового взаимодействия в группе «Человек - домашнее животное» // Вестник РУДН. Серия Педагогика и психология. – 2016. – № 2. – С.27-35.
3. Горбатова Е.А. Эмпатия: психологическая структура и механизмы реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2014. – Том 21. – № 1. – С. 23-28.
4. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дис ... канд. психол. наук. – М., 2013. – 175 с.
5. Мельникова М.Л. Структура эмпатических переживаний и социальная позиция делинквентных подростков в проявлении эмпатии // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 5. – С.148–154.

6. Чиненова Л.И. Развитие эмпатии у подростков с девиантным поведением // Аллея Науки. – 2019. – № 1(28). – С. 346-351.
7. Шукова Г.В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных // Известия Саратовского университета. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – №1. – С.83-87.
8. Taylor N., Signal T.D. Empathy and attitudes to animals // Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. – 2005. – Vol. 18(1). – P. 18 – 25. – DOI: 10.2752/089279305785594342.

Манифестация нарушений в структуре личности серийных сексуальных преступников (критерий ANOVA)

Нечесова С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Актуальность исследования. Современные количественные и качественные методы психологии редко применяются при анализе преступного поведения. В то же время запросы со стороны правоохранительных и судебных органов, а также в судебной экспертизе за последние несколько лет выявляют такую приоритетность. В настоящее время особенную актуальность приобретают исследования, связанные с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в связи с их резким ростом (Состояние преступности, 2023).

Проблема исследования. Преступления сексуальной направленности в большинстве случаев совершаются с признаками серийности и имеют садистскую направленность, что обусловлено не только наличием у преступников расстройств сексуального предпочтения (парафилиями), но и недостатком самоконтроля и формированием паттерна антисоциального общественно опасного поведения (Дворянчиков Н.В., Нечесова С.В., 2022; Нечесова С.В., 2021; Нечесова С.В., 2020а; Нечесова С.В., 2020б). Все перечисленные нарушения имеют свой период манифестации и развития.

Объектом исследования выступили индивидуально-личностные компоненты структуры личности серийных сексуальных преступников (далее – ССП), которые изучались в рамках биопсихосоциального подхода.

Предметом исследования выступили криминогенные симптомокомплексы, в рамках которых рассматривалась манифестация клинических и субклинических признаков криминальной сексуальной агрессии в двух группах ССП.

Цель исследования: выявление корреляции и взаимовлияния манифестаций нарушений у ССП и тех связанных с этими нарушениями поведенческих отклонений, которые могут способствовать формированию криминогенного симптомокомплекса.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что манифестация нарушений, которые могут войти в криминогенный симптомокомплекс у ССП, имеет определенный тренд и закономерности развития.

Методология и методы исследования. Для проведения исследования автором использовались теоретические *методы*: синтеза, анализа; метод контент-анализа; архивный метод.

В *методологию* эмпирического многомерного анализа вошли: методы автокорреляции, дисперсионный анализ ANOVA и методы линейной и нелинейной регрессии.

Выборка исследования: анализ выборки проводился с использованием архивных данных Н.В. Дворянчикова. Для анализа были выбраны 22 подэкспертных мужского пола: 11 подэкспертных, которые вошли в группу № 1 (садисты) и 11 подэкспертных, которые вошли в группу № 2 (несадисты), - совершивших серийные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (квалифицируемые по ст.ст. 131-135 УК РФ) и находящихся в условиях судебно-медицинского надзора, в стационаре, на проведении судебно-медицинской экспертизы.

Результаты исследования:

1) при сравнении среднеквадратичных значений манифестации садизма и расстройств сексуального предпочтения (парафилий) по методу ANOVA был получен уровень значимости в группе значений Sig = 0,067, то есть разность между значениями в манифестации садизма и расстройств сексуального предпочтения между исследуемыми группами не существенна и не имеет статистической значимости Sig > p 0,05. Тем не менее график распределения и тенденций развития нарушений в данной группе значений представляет собой пересекающиеся линии линейной регрессии и экспоненты, что означает, что взаимовлияние факторов имеет место, но между средними значениями факторов нет корреляции. Взаимовлияние факторов было отмечено на наблюдаемом периоде 12-15 лет (манифестация повседневного садизма) и влияние экспоненты (манифестация парафильного поведения) было отмечено на наблюдаемом

периоде 32-33 года. Это означает, что при условии манифестации повседневного садизма в возрасте 12-15 лет у подэкспертных из обеих групп наблюдалось развитие расстройств сексуальных предпочтений (парафилий), которые, возможно формируются из-за смещения объекта либидо, в результате его восприятия в пубертатном периоде на фоне паттерна поведения садистической направленности;

2) при сравнении среднеквадратичных значений манифестации психических нарушений и расстройств сексуального предпочтения (парафилий) по методу ANOVA был получен уровень значимости в группе значений $Sig = 0,051$. Разность между значениями невысока: $Sig = p 0,05$. Это означает, что слабая взаимосвязь между манифестациями данных нарушений присутствует, но она статистически не значима. График распределения показал две параллельные линии: экспоненты и линейной регрессии значений. Это означает, что возраст манифестации нарушений не влияет друг на друга;

3) при сравнении результатов дисперсионного анализа в последней группе значений по манифестации сексуального садизма и расстройств сексуального предпочтения (парафилий) обнаружилась высокая степень корреляции: $Sig = 0,005 < p 0,05$ и во втором факторе: $Sig = 0,013 < p 0,05$. Поэтому можно сделать вывод о том, что периоды манифестации расстройств сексуального предпочтения и периоды манифестации сексуального садизма в группах ССС и ССП взаимосвязаны.

Таким образом, в результате проведенного исследования были сформулированы следующие **выводы**:

1) манифестация паттерна повседневного садизма в пубертатном периоде у подэкспертных обусловила появление и развитие у них расстройств сексуального предпочтения к возрастному периоду 32-33 года. Таким образом, можно предположить, что паттерн повседневного садизма влияет на восприятие и смещение объекта либидо, что способствует закреплению парафильного поведения;

2) период манифестации расстройств сексуального предпочтения не имел взаимосвязи с возрастом манифестации психических расстройств у подэкспертных;

3) манифестация паттерна сексуального садизма показала тесную взаимосвязь с возрастом манифестации расстройств сексуального предпочтения (коморбидных парафилий), обусловив, таким образом, их формирование и развитие на возрастном периоде от 10 до 20 лет, при этом в возрасте 20-22-х лет график распределения показал взаимодействие двух нарушений;

4) повседневный и сексуальный садизм можно считать объяснительным критерием возникновения расстройств сексуального предпочтения в данной выборке ССП.

Для окончательных выводов о наличии и содержании криминогенных симптомокомплексов, а также выявления тесной взаимосвязи между нарушениями и их манифестацией в процессе онтогенеза в судебно-медицинской выборке ССП, автор считает, что выборку ССП необходимо увеличить, расширить перечень нарушений и применить для матанализа методы множественной регрессии.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Нечесова С.В. Иерархический кластерный анализ аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении серийных сексуальных преступников // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. – С. 161-168.
2. Нечесова С.В. Клинические аспекты криминального поведения серийных сексуальных убийц и их использование в географическом профилировании // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2021. – № 1. – С. 82-88.
3. Нечесова С.В. Сексуальный сценарий как основа *modus operandi* серийных сексуальных убийц // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 141-146.
4. Нечесова С.В. Этиология зависимого поведения серийных сексуальных убийц // Коченовские чтения-2020. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2020. – С. 45-46.
5. Состояние преступности за январь-декабрь 2022 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – М., 2023. – с. 6, 58.

Связь между потреблением новостного контента и повышенным уровнем тревожности

Новиков Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Взаимосвязь между потреблением новостей и тревожностью – это растущая область исследований, которая в последние годы привлекает все больше внимания. Быстрое развитие технологий и широкая доступность новостей и СМИ изменили способ доступа людей к информации, упростив информирование о текущих событиях. Однако, расширение доступа к новостям и информации также привело к увеличению воздействия негативных и стрессовых событий, что может оказать значительное влияние на психическое здоровье и благополучие. В этом контексте крайне важно понять взаимосвязь между потреблением новостей и тревожностью, а также определить потенциальные способы смягчения ее негативных последствий.

Современный новостной контент уникален тем, что он доступен в любое время и из любой точки мира. Технологии позволяют создавать и распространять новости быстрее, чем когда-либо прежде. Благодаря социальным сетям и мобильным приложениям для новостей, люди могут легко получать информацию о событиях в режиме реального времени. Более того, современный новостной контент может быть настроен индивидуально для каждого пользователя. Так, на основе данных, благодаря алгоритмам, могут определяться интересы людей, после чего людям будет предлагаться тот новостной контент, который соответствует их предпочтениям. Это может означать, что люди будут склонны потреблять тот новостной контент, который подтверждает их уже существующие убеждения, в то время как другие новости будут проигнорированы.

В ходе нашего исследования была проведена эмпирическая работа для выявления уровня тревожности у студентов бакалавриата и специалитета вузов Москвы, также был проведен опрос с целью выявления частоты потребления студентами новостей. Для выявления уровня тревожности использовалась психодиагностическая методика “Шкала тревоги Спилбергера” (State-Trait Anxiety Inventory - STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина. Шкала тревоги Спилбергера является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека).

В результате статистической обработки была обнаружена положительная

корреляция между уровнем тревожности и частотой потребления новостного контента у студентов 1-5 курсов. Так, коэффициент корреляции между ситуативной тревожностью и потреблением новостей составляет 0,554 ($p < 0,01$). Коэффициент корреляции между личностной тревожностью и потреблением новостей составляет 0,466 ($p < 0,01$).

Такая взаимосвязь может быть обусловлена эффектом социального научения, который предполагает, что люди могут ассоциировать содержание новостей с тревогой, если они наблюдают, как другие реагируют на новости с тревогой (Бандура А., 2000); эффектом культивирования, формирующим убеждения, ценности и отношение человека к миру, что может способствовать развитию у человека повышенного чувства тревожности и страха по поводу собственной безопасности и состояния мира вследствие частого потребления новостей, освещающих негативные события ("синдром злого мира") (Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., & Signorelli, N., 1994); эффектом использования и удовлетворения, который предполагает, что люди могут искать новостной контент для удовлетворения других потребностей, таких как развлечение, социальное взаимодействие или эмоциональное возбуждение (Katz, E., Blumler, J. G., & Gurevitch, M., 1974); эффектом установления повестки дня, который предполагает, что СМИ могут определять повестку дня общественного обсуждения, определяя, какие темы получают наибольшее внимание и освещение, что может способствовать возникновению "спирали молчания", когда люди избегают обсуждения определенных тем или выражения определенных мнений из-за воспринимаемых социальных норм, связанных с данными темами (McCombs, M. E., & Shaw, D. L., 1972).

Психологи могут быть полезны потребителям новостей, помогая им определить, какие виды новостей вызывают у них повышенный уровень тревожности, и как изменить свою реакцию на эти новости. Они также могут способствовать формированию эффективных стратегий совладания со стрессом, чтобы клиент научился справляться с повышенным уровнем стресса, вызванным потреблением новостей. Психологи также могут помочь людям стать более критичными к новостям, чтобы убедиться, что они не попадают на обманные заголовки или ложную информацию. Это может уменьшить уровень тревожности, вызванной неточными или неполными новостями. Также, в рамках индивидуальной или групповой терапии, психолог может помочь человеку более подробно обсудить свои чувства и проблемы.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 90-94.

2. Gerbner G., Gross L., Morgan M., & Signorelli N. Growing up with television: The cultivation perspective // Media effects: Advances in theory and research / J. Bryant & D. Zillmann (Eds.). – Hillsdale, NJ: Erlbaum.1994. – P. 17-41.
3. Katz E., Blumler J. G., & Gurevitch M. (1974). Utilization of mass communication by the individual // The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research / J. G. Blumler & E. Katz (Eds.). – Beverly Hills: Sage Publications, 1974. – P. 19-32.
4. McCombs M. E., & Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. –1972. –Vol. 36. – №. 2 – P. 176-187.

Моральные регуляторы как факторы девиантного поведения у людей творческих профессий

Павлова С.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Выявление профессиональной специфики ценностей позволяет выделять юридическим психологам мишени воздействия для прогнозирования девиантного поведения, для клинической психологии такая специфика может быть «индикаторам психологического и психического неблагополучия, социальной дезадаптации, отражая возникновение широкого спектра психических расстройств доклинического и клинического уровня» (Почтарёва Е.Ю., 2004).

Люди творческих профессий в контексте профессиональной специфики представляют особый интерес, так как они наиболее восприимчивы к социальным изменениям, что находит отражение в продуктах профессиональной деятельности. Творческие профессии связаны с высоким уровнем стресса и общей нестабильностью жизни, что может стать дополнительным фактором девиантного поведения, а значит, ценностно-смысловые ориентации этих профессионалов могут отличаться от представителей других профессий, поэтому они были выбраны в качестве материала для исследования.

Цель исследования – изучение ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей творческих профессий, для определения факторов риска девиантного поведения.

Диагностический комплекс включал: метод выявления базисных ценностей для определения предпочитаемых вербализованных смыслов-

ценностей; для оценки на ассоциативно-смысловом уровне – абстрактные картины с последующим использованием метода семантического дифференциала (Osgood, 1957). Декларируемые испытуемыми смысловые ценности, являющиеся личностными ценностями, в процессе диагностики соотносятся с общественными ценностями и с «антиценностями».

С помощью контент-анализа были отобраны следующие ценности: Жизнь, Достоинство, Права и свободы человека, Служение отечеству, Нравственные идеалы, Традиционная семья, Созидательный труд, Духовность, Милосердие, справедливость; Коллективизм, Преемственность поколений, Единство народов, Здоровый образ жизни, достаток; Порядочность, Продолжение рода, Активная деятельная жизнь, Вера, Сострадание, отзывчивость, Взаимоподдержка, взаимовыручка; Уважение к предкам, Взаимопонимание, Жизнь одним моментом, Власть, собственные амбиции, Абсолютная свобода, «Я – гражданин мира», Личные цели, Отношения без обязательств, Праздность, Богатство, Забота о себе, Независимость, Идти своим путём и не быть должным никому; Исключительная роль своего этноса, Самоуважение, Свобода выбора и суждений, Гражданская позиция, Чувство долга.

В процессе работы с перечнем смыслов-ценностей обследуемые выбирали 12 ценностей. Затем они оценивали образ «Я» с помощью семантического дифференциала. После отмечали 3 ценности, от которых при сложных обстоятельствах могли отказаться и 3 ценности, от которых не откажутся никогда. После чего обследуемым предлагалось оценить картины-образы с помощью семантического дифференциала.

Материал исследования. В исследовании приняли участие 67 человек, из них 42 представителя творческих профессий (актёры, художники, журналисты и др.) – основная группа, 25 человек – группа сравнения (работающие в системе образования, здравоохранения, торговли).

Возраст участников основной группы: 18–42 года ($M=26,7$; $SD=7,8$), группы сравнения: 18–48 лет ($M=29,2$; $SD=7,8$). Соотношение мужчин и женщин в первой группе 57% к 43%, в группе сравнения – 70% и 30% соответственно. Большинство респондентов основной группы имеют высшее или неполное высшее образование – 81%. В группе сравнения доля высшего и неполного высшего образования составляет 84%.

Обсуждение результатов. Согласно полученным результатам наиболее близкими ценностями для людей творческих профессий к образу «Я» являются: Служение отечеству; Созидательный труд; Милосердие, справедливость; Продолжение рода. Самые высокочастотные ценности: 1) Жизнь, Милосердие и справедливость; 2) Нравственные идеалы, Порядочность; 3) Права и свободы

человека, Сострадание и отзывчивость. Жизнь является первой базовой ценностью, так как является витальной и смыслообразующей в обеих группах.

Антиценности отсутствовали в орбите значимости обследуемых, что свидетельствует о просоциальной направленности людей творческих профессий. Это можно объяснить необходимостью иметь широкий кругозор, высокий уровень рефлексии, быть гуманным. Эти качества позволяют людям творческих профессий улавливать и отражать то, что волнует людей и изменяет общество в данный момент.

Значимой ценностью для творческих людей является Служение отечеству, чего не было обнаружено в группе сравнения. Эта ценность невысокочастотная. Такой результат может отражать также мотивацию социальной желательности, что требует перепроверки путём использования другой методологии исследования и увеличения числа респондентов.

Статистически значимые различия между анализируемыми группами были обнаружены по шести ценностным ориентациям. Для творческих людей наиболее значимые ценности – уважение к предкам и преемственность поколений. Для них также значимые следующие антиценности: «Я – гражданин мира» и абсолютная свобода. Для группы сравнения значимыми ценностями являются: единство народов, взаимоподдержка и взаимопомощь, взаимопонимание. Несмотря на то, что в процентном соотношении распределение социальных и личных ценностей, а также антиценностей в двух группах практически совпадает, при расчёте статистически значимых различий прослеживается тенденция к тому, что в основной группе индивидуализм более значим, чем в группе сравнения.

Ценности людей творческих профессий могут свидетельствовать о том, что испытуемые находятся на постконвенциональном уровне правосознания, так как такие конкретные ценности, как права и свободы человека, коллективизм, преемственность поколений и т.д. не имеют для них значимости. Однако милосердие и справедливость, сострадание и отзывчивость, абсолютная свобода и др. способны выступать регуляторами поведения, позволяя не преступать закон. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что испытуемые из основной группы не готовы отказываться от ценности порядочности.

Важно отметить, что 3/4 ценностей совпадают в двух группах, однако для лиц нетворческих профессий частота выбора антиценностей выше. Кроме того, значимой в этой группе является ценность «богатство» в то время, как лица, занятые творческим трудом, не выбрали эту ценность ни разу.

В качестве фактора риска социальной дезадаптации и, как следствие – девиантного поведения, может рассматриваться тот факт, что респонденты основной группы готовы отказаться от одной базовой ценности, а именно –

«созидательный труд». При этом готовность в двух группах отказаться от ценности здорового образа жизни может быть рассмотрена в качестве мишени в психопрофилактической работе.

Заключение. Было выявлено, что центральное образование ценностно-смысловой структуры представителей творческих профессий, во-первых, кристаллизуется вокруг положительных личных и общественных ценностей. Во-вторых, эта структура представлена меньшим количеством ценностей, однако их приближённость к образу «Я» выше, чем в группе сравнения, что указывает на большую их устойчивость. В-третьих, возможность отказа от одной из базовых ценностей в основной группе может быть фактором риска психологического неблагополучия, так как работа является смыслообразующим понятием для этой группы, и её отсутствие может привести к дезадаптации творческой личности, что в свою очередь может стать фактором катализации зависимого и противоправного поведения. Об этом же свидетельствует готовность респондентов отказываться от здорового образа жизни, заботы о себе, активной деятельной жизни, личных целей и взаимоподдержки, так как эти ценности несут в себе ресурс.

Литература

1. Почтарёва Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2004. – № 4. – С.563-572.
2. Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. – Urbana, Illinois: Univ. of Illinois Press, 1957. – 342 p.

Виртуальный гостинг: субъективное восприятие

Питонова А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Нельзя не признать, что развитие научно-технического прогресса оказывает на людей всё большее влияние и затрагивает на данный момент практически все области человеческой жизни. Информационные технологии максимально внедряются и в процессы межличностной коммуникации. Как следует из ряда различных исследований, подобное глобальное расширение использования социальных сетей имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Более того, оно порождает новые социальные и психологические

феномены: кибербуллинг, фаббинг, орбитинг, гэтсбинг и, конечно же, гостинг, который и является предметом данного исследования.

Под виртуальным гостингом мы понимаем резкое прекращение каких-либо отношений, существующих в интернете, без предупреждения и объяснения возможных на то причин (Pancani L. и др.). В ходе теоретического исследования было выявлено, что виртуальный гостинг можно считать одной из разновидностей социального остракизма (Williams K.D., 1997). Гостинг является болезненным способом обрыва социальных отношений: восприятие отторжения для отвергнутого затрагивают те же части головного мозга, что и физическая боль (Бойкина Е.Э., 2019). Эмоционально человек может столкнуться с чувствами неопределенности, потерянности, тревожности, происходит резкое понижение уровня самооценки и т. д.

Важно отметить, что к нынешнему моменту времени в психологическом научном сообществе, как в зарубежном, так и в отечественном, существует ограниченное количество работ, в которых исследуется феномен виртуального гостинга.

Объектом исследования является восприятие объектом феномена виртуального гостинга.

Предметом исследования являются психологические особенности людей, попавших в ситуацию виртуального гостинга.

Гипотезы исследования:

1. Ситуация виртуального гостинга оказывает влияние на восприятие объектом данного феномена, в частности, на его личностные характеристики.

Дополнительные гипотезы:

2. Уровень нарушения потребностей в ситуации виртуального гостинга снизится до значительного.

3. Уровень тревожности в ситуации виртуального гостинга повысится.

В настоящем исследовании нами использованы следующие методики:

- «Шкала нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, I. van Beest, K.D. Williams, 2006; адаптация Е.Э. Бойкиной, 2019)

- «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» (Ч.Д. Спилбергер, 1970; адаптация Ю.Л. Ханина, 1978)

Так же было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого испытуемые были искусственно помещены в ситуацию виртуального гостинга. Выборку составили 60 человек (30 юношей и 30 девушек), 30 были участниками экспериментальной группы, 30 – контрольной. Дизайн нашего исследования представлял из себя 5 этапов:

Первый этап – первичное психодиагностическое исследование, в ходе которого были отобраны люди для участия в экспериментальной части.

Второй этап – собственно экспериментальная часть, в ходе которой экспериментальная группа была разделена на три части (10 человек в каждой, по 5 юношей и 5 девушек). В каждую группу был определен помощник экспериментатора (далее – конфедерат). Легендой для исследования послужило изучение межличностного общения в интернете. Каждому из испытуемых был назначен в пару один человек. Во всех случаях - конфедерат. Испытуемые не должны были обсуждать друг с другом, кто является его/её парой. Эксперимент длился 14 дней, в каждый из которых испытуемый и его партнер получали 1-2 задания, с помощью которых участник и конфедерат лучше узнавали друг друга, сближались. Цель конфедерата заключалась в том, чтобы постараться за такой срок установить с испытуемым максимально близкие и дружеские отношения. По истечении десяти дней (при симуляции условий виртуального гостинга) конфедерат резко прекращал выходить на связь, исследование формально прекратилось, вопросы испытуемых игнорировались.

Третий этап – вторичное диагностическое исследование.

Четвёртый этап – статистическая обработка полученных результатов и их анализ, разработка рекомендаций.

Пятый этап – дебрифинг и предоставление респондентам обратной связи.

После проведения вторичного психодиагностического тестирования было выявлено, что виртуальный гостинг влияет на показатель нарушенных потребностей и уровень тревожности. Так, у большинства испытуемых экспериментальной группы уровень потребностей значительно снизился (84,6%), в основном снижение произошло по субшкалам «потребность в контроле» (75,8%) и «потребность в самоуважении» (68,4%). Изменился также и уровень тревожности – у большей части участников он повысился (79,2%).

Следовательно, гипотеза о том, что ситуация виртуального гостинга оказывает влияние на восприятие объектом данного феномена, в частности, на его личностные характеристики, подтвердилась. Дополнительные гипотезы, соответственно, также получили своё подтверждение.

В заключение можно сказать, что с точки зрения психологической науки, первостепенными задачами для специалистов этой области являются следующие аспекты. Во-первых, необходимость всестороннего изучения виртуального гостинга как частного феномена сетевого общения ввиду его малой теоретико-эмпирической изученности. Во-вторых, максимально подробный анализ восприятия личностью виртуального гостинга (объектом гостинга), его влияния на психологическое и социальное благополучие человека в эпоху цифровых технологий. В-третьих, важность выявления потенциальных методов и стратегий

работы, которые могли бы смягчить негативные последствия виртуального гостинга для отдельных лиц и общества в целом. С учетом вышесказанного практическая значимость исследования включает в себя возможность дальнейшего использования данных выявления закономерностей и потенциальных психологических последствий виртуального гостинга для формулирования комплексных научно обоснованных рекомендаций по профилактическим, диагностическим и реабилитационным вмешательствам в области психологии, и юридической психологии в частности. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для программ самопомощи, направленных на минимизацию неблагоприятного воздействия виртуального гостинга на личностные характеристики.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 127–140. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090310.
2. Pancani L, Mazzone D., Aureli N., Riva P. Ghosting and orbiting: An analysis of victims' experiences // Journal of Social and Personal relations. – 2021. – Vol. 38. – № 7. – P. 1987 – 2007. – DOI:10.1177/02654075211000417.
3. Williams K.D. Social ostracism // Aversive interpersonal behaviors / R.M. Kowalski (ed.). – New York: Plenum, 1997. – P. 133–170.

Возможности применения тестирования на полиграфе в процессе надзора за освобожденными по УДО преступниками

Покровская С. К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

На сегодняшний день в России отсутствует единая система контроля за освобожденными преступниками, что является одним из факторов высокого уровня рецидивов преступлений. Включение тестирования на полиграфе (далее ТНП) в систему надзора показало на опыте ряда стран (таких, как США и Великобритания) существенное снижение числа рецидивов и общее повышение качества работы контрольно-исполнительных органов.

В США и других странах наблюдается устойчивый интерес к применению ТНП правоохранительными органами, силовыми ведомствами и спецслужбами

при решении самых различных задач, он обусловлен четырьмя уникальными возможностями ТНП, которые не могут быть предоставлены никакими другими методами. В частности:

1. В ходе процедуры ТНП проверяемые лица часто инициативно сообщают о себе такие важные и значимые сведения, которые они никогда бы не раскрыли в любой иной обстановке. Сообщать такие сведения заставляет их ожидание того, что всё, что они говорят, может быть немедленно перепроверено с помощью полиграфа. Они боятся этого прибора, а поэтому, не желая выглядеть лжецами, предпочитают заранее раскрывать допустимый, с их точки зрения, объём запрашиваемой информации.

2. Применяемые полиграфологами в настоящее время современные доказательные методы ТНП обладают подтверждённой высокой чувствительностью, которая позволяет обнаруживать даже незначительные признаки, указывающие на ложь тестируемого или на значимость для него исследуемых тем, относящихся к так называемым «факторам риска» (например, нарушение освобожденным сексуальным преступником требований и правил нахождения на УДО), что позволяет в дальнейшем проводить с ним работу по целенаправленному подтверждению полученных с помощью полиграфа сигнальных данных.

3. Широкодоступная в обществе информация о том, что при приёме на работу в различные организации и в процессе работы в них проводится ТНП, является мощнейшим *сдерживающим* фактором для большинства лиц, несущих в себе потенциальные «факторы риска», отбивая у них желание даже пытаться поступать в эти организации, что автоматически приводит к значительному улучшению качества контингента кандидатов на работу, с которым приходится иметь дело кадровым аппаратам и службам безопасности. Это значительно упрощает работу данных служб и позволяет выполнять её более быстро и эффективно. Сказанное полностью относится и к освобождённым по УДО преступникам, осуждённым ранее за преступления сексуального характера, бытовое насилие и другие правонарушения, что является важнейшим составляющим элементом Модели Сдерживания, введенной в США в качестве эффективной системы профилактики рецидивов преступлений.

4. Результаты, получаемые в ходе ТНП, всегда имеют важное значение при принятии решений в отношении тестируемых лиц, в том числе при выборе тактики повышения эффективности лечения освобождённых по УДО сексуальных преступников и надзора за их поведением в обществе. Качественная и проверенная информация, первоначально полученная с помощью полиграфа, имеет исключительно важное значение для процесса принятия важных решений – оперативных, медицинских и юридических (S. Colby Phillips 2004).

Одним из последних исследований, проведённых в Великобритании, является пилотный проект изучения последствий обязательного ТНП сексуальных преступников, освобожденных по УДО и находящихся под надзором соответствующей службы. Исследование показало, что офицеры, отвечавшие за осуществление надзора за освобождёнными сексуальными преступниками, а также некоторые преступники, проходившие ТНП, считают применение полиграфа полезным. Таким образом, предварительные результаты исследования показали, что результаты ТНП и отчет, предоставляемый полиграфологом, являются важными источниками информации для формирования предоставления о риске рецидива и нарушении условий досрочного освобождения. Некоторые сексуальные преступники также сообщили, что полиграф помог им научиться управлять своим поведением (Theresa A Gannon, Jane Wood, Afroditi Pina, Eduardo Vasquez and Iain Fraser, 2012).

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что само наличие процедуры ТНП является мощным сдерживающим фактором, а его прохождение бывшими преступниками эффективным средством профилактики повторных правонарушений. Информация, получаемая в ходе ТНП, может иметь ключевое значение при организации работы с освобождёнными преступниками, начиная от мер раскрытия и пресечения потенциальных преступлений и заканчивая корректировкой применяемых методов лечения бывших преступников.

Литература

1. Research Overview: Post Conviction Sex Offender Polygraph Testing /Compiled by: S. Colby Phillips, Edited by Claudia Armijo. – New Mexico Sex Offender Management Board, 2004. – 106 p.
2. The evaluation of the Mandatory Polygraph Pilot / Theresa A Gannon, Jane Wood, Afroditi Pina, Eduardo Vasquez and Iain Fraser. – University of Kent. Ministry of Justice. – 2012. – Research Series 14/12. – 57 p.

Переживание психологической травмы и одиночества подростками с аддиктивным поведением

Романцова Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема аддиктивного поведения сохраняет свою актуальность на протяжении длительного времени и остается трудноразрешимой. Учитывая наличие многообразия исследований, информации недостаточно для того, чтобы ученые смогли прийти к единому мнению о природе возникновения, формирования и профилактики обсуждаемого феномена.

Сложность и неоднозначность термина “девиантное поведение” определяется его междисциплинарным характером. Змановская Е.В. даёт следующее определение: «девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» (Змановская Е.В., 2008).

Наиболее устоявшаяся классификация зависимого поведения принадлежит Ц.П. Короленко, согласно которой аддикции делятся на две базовые группы: химические и нехимические. Виды аддиктивного поведения различаются между собой по характерным особенностям, способам проявления, а также по степени выраженности негативных последствий, отражающейся на жизни человека (Дмитриева Н.В., 2012).

На основе исследований Башманова В.В. и Калиниченко О.Ю. было выявлено, что подростки, склонные к зависимому поведению, проявляют как положительные, так и отрицательные черты своей личности. Часто они испытывают беспокойство и недовольство своим положением в жизни, не доверяют окружающим и выражают протест против общества в целом. Они не следуют моральным принципам и стремятся получить удовольствие, игнорируя возможные последствия своих поступков. Кроме того, они часто рискуют, не учитывая свой опыт и опыт других людей, что может повлечь за собой негативные последствия для них и их статуса. Их отношение к жизни, к себе и к окружающим является неустойчивым и противоречивым, а доверие к себе и окружающим может меняться в зависимости от ситуации и сложности возникающих проблем. В целом, они живут безрассудно, в зависимости от своего настроения и достижений (Башманов В.В., Калиниченко О.Ю., 2015).

При анализе литературы на базе исследований Ю.В. Железняковой была обнаружена статистически значимая корреляция между одиночеством и аддиктивным поведением. Было выявлено, что детско-родительские отношения могут влиять на формирование чувства одиночества и, соответственно, зависимого поведения. Отношения с отцом оказались более значимыми, чем с матерью, и имели более плотную связь с аддиктивным поведением. Кроме того, проведенный корреляционный анализ показал, что социальная беспомощность, отчуждение, коммуникативные барьеры, разделение ценностей и интересов также могут быть связаны с чувством одиночества и зависимым поведением (Железнякова Ю.В., 2014).

При изучении научных трудов таких авторов, как Катан Е.А и др., было установлено, что подростки, которые имели тяжелый детский опыт, обладают слабыми чертами личности, такими как неуправляемость, непредсказуемость и непостоянство, что делает их более уязвимыми для различных форм аддиктивного поведения. Они проявляют негативизм и неуважение к взрослым, а также имеют поверхностное общение и недостаточную способность к эмпатии. Агрессивные действия для них являются способом достижения целей и удовлетворения потребностей в самореализации и самоутверждении. Они склонны к зависимости от мнения окружающих и неаккуратности в выполнении задач. Подростки с трудностями установления контакта и соблюдения дистанции часто предпочитают общение с более старшими по возрасту и не ориентируются на мнение окружающих и возможные последствия своих поступков (Катан Е.А., Карпец В.В., Чехонадский И.Д. и др., 2020).

Основываясь на этом, мы выделили общие особенности переживания травмы у подростков с зависимым поведением:

1. Отрицание. Подростки с аддиктивным поведением могут отрицать травму и ее последствия, так как они могут испытывать стыд, вину и страх перед тем, что их обвинят в чем-то. Они могут скрывать свои эмоции и не выражать своих чувств.

2. Ухудшение психического состояния. Травма может усугубить уже существующие проблемы с психическим здоровьем. Подростки могут испытывать более выраженные симптомы, такие как изменение настроения, повышенная раздражительность, агрессия и т.д.

3. Увеличение употребления ПАВ. Травма может стать триггером для повышения уровня употребления психоактивных веществ. Подростки могут использовать их, чтобы справиться со своими эмоциональными проблемами и сильнее окунуться в зависимость.

4. Снижение мотивации. Травма может привести к понижению мотивации у подростков, что может привести к снижению учебных успехов, социальной изоляции и т.д.

5. Необходимость помощи. Подростки с аддиктивным поведением, пережившие травму, могут нуждаться в специализированной помощи, такой как психотерапия, медикаментозное лечение, реабилитационные программы и т.д. Они могут также нуждаться в поддержке со стороны своих близких и окружения.

Мы провели также изучение исследовательской работы Мантиковой А.В., которая отметила основные особенности, характерные подросткам, испытывающим чувство одиночества. Было зафиксировано, что они часто имеют низкую самооценку и менее выраженные коммуникативные и организаторские способности. Кроме того, существует связь между уровнем одиночества и личностными особенностями подростка. Чем выше уровень одиночества, тем более закрытыми, эмоционально неустойчивыми и зависимыми от других становятся подростки. Они также проявляют больше нетерпимости, требуют больше внимания и могут быть боязливыми и мечтательными (Мантикова А.В., 2014).

При систематизации полученных данных теоретического анализа нами были выделены следующие обобщенные характеристики:

1. Изоляция от окружающих. Подростки с аддиктивным поведением могут часто избегать общения с другими людьми, чтобы скрыть свои проблемы и зависимости. Это может привести к ощущению отчуждения и одиночества, которое усиливается с течением времени.

2. Страх быть отвергнутым. Подростки с аддиктивным поведением могут часто чувствовать себя неполноценными и бояться быть отвергнутыми другими людьми. Это может приводить к избеганию общения и усилению чувства одиночества.

3. Отсутствие поддержки. Подростки с аддиктивным поведением могут часто чувствовать, что никто не понимает их проблем и что никто не может помочь им. Это может усиливать чувство одиночества и отчуждения.

4. Негативные эмоции. Подростки с аддиктивным поведением могут часто испытывать негативные эмоции, такие как депрессия, тревога и страх. Эти эмоции могут усиливать чувство одиночества и делать его еще более тяжелым.

5. Зависимость от аддиктивных моделей. Подростки с аддиктивным поведением могут часто чувствовать, что они не могут жить без своих зависимостей. Это может приводить к изоляции и усиливать чувство одиночества.

Литература

1. Башманов В.В., Калиниченко О.Ю. Системный анализ личностных и характерологических особенностей подростков, склонных к формированию зависимого поведения // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Том 22. – № 2. – С. 108-110.
2. Дмитриева Н. В. Психологические механизмы развития аддиктивного поведения // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – №9. – С. 65-72.
3. Железнякова Ю. В. Чувство одиночества как фактор аддиктивного поведения у подростков // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 3-4. – С. 142-147.
4. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
5. Катан Е.А., Карпец В.В., Чехонадский И.Д., Балдина Э.П., Саргсян Н.М. Особенности психологического развития подростков с неблагоприятным детским опытом, имеющих проблемы образа жизни, связанные с употреблением психоактивных веществ, и разработка психотерапевтической программы реабилитации // Оренбургский медицинский вестник. – 2020. – Том 8. – №1 (29). – С. 65-72.
6. Мантикова А.В., Тен Ю.В. Состояние подросткового одиночества в контексте личностных особенностей [Электронный ресурс] // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2014. – Том 4. – №12. – С. 25-39. – URL: <http://wwenews.esrae.ru/44-556> (дата обращения: 08.05.2023).

Вклад Роберта Ресслера в юридическую психологию

Савкина А.О., Шершнева В.Д.
Государственный Университет Управления
(г. Москва)
Научный руководитель – Майорова Е.И.

На протяжении многих времен одни люди совершали преступления, а другие пытались понять их сущность и намерения, находя связь поступков, психических особенностей с правом. Психологические знания востребованы и используются во всех сферах деятельности, помогая человеку не только познать себя, но и найти причины своих поступков. Исследованию психологии преступников посвящали свои труды многие авторы, одним из которых был Роберт К. Ресслер. Написанию его трудов предшествовал богатый опыт работы в

сфере борьбы с преступностью, в ходе которого им были предложены некоторые новшества.

Роберт Ресслер, подобно Шерлоку Холмсу, лишь с помощью протоколов расследования и фотографий с места преступления постепенно заново создавал картину преступления, вместе с внутренним и даже внешним обликом убийцы.

Ресслер был специальным агентом, занимался раскрытием тяжких насильственных преступлений. Его главной задачей являлось проникновение в подсознание убийцы. Работая над одним из своих дел, Роберт Ресслер в 1970 году обозначил понятие «серийный убийца» – преступник, совершивший более трех убийств больше, чем за 30 дней, с периодами эмоционального охлаждения, в добавление к этому, мотивация убийств в большинстве случаев базируется на достижении убийцей психологического удовлетворения. Многие приписывают ему введение данного термина, однако существуют расхожие мнения о том, когда появилось это определение (Gennat E., 1930). Но в любом случае, это является показателем высокого признания его вклада в развитие юридической психологии как науки.

Специальный агент указал на уникальность каждого маньяка, пояснив это тем, что у каждого есть индивидуальный “почерк”, являющийся единственным в своем роде. Жертвы маньяков также были похожи друг на друга: их схожесть могла заключаться, например, в возрасте, поле, профессии.

По прямым и косвенным уликам Роберт Ресслер стремился обнаружить закономерность, проникнуть в подсознание преступника. «Ювелирный» анализ помогал привести к убийце, ведь благодаря ему проявлялся облик преступника. На каждом допросе специальный агент задавал уточняющие вопросы и касался биографии преступника. Ресслер провел большое количество допросов и интервью, которые помогли ему прийти к выводу, что убийца начинает формироваться в детском возрасте, около восьми или десяти лет. По большей части такие дети подвергались травле и избиению, а вырастая становились чудовищем, начавшем убивать и не в силах остановиться.

Роберт Ресслер выделил два типа маньяков: организованный несоциальный и дезорганизованный асоциальный. Преступники первого типа сначала производят положительное впечатление. Действуют по четко выстроенному плану, минимизируют риск, целенаправленно выбирают жертв. Организованный несоциальный маньяк сначала жестоко обращается со своей жертвой, после чего безжалостно лишает ее жизни. Преступники второго типа являются психически больными с интеллектом ниже среднего. Подобные маньяки сразу убивают своих жертв, которые, важно отметить, не имеют ничего общего между собой. Преступники жестоко обращаются уже с мертвым человеком, в отличие от первого типа маньяков.

Классификация помогала уменьшить круг поиска преступника. Роберт Ресслер многократно подчеркивал, что при многочисленных характерных признаках не допускается механическое отнесение убийцы к тому или иному типу. Часть маньяков в действительности являются неопределенными людьми. Некоторые из них считали, что на их плечи возложена миссия по ликвидации людей определенной расы, профессии и так далее. Одной из странных категорий маньяков являются женщины, ведь обнаружить их тяжело, а определить мотив преступления в некоторых случаях считается невозможным. Однако алгоритмы работают не всегда. К каждому преступлению требуется индивидуальный подход, способный помочь понять и предсказать действия маньяка.

Эта классификация помогла Ресслеру вместе с другими детективами создать национальную базу данных, известную как Программа задержания насильственных преступников (ViCAP).

База данных позволяла следователям вести поиск по поведенческим характеристикам, способу убийства и другим закономерностям. Следователи с нераскрытыми делами могли сверять свои открытые дела с базой данных, чтобы сузить область поиска, что дало им инструменты для быстрого составления профиля убийцы.

Роберт Ресслер внёс огромный вклад в основание науки о криминальном профилировании (Женевьев Карлтон, 2022).

Роберт Ресслер провел на службе в ФБР 20 лет. За этот срок он принял участие в расследовании громких преступлений, вел переговоры с преступниками по освобождению заложников. Он раскрыл около тридцати шести преступлений и в его список входят преступления, совершенные Тэдом Банди, Чарльзом Мэнсоном, Джеффри Дамером и другими. В отставке он преподавал психоанализ в криминалистике и судебную психиатрию в университетах. Ресслер являлся членом многих международных Академий в области права и человеческого поведения, награжден национальными и международными наградами.

В заключение нельзя не сделать вывод о том, что Роберт Ресслер внёс большой вклад в развитие не только теоретических знаний юридической, в частности криминальной, психологии, но и оказал своей службой неоценимую помощь обществу, очищая его от опасных преступных элементов.

Литература

1. Ресслер Роберт [Электронный ресурс] // Юридическая психология в лицах. – URL: <https://clck.ru/34HZ6C> (дата обращения: 28.04.2023).

2. Ресслер Роберт, Шахтман Том. Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет выслеживал серийных убийц для ФБР / Перевод О. Перфильева. – М.: Бомбора, 2022. – 416 с.
3. Genevieve Carlton Edited By Adam Farley Meet Robert Ressler, The First FBI Profiler // ati. – 2022. – URL: <https://allthatsinteresting.com/robert-ressler> (дата обращения: 29.04.2023).
4. Gennat E. Die Düsseldorf Sexualmorde // Kriminalistische Monatshefte: Zeitschrift für die gesamte kriminalistische Wissenschaft und Praxis. – Berlin. – 1930. – S. 2-7.
5. In memoriam R.Ressler // Obituary by Mark Safarik. – URL: <http://fbsinternational.com/in-memoriam/> (дата обращения: 29.04.2023).
6. Robert K Ressler // Interview URL: https://web.archive.org/web/20051120021040/http://sci-fi-online.50megs.com/Interview/04-09-06_RobertRessler.htm (дата обращения: 28.04.2023).

Особенности эмоционального интеллекта у подростков со склонностью к агрессивному поведению

Самарченко А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Подростковый возраст – один из самых сложных периодов, который переживает личность при её становлении. Это время, когда у ребёнка происходит бурная перестройка всего организма, возникает чувство взрослости, потребность быть самостоятельным. Вместе с тем, всё чаще встречаются яркие поведенческие проявления, связанные с эмоциональной нестабильностью, для которой характерны вспыльчивость, раздражительность, конфликтность (Мухина В.С., 2016).

Степень выраженности эмоциональных проявлений, в том числе агрессивных, крайне высока у подростков, что отражается в своеобразии их эмоционального интеллекта. Для успешного функционирования в группе сверстников и взаимодействия с окружающими подросткам крайне важно контролировать свои эмоциональные проявления, а также понимать эмоции и чувства других людей и уметь правильно их интерпретировать (Ансимова Н. П., Хозяинова О. А., 2022).

В связи с этим целью исследования стало выявление особенностей эмоционального интеллекта у подростков со склонностью к агрессивному поведению.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что существуют значимые различия в показателях эмоционального интеллекта у подростков, склонных к агрессивному поведению, и у подростков, не имеющих такой склонности.

В качестве методик эмпирического исследования были использованы: тест эмоционального интеллекта (Н. Шутте), методика диагностики эмоционального интеллекта (М.А. Манойловой), тест агрессивности (Л.Г. Почебут), методика «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильина); статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 20; для определения связи между признаками использовался коэффициент корреляции Спирмена; для выявления различий между двумя независимыми выборками был применен критерий Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие 62 подростка в возрасте 15-16 лет из двух образовательных учреждений г. Москвы: ГБОУ Школа № 1363 и ГБОУ Школа № 491.

Результаты проведенного исследования показали, что среди подростков, не склонных к агрессивному поведению, около половины группы (49%) имеют средний уровень эмоционального интеллекта, в то время как среди подростков, склонных к агрессивному поведению, больше половины группы (76%) имеют низкий уровень эмоционального интеллекта. В то же время высоких показателей эмоционального интеллекта у подростков, склонных к агрессивному поведению, в отличие от подростков, не имеющих такую склонность, не выявлено ($U=808,500$, при $p<0,001$).

Полученные данные позволяют констатировать, что подавляющая часть подростков (86%), не склонных к агрессивному поведению, демонстрирует высокие навыки управления своими чувствами, в то время как больше половины группы подростков (68%), склонных к агрессивному поведению, обнаруживают низкие показатели по данному критерию. Также подавляющая часть подростков, склонных к агрессивному поведению, имеет низкий уровень осознания своих чувств (88%) и осознания чувств других (72%).

Сравнительный анализ показал, что большинство девочек (71%), склонных к агрессивному поведению, имеют низкий уровень эмоционального интеллекта, в то время как около половины группы девочек (48%), не склонных к агрессивному поведению, имеют средний уровень развития эмоционального интеллекта (различия оказались статистически значимыми по U -критерию Манна-Уитни ($U=286,500$, при $p<0,001$)).

Также большинство мальчиков (82%), склонных к агрессивному поведению, имеют низкий уровень эмоционального интеллекта, в то время как половина группы мальчиков (50%), не склонных к агрессивному поведению, имеют средний уровень развития эмоционального интеллекта. (различия оказались статистически значимыми по U-критерию Манна-Уитни ($U=130,500$, при $p<0,01$)).

Таким образом, анализ результатов исследования особенностей эмоционального интеллекта двух сравниваемых групп подростков показал, что существуют значимые различия между уровнем эмоционального интеллекта ($U=808,500$, при $p<0,001$) и его компонентами (осознание своих чувств ($U=691,500$, при $p<0,01$), управление своими чувствами ($U=855,500$, при $p<0,001$), осознание чувств других ($U=600,500$, при $p<0,05$) у подростков, склонных к агрессивному поведению, и у подростков, не имеющих такой склонности. Также в ходе корреляционного анализа была выявлена обратная связь ($p<0,001$) между уровнем агрессивности подростков и уровнем их эмоционального интеллекта.

В то же время при проведении сравнительного анализа результатов двух исследуемых групп по шкале «управление чувствами других» по методике диагностики эмоционального интеллекта «МЭИ» (М.А. Манойловой), значимых различий не было выявлено ($U=595,000$, при $p>0,05$). Исходя из этого, можно сделать вывод, что способность подростков влиять на эмоциональное состояние другого человека не зависит от наличия или отсутствия у них склонности к агрессивному поведению.

Следовательно, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что существуют значимые различия в показателях эмоционального интеллекта у подростков, склонных к агрессивному поведению, и у подростков, не имеющих такой склонности, к которым можно отнести: осознание своих чувств, управление своими чувствами, осознание чувств других.

Результаты исследования могут быть использованы психологической службой в школе при диагностической, коррекционной и профилактической работе с подростками, склонными к агрессивному поведению.

Литература

1. Ансимова Н. П., Хозяинова О. А. Роль эмоционального интеллекта в развитии межличностных отношений в подростковом возрасте // Ярославский психологический вестник. – 2022. – № 1(52). – С. 25-30.
2. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учеб. для студ. высш. учеб. заведений – 10-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2016. – 608 с.

Особенности самоотношения и субъективного отчуждения у молодых взрослых с гендерной вариативностью

Сборщик А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном российском обществе происходит переориентация ценностей, установок и взглядов на многие явления и процессы, в том числе и на гендерную идентичность. В настоящее время вопрос о маскулинности и феминности является противоречивым, что вызвано распространением идеи о важности самореализации женщин и возможности смены традиционных ролей лиц мужского и женского пола. В свою очередь, данные трансформации отражаются на функциях в партнерских отношениях, причем не всегда положительно. Однако, женщины и мужчины, по мнению психологов, имеют природные особенности, и при искажении женственности у женщин происходит дестабилизация эмоционального состояния, зачастую становится невозможным выстраивание гармоничных отношений с миром, окружающими людьми.

В процессе обретения идентичности происходит заимствование большого числа социальных моделей поведения, присущих более старшему возрасту, обретение баланса между состоянием зависимости и независимости, а также формируется забота о персональном развитии индивидуального набора ценностных ориентаций.

Однако, в случае гендерной вариативности может происходить деформация личности, изменяться самоотношение, и возникать субъективное отчуждение, что может привести к возникновению депрессии.

Гендерная вариативность является предметом изучения гендерной психологии. В теоретико-методологических положениях гендерной психологии раскрыто также содержание таких понятий, как «гендер», «гендерный конструкт», «гендерная идентичность». Необходимо отметить, что существуют разные подходы к рассмотрению понимания гендера:

- гендер как биодетерминированная категория,
- гендер как социально-биологическая категория,
- гендер как социально-культурная категория (Бендас Т.В., 2006, Кон И.С., 2002).

Таким образом, гендер – это социальный конструкт, согласно которому ведут себя лица определенного пола. Гендерная вариативность – это паттерны

поведения личности, не совпадающие с социальными ожиданиями, связанными с биологическим полом (Чекунков Д.Д., 2018).

Нами было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении и описании специфики самоотношения и субъективного отчуждения у молодых взрослых с гендерной вариативностью.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют различия в уровне самоотношения и субъективного отчуждения у молодых взрослых с гендерной вариативностью и без, а именно:

1. Для молодых взрослых с гендерной вариативностью характерен более низкий показатель самоотношения, чем у молодых взрослых без гендерной вариативности.

2. Для молодых взрослых с гендерной вариативностью характерен более высокий показатель субъективного отчуждения, чем у молодых взрослых без гендерной вариативности.

Характеристика материала исследования. В исследовании приняли участие 48 респондентов. После предварительной обработки данных выборку эмпирической части исследования составили 40 человек в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 21 год). Из них респондентов мужского пола 13 чел. (32,5 %) (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 21 год), респондентов женского пола 27 чел. (67,5%) (в возрасте от 19 до 25 лет, средний возраст – 21 год). Выборка была разделена на 2 группы: контрольная группа – молодые взрослые без гендерной вариативности – 20 человек. Респондентов мужского пола – 6 чел., респондентов женского пола - 14 чел. Группа сравнения – молодые взрослые с гендерной вариативностью – 20 человек. Респондентов мужского пола – 7 чел., респондентов женского пола – 13 чел.

Методики исследования. Для нашего исследования в целях сбора информации о гендерной идентичности и сбора социально-демографической информации об участниках была разработана и использована авторская анкета.

Нами была подобрана батарея методик.

Были выбраны «Опросник субъективного отчуждения» Е. Н. Осина («ОСОТЧ») (Осин Е.Н., 2007), «Тест-опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантिलеева (Глуханюк Н.С., 2007), методика «МиФ» (маскулинность и фемининность) в модификации Н.В. Дворянчикова (Дворянчиков Н.В., 2011). Математический анализ данных производился в программе IBM SPSS Statistics 20, был использован критерий Манна-Уитни.

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью Google-формы, размещенной на платформе «ВКонтакте».

Результаты исследования. Исходя из результатов исследования, нами были сделаны следующие выводы: значимые различия между контрольной

группой и группой сравнения наблюдаются лишь по шкале «Самопонимание» в методике «Тест-опросник самооотношения» В.В. Столина, С.Р. Панталева. Это свидетельствует о том, что молодые взрослые с гендерной вариативностью менее чувствительны к своим желаниям и потребностям, возможно, они не уверены в себе, их ориентиром является мнение окружающих. Вероятно, молодые взрослые с гендерной вариативностью склонны подменять свои собственные вкусы и оценки, руководствуясь внешними социальными стандартами.

Были выявлены значимые различия между контрольной группой и группой сравнения по шкале «Общий балл по отчуждению» в методике Опросник субъективного отчуждения» Е. Н. Осина («ОСОТЧ»). Это свидетельствует о том, что молодые взрослые с гендерной вариативностью в большей степени чувствуют себя изолированными от общества и окружающего мира, а также от самих себя, чем молодые взрослые без гендерной вариативности.

По итогам проведенной работы гипотеза о том, что существуют различия в уровне самооотношения и субъективного отчуждения у молодых взрослых с гендерной вариативностью и без была частично подтверждена.

Частная гипотеза о том, что для молодых взрослых с гендерной вариативностью характерен более низкий показатель самооотношения, чем у молодых взрослых без гендерной вариативности, не подтвердилась. Частная гипотеза о том, что для молодых взрослых с гендерной вариативностью характерен более высокий показатель субъективного отчуждения, чем у молодых взрослых без гендерной вариативности была подтверждена полностью.

Данные, полученные в ходе исследования, можно использовать для разработки программы психокоррекции в области самооотношения у молодых взрослых с гендерной вариативностью, которые помогут им перестроить свое отношение к себе и окружающему миру. Целесообразно использовать акмеологический подход, а также для разработки тренинговых программ, которые позволяют переосмыслить отношение к себе, выстроить систему взаимоотношений с окружающим миром, осознать свои ценности и приоритеты, а также научиться управлять своими эмоциями и стрессами.

Литература

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 431 с.
2. Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. – 3-е издание, исправленное. – Воронеж: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 207 с.
3. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и

методы его диагностики: учебное пособие. – М.: Флинта, 2011. – 216 с.

4. Кон И.С. Психология половых различий // Психология индивидуальных различий: учебное пособие / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – 2-е издание. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 154-159.
5. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: дис. ... канд. психол. наук – М., 2007. – 217 с.
6. Чекунков Д.Д. Специфика и механизмы эмоциональных нарушений среди гендерно вариативных лиц // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 10 (26). – С. 94-98.

Личностные особенности подростков, проявляющих агрессивное поведение в интерне-пространстве

Смолякова А. Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Активное развитие цифровых технологий привело к тому, что Интернет, предоставляя обширные информационные ресурсы и широкие возможности для общения, стал неотъемлемой частью жизни подрастающего поколения. Однако, являясь активными пользователями киберпространства, подростки в то же время могут быть подвержены ряду серьезных рисков, включающих в себя, в том числе, столкновение с киберагрессией.

Наиболее известным определением киберагрессии является дефиниция Dorothy Grigg, которая характеризует киберагрессию как «нанесение при помощи использования электронных средств намеренного вреда человеку или группе людей и представляющего собой оскорбления, манипуляции, травлю, интернет-преследование или же высказывания с агрессивной отсылкой» (Grigg D.W., 2010).

Особенно ярко киберагрессия проявляется в подростковой среде, что обусловлено особенностями подросткового возраста, непрерывно возрастающим уровнем их активности в Интернете, а также спецификой самого виртуального пространства (анонимность, изолированность, безнаказанность). Следует заметить, что последствия киберагрессии могут быть более серьезными, чем последствия агрессии, проявляемой в реальной жизни, что справедливо как для подростков, осуществляющих агрессивные поведенческие акты, так и для тех, кто выступает жертвами агрессии (Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А.

А., Илюхина С. Н., 2019).

Принимая во внимание постоянное расширение диапазона деструктивных коммуникативных практик, появление новых и трансформацию содержания уже существующих видов киберагрессии, можно заключить, что отсутствие четко детерминированных базовых категорий для их выделения является важным основанием для дальнейшего изучения проблемы подростковой киберагрессии, а также исследования личностных особенностей самих подростков, склонных к ее проявлению.

Вышесказанное определило цель данного исследования – выявление личностных особенностей подростков, проявляющих агрессивное поведение в Интернете.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что подростки, склонные к киберагрессии, обладают такими характерными личностными особенностями: низкий уровень самоконтроля, эмоциональная нестабильность, замкнутость, повышенная тревожность и эмоциональная невосприимчивость.

Выборку данного эмпирического исследования составили подростки в возрасте 14-16 лет, использующие Интернет в качестве основного ресурса для общения и проведения досуга. Всего испытуемых – 70 человек, из которых 36 мальчиков и 34 девочки. Участники исследования были разделены на группы следующим образом: 40 подростков, проявляющих агрессивное поведение в виртуальной среде, составили основную группу, а в контрольную группу были включены 30 подростков, не склонных к проявлению агрессивного поведения в Интернете.

Для изучаемых в исследовании факторов были использованы методики: «Типология киберагрессии» С.С. Антипиной, «Исследования волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана, «16-факторный личностный опросник» Р. Б. Кеттелла (вариант С). Для выявления значимых различий между двумя группами испытуемых по данным методикам был использован t-критерий Стьюдента.

Согласно результатам исследования по методике «Типология кибергрессии», было выявлено, что большинство действий агрессивного характера в интернет-пространстве совершаются импульсивно (64%), то есть необдуманно, в результате воздействия эмоций или внешних событий.

Результаты сравнительного анализа в исследуемых группах по методике «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана показали значимые различия по шкале «общий уровень саморегуляции» ($t=2,03$, при $p < 0,05$). Это означает, что подросткам, проявляющим агрессивное поведение в Интернете, свойственны: эмоциональная неустойчивость, импульсивность, трудности с самоконтролем эмоциональных и поведенческих реакций. Значимые

различия также наблюдаются по шкалам «настойчивость» ($t=2,18$, при $p < 0,05$) и «самообладание» ($t=2,56$, при $p < 0,05$), что также свидетельствует о повышенной лабильности, импульсивности и непоследовательном поведении у подростков, склонных к проявлению агрессивных актов в киберпространстве.

По результатам сравнительного анализа по методике «16-факторный личностный опросник» Кеттелла» (форма С) были выявлены значимые различия между основной и контрольной группами по фактору «жестокость-чувствительность» ($t=2,101$, при $p < 0,05$), что означает эмоциональную холодность, черствость по отношению к другим пользователям у онлайн-агрессоров подросткового возраста, а также говорит о затруднениях в проявлении эмпатии. Кроме того, значимые различия были обнаружены по шкале «конформизм-нонконформизм» ($t=2,52$, при $p < 0,05$), что говорит о наличии у подростков, проявляющих агрессивное поведение в сети, неустойчивости во взглядах и ценностях, стремлении к социальному одобрению, а также низкой самостоятельности и уровне ответственности.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что подростки, проявляющие агрессивное поведение в Интернете, обладают низким уровнем самоконтроля, эмоциональной нестабильностью, холодностью в проявлении эмоций, сниженной эмпатичностью, неустойчивостью во взглядах и ценностях, стремлением к социальному одобрению, а также несамостоятельностью и низким уровнем ответственности.

Полученные данные могут служить основой для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ для подростков, проявляющих агрессивное поведение в интернет-пространстве.

Литература

1. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие. – М.: Когито-Центр, 2019. – 176 с.
2. Grigg D.W. Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. – 2010. – Vol. 20(2). – P. 143-156.

Особенности академической прокрастинации, жизнестойкости и субъективного благополучия у студентов (на примере юридических психологов)

Староверова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Студенческий возраст является важным для каждого человека, потому что именно в этот период времени человек определяется с будущей профессией, обретает чувство взрослости и идентичности, планирует свою будущую жизнь. Важными в данный период являются профессиональные и учебные достижения, благодаря которым происходит укрепление веры в себя, в то, что свою деятельность можно выполнить продуктивно. Также именно в студенческом возрасте происходит формирование базы для самореализации в будущем. На пути человека может возникнуть множество препятствий, одним из них является прокрастинация. Она характеризуется тем, что человек откладывает до самого последнего момента принятие важных решений по учебе, а также какие-либо другие важные задачи.

Прокрастинация становится все более и более распространенным явлением. Оно имеет ряд негативных проявлений у студентов, в том числе, снижение успеваемости, продуктивности личности, что мешает в развитии учебной и профессиональной деятельности студентов, также она мешает в проявлении эмоциональных переживаний, проявлении чувства успеха и чувства вины. То есть, настоящее исследование будет посвящено особенностям академической прокрастинации, жизнестойкости и субъективного благополучия у студентов, а также взаимосвязи между данными компонентами.

«Прокрастинация» переводится с латинского как «вместо завтрашний». Иными словами, данный термин можно охарактеризовать как феномен откладывания (Беляева, Л.А., 2009). Выявлено, что прокрастинация – это весьма неоднородное явление, которое содержит в себе много различных факторов и составных частей. Это определяет, что прокрастинацию можно классифицировать по-разному. Ю. В. Миллером выделяются 5 видов прокрастинации: академическая, принятия решений, компульсивная, невротическая, бытовая. Далее эту классификацию преобразовал Р. Тенне, который убрал некоторые из видов прокрастинации, объединив их. Данная классификация стала состоять из двух типов:

1. Прокрастинация в откладывании завершения задачи.

2. Прокрастинация в откладывании принятия решения.

Впервые термин жизнестойкости был введен в научный оборот С. Мадди. Автором рассматривался данный феномен как наличие у человека определенного уровня ответственности за действия, которые совершались им в трудные периоды жизни и для решения жизненных задач (Евтушенко, Е.А., 2018).

Л. А. Александрова связывает изучаемый нами феномен с умением человека преодолевать стрессовые ситуации, адаптироваться к ним и находить наиболее эффективные методы решения проблем (Баранова, Р.А., 2008).

Вопросом выделения компонентов жизнестойкости занималась Л. А. Александрова, она отмечает следующие компоненты: личностные ресурсы, смысл и гуманистическая этика.

«Субъективное благополучие рождается, становится и развивается в процессе социализации, которая подразумевает успешную адаптацию к обществу. Тогда субъективно благополучный человек успешно решает свои возрастные задачи развития и конструктивно решает возрастные конфликты» (Steel, P.,2010).

В истории психологии существовали различные подходы к факторам, влияющим на субъективное благополучие. М. А. Аргайл выделяет в субъективном благополучии психофизиологические факторы, О. С. Копин – соматические; П.И. Яничев – удовлетворенность жизнью; Н.А. Растригина – уровень притязаний и самооценку. Дубровина И.В., концептуализируя понятие психологического здоровья, говорит о факторах среды и внутренних субъективных факторах, которые влияют на «гармонию, баланс» – это те понятия, которые описывают как психологическое здоровье, так и субъективное благополучие (Steel, P.,2010).

Дубровина И.В., рассматривая психологическое здоровье, выделяет его компоненты: аксиологический, потребностно-мотивационный, инструментальный.

Л. А. Галкина в своем исследовании выделяет блоки развития субъективного благополучия:

1. когнитивный;
2. операционально-деятельностный;
3. ценностно-смысловой;
4. мотивационный;
5. личностно-характерологический;
6. рефлексивный (Steel, P.,2010).

Е. П. Ивутина, Е. С. Шуракова отмечают, что существуют особенности академической прокрастинации у студентов. Академическая прокрастинация зависит от уровня успеваемости. Чем выше у студента успеваемость, тем выше у

него уровень прокрастинации. В свою очередь, проявление данного вида прокрастинации у студентов может сопровождаться ухудшением оценок (Григоренко, Е.Ю.,2009).

В нашей исследовательской работе мы провели психодиагностическое тестирование с целью выявления и описания особенностей академической прокрастинации, жизнестойкости и субъективного благополучия у студентов. Выборку эмпирического исследования составили 106 человек в возрасте от 17 до 33 лет (муж. – 34 чел., жен. – 82 чел.).

Диагностический аппарат состоял из следующих методик:

1. шкала общей прокрастинации Tuckman в адаптации Т.Л. Крюковой;
2. тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева;
3. шкала субъективного благополучия А. Перру-Бадду в адаптации М.В. Соколовой.

Из результатов проведённого эмпирического исследования можно заключить:

1. Студенты-психологи имеют более высокий уровень субъективного благополучия, что может свидетельствовать о более глубоком понимании себя и своих эмоций. Различия в показателе Контроля могут указывать на более высокую организованность у студентов других направлений. Однако, обе группы студентов обладают высоким уровнем жизнестойкости и способности к адаптации к трудным жизненным ситуациям, что может говорить об их способности к эффективной жизнедеятельности. Различия в показателе Принятия риска не являются значимыми, что может указывать на одинаковый уровень терпения и настойчивости у студентов обеих групп.

2. Можно сделать вывод, что существуют определенные взаимосвязи между изучаемыми характеристиками личности/поведения, но они могут различаться в зависимости от будущей специальности студентов. Жизнестойкость является наиболее значимым показателем, который может одновременно влиять на вовлеченность, контроль, принятие риска и субъективное благополучие. Прокрастинация не имеет явной связи с другими характеристиками у студентов-психологов, но может быть связана с более низким уровнем вовлеченности, контроля, принятия риска и жизнестойкости у студентов других специальностей.

3. Более высокий уровень субъективного благополучия у студентов-психологов может быть связан с их образовательной программой, которая способствует более глубокому самопознанию и развитию эмоционального интеллекта. Однако, более высокая жизнестойкость и способность к адаптации к трудным жизненным ситуациям присуща обеим группам студентов и является важной характеристикой для успешной жизнедеятельности. Взаимосвязи между

изучаемыми характеристиками подчеркивают значимость развития личностных качеств, которые способствуют достижению жизненных целей и повышению качества жизни.

Литература

1. Баранова Р.А., Карловская Н.Н. Взаимосвязь прокрастинации и параметров ответственности у студентов с разной академической успеваемостью // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Омск, 2008.
2. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 33–42.
3. Григоренко Е.Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. – 2009. – № 2. – С. 98–105.
4. Евтушенко Е.А. Жизнестойкость личности как психологический феномен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2018. – № 1 (58). – С.72-78.
5. Steel P. Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? // Personality and Individual Differences. – 2010. – Vol. 48 (8). P. 926-934. – DOI: 10.1016/J.PAID.2010.02.025.

Психологическое и физическое домашнее насилие в детстве как фактор девиантного поведения во взрослости

Тарасенко Д.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи, а именно сыновей и дочерей, по данным МВД России на 2021 год составляло 6323 случая. Количественные показатели данных преступлений возрастали с 2012 года, но в 2017 значительно уменьшились. С 2018 года замечен рост преступлений в отношении детей в семье. Приведенные статистические данные подтверждают актуальность проблемы насилия над совершеннолетними в институте семьи. Директивность, враждебность, критичность, применение физической силы со стороны родителей формирует определенную ценностно-ориентированную систему у детей, которая отражается в последующей самостоятельной жизни (Министерство внутренних дел России, 2021).

И.М. Пономарева дает определение насилия: «Насилие – применение индивидом или социальной группой различных форм принуждения (вплоть до вооруженного воздействия) с целью приобретения или сохранения политического, экономического, психологического господства, завоевания каких-либо прав и привилегий» (Пономарева И.М., 2014). Е.В. Христенко определяет насилие как «форму проявления психического и/или физического принуждения по отношению к одной из взаимодействующих сторон, которая заставляет эту сторону делать что-либо вопреки своей воле, желаниям, потребностям. Под стороной в данном случае может пониматься отдельная личность или группа людей» (Христенко Е.В., 2014). Освещая проблему насилия, следует упомянуть определение данного феномена в области права. В российском уголовном праве насилие понимается как намеренное противоправное воздействие на физическую неприкосновенность человека, при котором наносится вред его здоровью, причиняется физическая боль, мучения, страдания и даже возникает летальный исход (Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С., 2018).

Существуют различные виды насилия. В психологии насилие делят на такие категории:

1. *Физическое насилие* – это физическое причинение вреда другому человеку, такое как удары, пинки, удушение или использование оружия.

2. *Психологическое насилие* – это использование слов или поведения для того, чтобы причинить другому человеку эмоциональный стресс, такой как угрозы, оскорбления, принуждение и унижение.

3. *Сексуальное насилие* – это принуждение к сексуальным действиям без согласия другого человека, такое как насилие над ребенком, изнасилование, сексуальное домогательство и торговля сексом (Шнейдер Л.Б., 2005).

Домашнее насилие имеет свою специфику. Зубков В.И. определяет домашнее насилие как «разновидность агрессивного поведения членов семьи или близких людей по отношению друг к другу с целью подчинения и удовлетворения насильником своих интересов за счёт жертвы. В конечном счёте, семейное насилие – это всегда доминантно - зависимый тип отношений с причинением вреда одним членом семьи другим» (Зубков В.И., 2012). Домашнее насилие имеет свои особенности:

1. Цикличность насилия
2. Систематичность насилия
3. Наличие родственных и/или юридически закреплённых отношений
4. Совмещение различных видов насилия в воздействии на члена семьи
5. Скрытый характер применения насилия
6. Динамичный характер применения насилия (Walker L., 1979)

Последствия домашнего насилия над детьми выделяются на 4 уровнях:

- На *психологическом* уровне: страхи и тревожность, риски суицидального поведения, повышение уровня враждебности и агрессивности.
- На *физиологическом* уровне: сердечно-сосудистые заболевания, риск развития сахарного диабета и ожирения. Возможным последствием может стать снижение, отсутствие сексуальной активности.
- На *когнитивном* уровне: когнитивные искажения, асоциальное поведение, проблемы с самооценкой.
- На уровне *психического здоровья*: злоупотребление различными веществами, проблемы с пищевым поведением, риск развития расстройств таких, как булимия, анорексия (Емельянова Е.В., 2008).

Также довольно значимым последствием насилия над ребенком в семье является девиантное поведение. Змановская Е.В. в учебном пособии по девиантологии определяет девиантное поведение как «поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам» (Е.В. Змановская, 2004). Также Змановская Е.В. подчеркивает, что «девиантное поведение не является ни формой патологии, ни строго определенным медицинским понятием, имеет междисциплинарный характер понятия и по сути своей тождественно отклоняющемуся поведению» (Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2011).

Существуют различные факторы девиантного поведения:

- Семейный фактор: дисфункциональное семейное окружение, характеризующееся конфликтами, насилием, разводами и отсутствием родительской заботы, может привести к формированию девиантного поведения у ребенка.
- Образовательный фактор: Неуспех в учебе, прогулы, отсутствие интереса к учебному процессу и проблемы в отношениях с учителями могут привести к формированию негативного отношения к образованию. Это может привести к дальнейшему отказу от образования, а также к формированию девиантного поведения.
- Социальный фактор. Фактор, связанный с окружающей средой и взаимодействием людей в ней. Неблагоприятные социальные условия могут вызвать проявления девиантного поведения.
- Личностный фактор. Внутренние факторы (низкая самооценка, неустойчивость эмоций, агрессивность), которые могут влиять на формирование девиантного поведения.
- Биологический фактор. Некоторые исследования показали, что генетические и биологические факторы могут влиять на формирование девиантного поведения (Морозова И.В., 2012).

Таким образом, можно утверждать, что совокупность таких факторов, как неправильно сформированная среда в детстве в большинстве случаев зависит от условий, созданных родителями для ребенка, что позволяет сделать вывод о том, что формирование девиантного поведения напрямую зависит от степени здорового климата семьи, комфортных материальных условий в детстве, вовлеченности родителей в жизнь ребенка. Возвращаясь к последствиям домашнего насилия, стоит снова отметить, что основными являются проявления девиантного поведения. Данные выводы подтверждают выдвинутую нами гипотезу. Связь между пережитым психологическим насилием в детстве и девиантным поведением во взрослости является прямой, где первый выделенный феномен влияет на возникновение второго.

Литература

1. Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. Соотношение категорий “насилие” и “угроза” в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Том 9. Вып. 4. – С.522–534. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.405> (дата обращения: 25.04.2023).
2. Емельянова Е.В. Женщины в беде. – СПб: Речь, 2008 – 147 с.
3. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2011 – 369 с.
4. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
5. Зубков В.И. Опыт изучения семейного насилия в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №5. – С.250-266.
6. Морозова И. В. Роль семейного воспитания в профилактике девиантного поведения. – Киров: КГУ им. В. И. Ключевского, 2012. – 132 с.
7. Пономарева И. М. Работа психолога в кризисных службах: учебное пособие. – СПб.: СПбГИПСР, 2014. – 58с
8. Христенко Е. В. Психология поведения жертвы. – Ростов н /Д: «Феникс», 2004. – 416 с.
9. Шляхтина О.Е. Насилие в семье и его последствия для здоровья. – М.: "Медицина", 1996. – 256 с.
10. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический Проект; Трикста, 2005. – 336 с.
11. Walker Lenore E. The battered woman. – New York etc.: Harper & Row, 1979. – P. 158-182.

Особенности привязанности у молодых взрослых со склонностью к любовной аддикции

Туйчиева М.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Значимость проблематики любовных аддикций заключается в том, что они приводят к быстрой десоциализации аддиктов, повышают уровень аутоагрессивного поведения, увеличивают риск суицида, а также могут способствовать формированию большого количества коморбидных расстройств (Хмарук И.Н., 2005). Кроме того, в последнее время описывается новый вид любовной аддикции – сталкерство, которое проявляется в повторных и продолжающихся попытках навязать другому человеку нежелаемое знакомство и/или контакт.

Любовная аддикция – это аддикция, характеризующаяся неконтролируемым и повторяющимся романтическим проявлением заботы и внимания к партнеру, чрезмерной фиксацией и выраженным застреванием на значимых других (ЗД) людях, которая сопровождается навязчивым, демонстративным, контролирующим и амбивалентным поведением, невосприимчивостью к отказам и оскорблениям и потерей способности к экологичному выражению эмоций. Для нее характерны: сверхценное отношение к ЗД; некритическое ожидание безусловно положительного отношения ЗД; отказ от возможности быть самим собой; осозанный страх покинутости и неосозанный страх интимности; выбор ЗД, не способного к интимным взаимоотношениям (Старшенбаум Г.В., 2006).

Привязанность – это близкие и прочные эмоциональные связи, установленные в результате длительных отношений между двумя людьми. В настоящее время конструкт привязанности часто рассматривается в виде двухфакторной модели, где типы образуются сочетанием степени тревоги по поводу отношений привязанности и степени избегания отношений привязанности.

В нашем исследовании мы предположили, что существует связь между склонностью к любовной аддикции и выраженностью тревоги и избегания привязанности, а также существуют различия в уровне выраженности тревоги и избегания привязанности у молодых взрослых со склонностью к любовной аддикции и без нее.

Для выявления склонности к любовной аддикции были взяты тест на выявление склонности к любовной аддикции А.Ю. Егорова (Кутбиддинова Р.А., 2017) и шкала «Деструктивная сверхзависимость» методики определения межличностной зависимости «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна в адаптации О.П. Макушиной (Макушина О.П., 2006). Для выявления особенностей привязанности был взят опросник «Привязанность к матери в детстве» Г.Г. Филипповой, Н.В. Матушевской (Цуркин В.А., 2015).

«Деструктивная сверхзависимость» – выраженная потребность в эмоциональной близости, любви и принятии, стремление к получению помощи и поддержки с постоянным ощущением себя беспомощным, отсутствие самодостаточности, тревога по поводу возможного отвержения и одиночества.

Выборку эмпирического исследования составили 100 человек в возрасте от 18 до 28 лет (средний возраст - 22,77 лет). Из них респондентов мужского пола - 50 чел. (в возрасте от 18 до 28 лет, средний возраст - 23,56 лет), женского - 50 чел. (в возрасте от 18 до 28 лет, средний возраст - 21,98 лет).

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена показал, что существуют прямые связи между вероятностью любовной аддикции и тревогой по поводу отношений привязанности ($r = 0,352$, $p = 0,000$), между вероятностью любовной аддикции и избеганием отношений привязанности ($r = 0,295$, $p = 0,003$), а также между уровнем деструктивной сверхзависимости и тревогой ($r = 0,367$, $p = 0,000$). То есть, чем сильнее выражены тревога и избегание привязанности, тем сильнее выражена склонность к любовной аддикции. При этом видно, что связь любовной аддикции с тревогой сильнее, чем с избеганием.

Данные закономерности мы также проверили с помощью критерия Краскела-Уоллиса, который показал, что у молодых взрослых с низкой вероятностью любовной аддикции уровень тревоги по поводу отношений привязанности ниже, чем у молодых взрослых со средней и высокой вероятностью; у молодых взрослых с низким уровнем деструктивной сверхзависимости выраженность тревоги по поводу отношений привязанности ниже, чем у молодых взрослых со средним и высоким уровнями; у молодых взрослых с высокой вероятностью любовной аддикции избегание отношений привязанности более выражено, чем у молодых взрослых с низкой и средней вероятностью. Можно сделать вывод, что у молодых взрослых со склонностью к любовной аддикции уровень выраженности тревоги и избегания привязанности выше, чем у молодых взрослых без данной склонности.

Обобщая, можно говорить о том, что молодым взрослым со склонностью к любовной аддикции свойственны ненадежные типы привязанности. Скорее всего такие люди склонны испытывать неуверенность и тревогу, повышенную потребность в принятии, поддержке и подтверждении своей значимости,

опасаются разлуки, недостатка любви, ищут высокого уровня близости и/или склонны испытывать страх близости, зависимости и открытого выражения чувств, чувство дискомфорта в близких отношениях, ощущение уязвимости, проявляют тенденцию к дистанцированию в отношениях, стремятся опираться только на себя, видят себя самодостаточными и неуязвимыми.

Тревожная привязанность у молодых взрослых с любовной аддикцией выглядит логично, многие черты тревоги по поводу отношений привязанности (повышенное внимание к объекту привязанности, стремление минимизировать дистанцию и любыми средствами добиться принятия, гиперактивированная система привязанности, не оставляющая места для удовлетворения других потребностей и др.) являются признаками любовной аддикции. Так как тип привязанности формируется в раннем детстве (и, хотя и может меняться, но все равно неизбежно влияет на межличностные отношения во взрослом возрасте), то можно предположить, что тревожно-амбивалентный тип привязанности является одной из предпосылок развития любовной аддикции.

Связь избегания отношений привязанности с любовной аддикцией не до конца понятна. На первый взгляд основные характеристики людей с избегающим типом привязанности (страх близости и зависимости, тенденция к дистанцированию в межличностных отношениях, стремление опираться только на себя, видение себя самодостаточными и неуязвимыми) кажутся противоположными характеристикам любовных аддиктов. Можно предположить, что такие люди избегают «здоровой» привязанности из-за страха глубины отношений, но при этом могут повторять модели отношений из детства именно в зависимых отношениях (например, избегать «здоровых отношений» из-за страха близости, но затем вступить в абьюзивные отношения и уйти в зависимое поведение, так как такие отношения будут им уже знакомы и привычны). Кроме того, можно предположить, что аддикты пытаются наверстать любовь, которой им не хватало в детстве и из-за отчаянного желания получить эту любовь, становятся зависимыми от партнера. Однако для интерпретации данной закономерности требуется дополнительное исследование с расширением методического инструментария (возможно использование не опросников, а интервьюирования).

Литература

1. Кутбиддинова Р. А. Психология зависимости: учебно-методическое пособие. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2017. – 128 с.
2. Макушина О. П. Методы психологического изучения девиантного поведения. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 79 с.

3. Старшенбаум Г. В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. – М: Издательство Когито-Центр, 2006. – 367 с.
4. Хмарук И.Н. Патологическая любовь как форма болезни зависимого поведения // Бехтерев В.М. и современная психология: материалы докладов на рос. науч.-практ. конф. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – Вып. 3. – Том 2. – С. 316–321.
5. Цуркин В. А. Образ физического «я» у лиц с разными типами эмоциональной привязанности к матери: дис... канд. психол. наук – Белгород, 2015. – 165 с.

Взаимосвязь уровня самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением

Хачатурян К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И.Н.

Исследование связи самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением имеет высокую актуальность в современном обществе. Данное обстоятельство обуславливается ростом отклоняющегося поведения молодежи, возрастанием роли подростковой преступности (Енгальчева Ю. Б., 2021; Кажарская О. Н., 2021). Существует необходимость предупреждения отклоняющегося поведения, а также формирования социально-адаптивных форм активности у подростков, что невозможно без исследования особенностей личности, а также причин и факторов, обуславливающих девиантное поведение (Енгальчева Ю.Б., 2021).

Девиантное поведение у подростков может привести к серьезным последствиям как для самих подростков, так и для общества в целом. Подростки с девиантным поведением могут стать нарушителями закона, увлечься наркотиками, алкоголем, агрессивным поведением и т.д. Поэтому понимание факторов, которые способствуют развитию девиантного поведения, является важным для предотвращения негативных последствий (Болдина М.А., 2016).

Самооценка является важным показателем психического здоровья подростков. Низкая самооценка может привести к различным проблемам, таким как депрессия, тревожность, социальная изоляция и т.д. (Бирюкевич Е. А., 2012) Поэтому изучение связи между самооценкой и психологическими защитами может помочь в разработке эффективных стратегий для улучшения самооценки

и предотвращения развития девиантного поведения. Понимание психологических защит, которые используют подростки с девиантным поведением, может помочь в разработке индивидуальных программ коррекции поведения.

Говоря об исследованиях в данной области, можно отметить исследования уровня самооценки и специфики механизмов психологических защит у девиантных подростков (Кажарская О.Н., 2021; Максименкова Л.И., 2020; Павлова И.М., 2012). Есть также исследования связи уровня самооценки с механизмами психологических защит, но выборка в данных исследования ориентирована на возраст старше и никак не связана с девиантностью (Комарова Т.К., 2015; Никишина Я.В., 2012; Сулейманов Р.Ф., 2020). Поэтому в предметное поле данных исследований в области девиантных подростков входило только изучение самооценки и психологических защит как отдельных феноменов, но не их взаимосвязи.

Таким образом, исследование связи самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением является актуальным и может помочь в разработке эффективных стратегий для предотвращения негативных последствий девиантного поведения.

Объект исследования – самооценка и психологические защиты.

Предмет исследования – взаимосвязь уровня самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением.

Цель исследования – определение взаимосвязи уровня самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением.

Задачи исследования:

1. Проанализировать научные представления о самооценке как психологической категории.
2. Определить специфику психологической защиты как отдельной теоретической категории.
3. Охарактеризовать особенности самооценки и психологических защит у подростков с девиантным поведением.
4. Проанализировать особенности взаимосвязи уровня самооценки и выраженности психологических защит.

Характеристика выборки исследования. Участниками исследования являются 40 подростков с девиантным поведением (курение, употребление алкоголя, хулиганство) 12-14 лет, воспитывающиеся в семьях, не находящихся в социально-опасном положении.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Большинство подростков имеют нормальный уровень самооценки, однако в исследовании были выявлены участники с низкой и высокой

самооценкой. Это может указывать на проблемы с объективной оценкой собственных качеств некоторых подростков. Несмотря на это, большинство подростков имеют здоровую самооценку, что может способствовать их развитию и успеху в жизни.

2. Результаты исследования механизмов психологической защиты позволили заключить, что подростки с девиантным поведением стремятся избежать негативных эмоций, усиливая противоположные тенденции. Они также защищают свое инфантильное "Я", замещая неприемлемые переживания в бессознательном. Кроме того, подростки часто используют механизм отрицания.

3. Выявлены корреляционные связи между показателями самооценки, диагностируемыми по методике В.В. Ковалева, и показателями выраженности механизма «отрицание», механизма «регрессия», механизма «компенсация», а также напряженности психологической защиты в целом. Также определены корреляционные связи по показателям самооценки по методике Г.Н. Казанцевой и показателей выраженности механизма психологической защиты «отрицание», а также механизма «компенсация».

В заключение можно отметить, что если обобщить результаты корреляционного анализа, то можно подтвердить гипотезу исследования: существует взаимосвязь самооценки с психологическими защитами у подростков с девиантным поведением, в частности, чем более низкий уровень самооценки у подростков, тем более высокий уровень выраженности будет иметь проявление психологических защит по типу отрицания и регрессии и тем выше уровень напряженности психологической защиты в целом.

Литература

1. Бирюкевич Е. А., Марченко Е.Е. Показатели качественного анализа самооценки учащихся на границе младшего школьного и подросткового возрастов // Психология обучения. – 2012. – № 4. – С. 49-65.
2. Болдина М. А., Никонов Ю.С. Девиантное поведение подростков как социальная проблема // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2016. – Том15. – № 1. – С. 98-101.
3. Енгальчева Ю. Б., Беспалова Т.М. Взаимосвязь самооценки и агрессивного поведения девиантных подростков // Научные исследования XXI века. – 2021. – № 1(9). – С. 433-435.
4. Кажарская О. Н., Суховерхова К.С. Особенности самооценки у старших подростков с девиантным поведением // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 3(53). – С. 148-154.

5. Комарова Т. К., Парфенова Т.В. Психологическая защита как стратегия сохранения субъективного качества жизни у студентов с разной самооценкой // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2015. – № 3(200). – С. 126-131.
6. Максименкова Л. И., Гучкова Т.Н. Специфика механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у девиантных подростков // Мир Науки. Педагогика и психология. – 2020. – Том 8. – № 2. – С. 68
7. Никишина Я. В., Пьянова Е.Н. Изучение самооценки личности и ее психологических механизмов защиты // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 1-1. – С. 151-152.
8. Павлова И. М., Павлова Е.С. Проявление психологических защит в общении и поведении девиантных и недевиантных подростков // Психологическое сопровождение образовательного процесса. – 2011. – Том 1. – № 1-1. – С. 102-106.
9. Сулейманов Р. Ф., Пилюгина Е.Р. Психологические защиты, их связь с психологическим здоровьем и развитием личности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 4(72). – С. 81-86.

Связь личностных качеств будущих специалистов в области информационной безопасности с навыком выявления фишинговых атак

Дадашова С.М., Кодык А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Нарушения безопасности в настоящее время не ограничиваются технологической ориентацией. Фокус исследований в области информационной безопасности постепенно смещается в сторону изучения поведения человека в сети Интернет. Исследуются уязвимости в поведении людей (Воркман М., 2007). В настоящее время взломы, осуществляемые с помощью инструментов социальной инженерии, более эффективны, чем многие технические атаки. Фактически, большинство кибератак имеют компонент социальной инженерии. Социальная инженерия – это искусство манипулирования человеческими недостатками для достижения корыстных целей. В ближайшем будущем социальная инженерия станет самым распространенным способом атаки в сфере кибербезопасности (Бреда Ф., Барбороса Н., Мораис Т., 2017). Неудачи людей, их убеждения и социальное влияние являются ключевыми элементами, которые необходимо понимать при рассмотрении поведения в сфере безопасности. Фишинговые атаки все чаще используют в своей основе человеческие факторы – такие, как страх, раздражение, невнимательность, любопытство, жадность, желание помочь (Отчет антифишинга о защищенности сотрудников, 2020).

С учетом сегодняшних достижений в области информационной безопасности люди теперь классифицируются как самое слабое звено в этой системе. Злоумышленники разрабатывают стратегию своих атак и нацеливаются на самое слабое звено в цепи безопасности с расчетом получить максимум информации и тем самым нанести наибольший ущерб. Специалисты в области информационной безопасности также являются мишенью таких мошенников. Технические барьеры, такие как файерволы, маршрутизаторы и другие средства защиты, являются малоэффективными, если злоумышленник может физически получить доступ. С развитием методов машинного обучения создаются новые алгоритмы и модели, направленные на понимание человеческих факторов, участвующих в социальной инженерии. Однако отсутствие психологического подхода в этих методах представляет собой серьезную уязвимость. Эта

уязвимость открывает возможности для использования поведенческих и психологических уязвимостей с целью нанесения угрозы безопасности.

Специалисты в области информационной безопасности играют важную роль в предотвращении фишинговых атак. Они должны иметь навыки выявления таких атак и уметь обучать других пользователей умениям обнаружения и избегания фишинговых атак.

Личностные качества могут оказывать влияние на навык выявления фишинговых атак. Понимание, какие личностные качества способствуют успешному выявлению фишинговых атак, может помочь в разработке более эффективных методов обучения будущих специалистов по информационной безопасности.

Цель исследования – выявить личностные качества будущих специалистов в области информационной безопасности, способствующие выявлению фишинговых атак.

Гипотезы исследования:

1. Студенты, которые чаще выявляют фишинговые атаки, обладают рационально-аналитическим стилем принятия решения.

2. Студенты, которые чаще выявляют фишинговые атаки, имеют средний уровень импульсивности.

3. Среди студентов, которые чаще выявляют фишинговые атаки, можно выделить преобладающие структурные особенности личности, выявленные на основе факторов по опроснику Р.Б. Кеттелла.

4. Студенты, которые чаще выявляют фишинговые атаки, лучше справляются с тестом на визуальный поиск и имеют более высокий балл по тесту на общие знания в сфере IT.

Эмпирический материал исследования. Эмпирические данные, анализируемые в исследовании, были собраны на базе МГТУ им. Баумана на кафедре ИУ8 «Информационная безопасность» и РУТ (МИИТ) на одной из кафедр Института управления и цифровых технологий. Саму выборку представляют:

1. МГТУ им. Баумана: 141 студент, из них 35 девушек и 106 юношей. Студенты обучаются на 1-6 курсах специалитета и 1-2 курсах магистратуры. Мода возраста составила 18 лет.

2. РУТ (МИИТ): 9 студентов, из них 3 девушки и 6 юношей. Студенты обучаются на 4 курсе бакалавриата. Мода возраста составила 21 год.

Методики исследования:

1) Опросник «Рациональный – Опытный» С. Эпстайна (Корнилова Т. В., Разваляева А.Ю., 2017);

2) Шкала импульсивности Барратта BIS-11 (Ениколопов С. Н., Медведева Т. И., 2015);

3) Личностный опросник Р.Б. Кеттелла 16PF, форма С;

4) Тест на визуальный поиск (Visualsearchtask);

5) Тест на проверку общих знаний в IT-сфере;

6) Тест на выявление фишинговых атак.

Обсуждение результатов. Большинство студентов попало в средний диапазон правильных ответов по тесту, оценивающему навык выявления фишинговых атак. Испытуемые набрали около 6 баллов из 11. Стоит отметить, что высокие баллы набрали как студенты старших курсов, так и младших.

По результатам опросника «Рациональный – Опытный» С. Эпстайна у 2/3 студентов преобладает рационально-аналитический стиль принятия решения. Это говорит о том, что для этих студентов характерно стремление к максимальному сбору информации, т.е. они предпочитают безопасную стратегию при принятии многоэтапных решений. Корреляционный анализ выявил, что у испытуемых с рационально-аналитическим стилем принятия решения выше вероятность выявить фишинговые атаки.

У 90% студентов нет расстройства контроля над импульсивностью – они имеют средний уровень импульсивности. Связи между средним уровнем импульсивности и навыком выявления фишинговых атак выявлено не было.

По итогам проверки гипотезы мы выделили следующие преобладающие факторы по опроснику Р.Б. Кеттелла у студентов, успешно справившихся с заданиями на выявления фишинговых атак: факторы O, Q1 – низкое значение, факторы A, C, E, F, G, H, I, M, N, Q2, Q3, Q4 – среднее значение, B, L – высокое значение.

Корреляционный анализ выявил, что испытуемые, которые набрали больше баллов по тесту, проверяющему общие знания в IT-сфере, имеют более высокую вероятность выявить фишинговую атаку. Между результатами теста на визуальный поиск и навыком выявления фишинговых атак связи не было выявлено.

Говоря о практической применимости результатов исследования, можно предложить следующее: подготовка дополнительного обучающего курса по информационной безопасности, включающего личностные аспекты для студентов этой специальности.

Результаты исследования могут применяться в практике подбора персонала для специалистов в области информационной безопасности, а также для разработки программ обучения и тренингов для улучшения навыков выявления фишинговых атак, что в свою очередь может способствовать повышению уровня безопасности информационных технологий и сетей в целом.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2015. Том 5. – № 3. – С.75-89. – DOI: 10.17759/psylaw.2015050307.
2. Корнилова Т. В., Разваляева А. Ю. Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный-Опытный» (Rational-ExperientialInventory) [Электронный ресурс] // Психологический журнал. – 2017. – №3. – С.92-107. – DOI: 10.7868/S0205959217030084.
3. Отчёт Антифишинга о защищенности сотрудников в 2020 году // AntiPhish [Электронный ресурс]. – 2016 – 2023. – URL: <https://www.antiphish.ru/tpost/88km7s0a01-otchyot-antifishinga-o-zaschischnosti> (дата обращения: 25.04.2023).
4. Breda F., Barbosa H., Morais T. Social engineering and cyber security // Proceedings of the International Conference on Technology, Education and Development, Valencia, 6-8 March 2017. – P. 4204-4211. – DOI:10.21125/inted.2017.1008.
5. Workman M. Gaining Access with Social Engineering: An Empirical Study of the Threat // Information Systems Security. – 2007. – Vol. 16(6) – P. 315-331. – DOI:10.1080/10658980701788165.

Особенности чувства вины и альтруизма у студентов помогающих профессий (на примере юридических психологов)

Денисенко А.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В профессиях типа “человек-человек” основным средством профессиональной деятельности является личность самого специалиста (Климов Е.А., 1996), чем обуславливается важность изучения психологических особенностей специалистов помогающих профессий. Чувство вины относится к группе коммуникативных эмоций, имеющих экспрессивный компонент (принимает участие в процессе взаимодействия с другими людьми и установлении с ними контакта), а также связано с негативной оценкой своего поведения в связи с обнаружением рассогласованности между принятыми моральными нормами и собственным поведением (Ильин Е.П., 2016). Альтруизм

занимает особое место в личностном развитии (Мангутова И.В., 2007) и обозначает принцип или правило, которое проявляется в бескорыстной готовности жертвовать в пользу других людей, а иногда и вопреки своим желаниям. Взаимосвязь чувства вины и альтруистического поведения представителей помогающих профессий эмпирически не изучена.

Цель нашего исследования заключается в описании особенностей чувства вины и альтруизма у студентов помогающих профессий (на примере юридических психологов) в сравнении со студентами иных специальностей.

Гипотезой нашего исследования послужило предположение о том, что можно выявить и описать наличие связи чувства вины и альтруистических установок у студентов помогающих профессий.

Методами и методиками исследования являются: авторская анкета; методика измерения альтруистических установок (М.И. Ясин); методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина); «Опросник вины» (GuiltInventory, 1991); «Измерение чувства вины и стыда» (TOSCA, 1989); опросник «Мотивация помощи» (С. К. Нартова-Бочавер); описательная статистика, непараметрический критерий U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборку эмпирической части исследования составили после предварительного анализа данных 70 человек в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст - 20,3), из них мужчин 24 человека, женщин 46 человек. Все респонденты являются учащимися высших учебных заведений.

С помощью непараметрического критерия U Манна-Уитни были установлены статистически значимые различия по шкалам “Альтруизм”, “Социально-психологические установки”, “Мотивация помощи”: в группе будущих специалистов помогающих профессий (в том числе и будущих юридических психологов) значимо больше выражено желание и стремление помогать людям, приносить им пользу, а также активно включаться в ситуацию, в которой другой человек испытывает какие-то трудности.

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена было выявлено, что существует прямая связь между альтруизмом, мотивацией помощи и чувством вины как у студентов помогающих профессий, так и у студентов иных специальностей. Иными словами, студентам с ярко выраженными альтруистическими установками и установкой на помощь в большей степени свойственно переживание чувства вины, и наоборот. Данная связь частично подтверждает нашу основную гипотезу.

Внутри группы студентов помогающих профессий было выявлено, что существует обратная связь между шкалами “социально-психологические

установки” и “бета-гордость”, “мотивация помощи” и “отстраненность”. Таким образом, можно сказать, что будущим специалистам помогающих профессий, у которых ярко выражена установка на альтруизм, свойственно оценивать свое поведение негативно, и наоборот. А также студенты, у которых заметнее выражена установка на помощь, в большей степени эмоционально вовлечены в ситуации и их последствия, и наоборот.

Внутри группы студентов, не связанных с помогающими профессиями, была выявлена обратная связь между шкалами “альтруизм” и “альфа-гордость” – людям с ярко выраженным альтруизмом в большей степени свойственно негативно оценивать свою личность, и наоборот.

Внутри группы будущих юридических психологов были выявлены следующие значимые связи между шкалами: “альтруизм” и “бета-гордость”, “альтруизм” и “стыд”. Иными словами, студентам с ярко выраженными альтруистическими установками свойственно более негативно оценивать свое поведение, а также испытывать чувство стыда, и наоборот – менее выраженные альтруистические установки коррелируют с позитивной оценкой своего поведения, а также с незначительным проявлением чувства стыда.

По результатам авторской анкеты, более 90% респондентов при ответе на вопрос “Как связано чувство вины и помогающая практика?” указывали на компенсацию чувства вины посредством помогающей практики: «Помогающая практика позволяет заглушить чувство вины», «Через помогающую практику человек как бы избавляется от чувства вины», «Человек может выбрать помогающую профессию/практику, по причине невозможности помочь себе или кому-то из прошлого опыта жизни». «Своего рода «компенсация», «Скорее напрямую, если из-за чувства вины человек начинает помогать окружающим, таким образом компенсируя свои переживания». Таким образом, мнение респондентов о взаимосвязи чувства вины и альтруизма коррелирует с мнением в профессиональной среде, подтверждая выделение такого типа альтруизма как “компенсирующий”.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в проведении профориентации, в обновлении и улучшении образовательного процесса подготовки будущих специалистов помогающих профессий, а также они могут лечь в основу гипотез будущих исследований.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. – СПб.: Питер, 2016. – 370 с.

2. Климов Е.А. Психология профессионала. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 400 с.
3. Мангутова И.В. Психолого-педагогические условия развития альтруизма у детей старшего подросткового возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.

Исследование самооценки самочувствия, активности и настроения обучающихся в контексте восприятия информации о проведении специальной военной операции

Мартынова Д.А.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Воронова Ю.В.

Условия, в которых функционируют как современное российское, так и мировое общество, определяются как экстремальные. В теории системы социальных наук оформились два основных подхода к пониманию экстремального – как события, выходящего за рамки нормального развития и как события, которое имеет решающее значение для дальнейшего развития общества. В качестве таковых определяются криминальные события (в праве), войны и революции (в политологии) (Рязанова Н. В, 2007). Любое экстремальное событие провоцирует кризис личности или кризис общества, заключающийся в необходимости значительных изменений первого и/или второго в кратчайшие сроки. Неопределенность и нестабильность этой ситуации воспринимается личностью как угроза ее безопасности, что безусловно отражается на ее психоэмоциональном состоянии. Восприимчивость личности обусловлена, с одной стороны, ее индивидуально-психологическими особенностями и мотивацией, с другой, воздействием информации (Попова Р.Р., 2013).

Переживание обществом экстремальных условий способствует первичной и вторичной травматизации ее членов. Первичная травматизация возникает непосредственно у участников травматических событий, которыми могут выступать: экстремальные кризисные ситуации, ситуации угрозы жизни для самого себя или значимых близких (Харт О., Нейенхэус Э., Стил К., 2014). Феномен вторичной травматизации проявляется как глубокое психологическое воздействие на представителей помогающих профессий, которые регулярно

сталкиваются с рассказами тех, кто пережил насилие, участвовал в боевых действиях и был участником других чрезвычайных ситуаций (Ефимов Ю., 2019).

Травматизация населения, которая не относится к двум выше обозначенным группам, осуществляется посредством освещения травматических событий в СМИ. Официальные и неофициальные СМИ обеспечивают возможность стать свидетелями экстремальных событий, участниками которых мы не являемся. Процессы идентификации увиденного с собой и своими близкими могут усугубить ситуацию и продлить негативные переживания (Дмитриева Н.В., Афанасикова Е.В., 2021).

Событием, затрагивающим всё население страны, в частности, посредством интенсивного освещения новостей в СМИ, выступила специальная военная операция (далее – СВО) (Макоева Е.Р., Курашинова А.Х., 2022). В настоящее время сотрудники СК России выполняют профессиональные задачи, в том числе, в зоне СВО, что требует особого внимания к их психоэмоциональному состоянию.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации осуществляет подготовку будущих следователей, которые способны выполнять профессиональные задачи в том числе в ситуациях с повышенной стрессовой нагрузкой. Для того чтобы выявить наличие или отсутствие значимых различий между психоэмоциональным состоянием в период до СВО (соответственно, до оказанного информационного влияния) и состоянием во время проведения СВО, нами было проведено эмпирическое исследование с целью определить существенность отличий показателей состояния испытуемых в разные периоды времени относительно СВО.

Для оценки психоэмоционального состояния был использован опросник «Самочувствие, активность, настроение», разработанный В.А. Доскиным, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай, М.П. Мирошниковым (Валиуллина М.Е., 2019). Методика была модифицирована для достижения поставленной цели. Опросник каждому испытуемому предлагалось выполнить три раза, описав свое состояние «в момент до начала СВО», «в момент начала СВО» и «на данный момент».

Исследование проводилось среди обучающихся Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, возраст которых составлял 19-25 лет, выборка включала 53 человека, из них 26 юношей и 27 девушек.

По результатам исследования было выявлено, что средние баллы по каждому из показателей в период «до СВО» отличаются наибольшими значениями, составляют: самочувствие – 5,28; активность – 4,93; настроение – 5,4, что свидетельствует о нормальном состоянии испытуемых в данном временном промежутке. В период «в момент начала СВО» средние показатели заметно понижаются: самочувствие – 4,38; активность – 4,55; настроение – 4,11.

В третьем измерении «в настоящий момент» средний балл становится выше, чем в предыдущем: самочувствие – 4,88; активность – 4,84; настроение – 4,94.

Данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты математической обработке с применением Т-критерия Стьюдента (Т) для связанных выборок, выявляющего достоверность различий.

Результаты сравнения позволили нам сделать вывод о существовании достоверных различий между показателями категории «Самочувствие до начала СВО» и «Самочувствие в момент начала СВО», где значение Т составило 3,62, что превышает табличное (1,98), а, следовательно, указывает на существенное отличие показателей первого замера от второго.

Значимые различия были выявлены между категориями «Настроение до СВО» и «Настроение в момент начала СВО», (Т – 4,75), что указывает на максимальную подверженность изменениям такой категории психоэмоционального состояния испытуемых, как настроение.

Между значениями категорий «Настроение в момент начала СВО» и «Настроение в настоящий момент», достоверность различий также была установлена, Т – 2,8.

При сравнении показателей категории «Активность» ни в одном из измерений не было обнаружено достоверных различий, что может свидетельствовать о независимости данного фактора от выбранного внешнего раздражителя или о наличии другого типа взаимосвязи.

Итак, нами были выявлены значимые различия самочувствия и настроения при сравнении состояния «до СВО» и «в момент начала СВО», что свидетельствует о восприятии испытуемыми СВО в качестве фактора, который оказывает влияние на элементы функционального психоэмоционального состояния. Отсутствие достоверных различий при сравнении ответов «до СВО» и «в настоящий момент» указывает на произошедшую адаптацию к данному фактору, а, следовательно, на достижение прежнего уровня интенсивности и объема взаимодействия человека с физической и социальной средой после кратковременного спада.

Литература

1. Валиуллина М.Е., Габдреева Г.Ш., Менделевич В.Д. Психология состояний. Учебное пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. – М.: Когито-Центр, 2019. – 616 с.
2. Дмитриева Н.В., Афанасикова Е.В. Психологическая и психическая травма. Теория и практика психотерапии. – СПб.: Издательство ВВМ, 2021. – 191 с.

3. Ефимов Ю. Психологическая травма: причины появления [Электронный ресурс]. 2019. – URL: <https://psychoanalyst.pro/psihologicheskaya-travma-prichiny-royavleniya/#1> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Макоева Е.Р., Курашинова А.Х. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // Право и управление. – 2022. – №9. – С. 13-17. – DOI: 10.24412/2224-9125-2022-9-13-17.
5. Попова Р.Р. Психологическая помощь в кризисных и чрезвычайных ситуациях: Учебное пособие. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2013. – 135с.
6. Рязанова Н. В. Экстремальное событие и экстремальная ситуация: общие черты и отличительные признаки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. №1(33). – С. 143-147.
7. Харт О., Нейенхэус Э., Стил К. Структурная диссоциация личности // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – 2014. – №2. – С.8. – URL: <https://psyjournal.ru/articles/strukturnaya-dissociaciya-lichnosti-osnovnye-polozheniya> (дата обращения: 29.04.2023).

Особенности интеллекта и системы отношения личности к временному континууму у лиц, совершивших насильственные правонарушения

Бакастов А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Калашикова А.С.

Актуальность исследования: научные труды западных учёных указывают на то, что такие факторы, как интеллект и особенности системы отношения личности к временному континууму, сильно связаны с фактором совершения преступлений. В частности, существует обратная взаимосвязь между интеллектом и фактом совершения преступления (Diamond B., Morris R. G., Barnes J. C., 2012). Также рассматривались и те лица, кто были условно осуждены за насильственные преступления. Среди них существовала обратная взаимосвязь между тем, было ли заменено условное осуждение на реально или же не было. Было обнаружено, что те лица, которые были все-таки заключены под стражу, обладали более низким интеллектом (Guay J. P., Ouimet M., Proulx J., 2005). Подобную же закономерность отмечали западные ученые, анализируя, в частности, среднестрановой IQ и количество совершенных преступлений на 100 тыс. человек (Beaver K. M., Wright J. P., 2011). Параллельно с изучением влияния интеллекта на возможность совершения правонарушений изучались особенности отношения к временному континууму. Так, Филип Зимбардо и соавторы отмечали, что правонарушители более гедонистически воспринимают свое настоящее, в большей степени отвергают свое прошлое и в меньшей степени ориентированы на будущее (Zimbardo P. G., Keough K. A., Boyd J. N., 1997).

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей системы отношения личности к временному континууму и особенностей интеллекта у лиц, совершивших насильственные правонарушения. **Объектом** настоящего исследования явились индивидуально-личностные особенности лиц, совершивших насильственные правонарушения. **Предметом** настоящего исследования являются особенности интеллекта и системы отношения личности к временному континууму у лиц, совершивших насильственные правонарушения.

В настоящем исследовании приняли участие лица, совершившие насильственные правонарушения и лица из нормотипичной выборки, никогда не

привлекавшиеся к какому-либо виду ответственности. В основную группу вошли 20 подэкспертных из ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, протоколы обследования которых были предоставлены в анонимном виде. Из них 64,3% были мужчинами, а 35,7% – женщинами. Возраст испытуемых – от 19 до 52 лет (средний возраст – 38 лет). Все испытуемые по решению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы были рекомендованы к признанию вменяемыми. Испытуемые были осуждены по «насильственным» статьям уголовного кодекса РФ, из них 71,4% были осуждены по ст. 105 УК РФ, 21,4% испытуемых были осуждены по ст. 111 УК РФ, 7,1% испытуемых – по ст. 161 УК РФ, 7,1% испытуемых – по ст. 131 УК РФ, 7,1% – по ст. 132 УК РФ и 7,1% – по ст. 127 УК РФ. В контрольную группу вошли 25 человек, которые не были осуждены по статьям УК РФ. Из них 72% были мужчинами и 28% – женщинами, возраст испытуемых контрольной группы – от 19 до 56 лет, средний возраст участника контрольной группы был 28 лет.

Методы исследования

Для исследования интеллекта и особенностей системы отношения личности к временному континууму были использованы краткий ориентировочный тест и ZTPI (Zimbardo Time Perspective Inventory).

Результаты

При статистическом анализе методом U-критерия Манна-Уитни были определены различия между основной и контрольной группами по параметрам интеллект, ориентация на негативное прошлое, ориентация на позитивное прошлое, ориентация на фаталистическое настоящее, ориентация на гедонистическое настоящее, ориентация на будущее. Так, лица, совершившие насильственные преступления, обладают более низким интеллектом, нежели законопослушные граждане, что может объясняться более низкой способностью человека к оценке своих действий, более низкой способностью к прогнозированию последствий своих действий. По данным настоящего исследования, значимых различий у лиц, совершивших насильственные преступления, и законопослушных граждан в отношении к восприятию временного континуума не выявлено.

При помощи метода ранговой корреляции Спирмена была выявлена обратная значимая корреляция между уровнем интеллекта и ориентацией на фаталистическое настоящее у законопослушных граждан, то есть чем выше показатель интеллекта у законопослушного гражданина, тем в меньшей степени он ориентирован на фаталистическое настоящее.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что интеллект является значимым фактором, который влияет на возникновение преступного поведения с

применением насилия, что согласуется с западными исследованиями. В то же время отношение к временному континууму не является столь значимым фактором при формировании преступного поведения с применением насилия, что, однако, требует дальнейшего более углубленного исследования. Изучение индивидуально-личностных особенностей насильственного преступника может помочь в формировании более эффективных мер профилактики преступности, а также поможет повысить эффективность борьбы с преступностью.

Литература

1. Beaver K. M., Wright J. P. The association between county-level IQ and county-level crime rates // *Intelligence*. – 2011. – Vol. 39 (1) – P. 22–26.
2. Diamond B., Morris R. G., Barnes J. C. Individual and group IQ predict inmate violence // *Intelligence*. – 2012. – Vol. 40 (2) – P. 115-122. – DOI: 10.1016/j.intell.2012.01.010.
3. Guay J. P., Ouimet M., Proulx J. On intelligence and crime: A comparison of incarcerated sex offenders and serious non-sexual violent criminals // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2005. – Vol. 28. – №. 4. – P. 405-417.
4. Zimbardo P. G., Keough K. A., Boyd J. N. Present time perspective as a predictor of risky driving // *Personality and individual differences*. – 1997. – Vol. 23. – №. 6. – P. 1007-1023.

Предварительная апробация однотемного многоаспектного зонавого теста Юта (М) при проведении психофизиологических исследований с применением полиграфа

Жарикова Е.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

С уверенностью можно сказать, что в настоящее время психофизиологические исследования с применением полиграфа (ПФИ) прочно вошли не только в деловой оборот, где заняли свою нишу, прежде всего в виде кадровых проверок при наборе персонала и служебных проверок по факту хищения имущества, но и оказались востребованными в деятельности правоохранительных органов при расследовании преступлений. Если в сфере коммерческой деятельности «заказчики» подобных исследований мало обращают внимание на методическую сторону проверки, то в деятельности правоохранительных органов применяемая специалистом методика

исследования с применением полиграфа имеет важнейшее значение, поскольку позволяет напрямую оценить полученные результаты с точки зрения их достоверности.

Актуальность проведенного нами исследования заключается в том, что впервые в России произведена предварительная апробация используемого в ходе психофизиологических исследований с применением полиграфа однотемного многоаспектного зонowego теста Юта (м) в целях определения его валидности.

Целью исследования выступила практическая проверка (определение валидности, надёжности) теста Юта (м) при проведении ПФИ.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи: диагностировать психофизиологические реакции у обследуемых лиц относительно скрываемой информации, проанализировать полученные результаты и сопоставить их с фактическими данными.

Предметом исследования являлись анализ и соотношение психофизиологических проявлений на предъявляемые стимулы в тесте Юта (м) с фактическими данными лабораторного эксперимента.

В качестве основного метода исследования применялся лабораторный эксперимент, в котором приняли участие студенты Академии Следственного комитета Российской Федерации в возрасте 21-22 лет.

По результатам количественной оценки усреднённая невзвешенная точность теста Юта (усреднённая доля правильных заключений без учёта неопределённых результатов) составила 92 %.

Необходимо отметить, что точность диагностического метода, в том числе и метода прикладной психофизиологии, определяется его научной обоснованностью, а понятию научной обоснованности соответствует термин валидность.

Научное обоснование прикладного метода представляет собой обоснование метода как теоретическое, так и практическое, т.е. экспериментальное подтверждение работоспособности, эффективности в конкретных экспериментальных и реальных условиях его применения.

Прикладные научные методы, как правило, одновременно характеризуются показателем надёжности, под которым понимается уровень стандартизации процедуры проведения тестирования и степень воспроизводимости результатов, получаемых с её помощью. Надёжность метода во многом зависит от условий его применения, воздействия неконтролируемых внешних факторов, а также от уровня компетентности специалиста (Азарова Н.Ю., 2016).

В основе теоретической валидности прикладных психофизиологических методов лежат такие психические явления, как эмоциональная активность или

многочисленные когнитивные процессы, включая внимание и память, что в свою очередь находит очевидное отражение в физиологических изменениях в организме человека, регистрируемых с помощью полиграфа.

В настоящее время сформулировано около десяти теорий причин возникновения психофизиологических реакций (теории, основанные на мотивационных и эмоциональных аспектах, а также теории, базирующиеся на когнитивных факторах). Ни одна из теорий не является общепризнанной, однако это не исключает существование единого научно-методического подхода в области проведения ПФИ (Бастрыкин А.И., Ищенко И.П., Комиссарова Я.В., 2019).

В период с 2006 г. по 2011 г. Американской ассоциацией полиграфологов были проведены многочисленные исследования различных методов тестирования на полиграфе. Те методы, которые прошли строгий отбор, т.е. являются валидизированными, и показали высокие результаты в ходе экспериментально-практической апробации, вошли в так называемый мета-анализ.

В группу научно-обоснованных вошли только зоновые тесты (в том числе тест ЮТА). Данные тесты имеют точность больше 90% и уровень неопределённых результатов менее 20%. Тест ЮТА является безусловным лидером в научно-обоснованной группе. Работа над его созданием, разработкой, совершенствованием длилась более 40 лет. На сегодняшний день это самый всесторонне исследованный метод, которому посвящены десятки публикаций (Пеленицын А.Б., Сошников А.П., 2021).

В ходе экспериментально-практической проверки (лабораторного эксперимента) теста Юта (м) с тремя проверочными вопросами на территории РФ принимали участие 30 студентов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Исследования проводились в служебном кабинете (оборудованной лаборатории) с использованием профессионального компьютерного полиграфа «Диана». Все исследования проводились строго по плану лабораторного эксперимента, который включал в себя предтестовую беседу, заполнение заявления о согласии и опросного листа, проведение фонового, двух стимуляционно-адаптирующих тестов и проверочного теста Юта (м). По окончании ПФИ зарегистрированные полиграммы были подвергнуты анализу на предмет их пригодности и качества, наличия или отсутствия артефактов. Далее полученные результаты были обработаны с помощью консервативной 7-балльной системы оценки.

По завершении исследований были получены следующие исходные данные:

N - 30 (общее количество обследуемых лиц),

T_{лл} - 22 (подтвержденные лгущие лица по результатам теста и фактическим данным),

T_{лп} - 2 (ошибочно признанные лгущими лица по результатам теста и фактическим данным),

T_н - 6 (количество лиц, в отношении которых был получен неопределенный результат).

Таким образом, усредненная невзвешенная точность теста – усредненная доля правильных заключений без учета неопределенных результатов составила:

$$T = T_{лл} / (N - T_n)$$

$$T = 0,9$$

Уровень ложноотрицательной ошибки – признание правдивыми тех, кто на самом деле в ходе теста лгал:

$$L_o = T_{лп} / (N - T_n)$$

$$L_o = 0,01$$

Усредненный невзвешенный уровень неопределенных результатов:

$$H = T_n / N$$

$$H = 0,2$$

Учитывая вышеизложенное, на данном этапе исследования полученные данные по предварительной апробации однотоного многоаспектного зонного теста Юта (м) с тремя проверочными вопросами подтвердили его высокую надёжность (достоверность составляет около 92%) и позволяют применять его в дальнейшем при проведении исследований на полиграфе для решения различных задач.

Литература

1. Азарова Н.Ю. Полиграф: обзор современных методик США. Ч. 1. Алгоритмы формирования стандартизированных тестов. / Под ред. В.В. Коровина. – М., 2016. – 198 с.
2. Бастрыкин А.И., Ищенко И.П., Комиссарова Я.В. Криминалистика. – М., Проспект, 2019 г. – 378 с.
3. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 354 с.
4. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа: В 4 ч. – М.: АНО ДПО "Центр приклад. психофизиологии", 2015. (Ч. 1 – 224 с.; ч. 2 – 320 с.; ч. 3 – 336 с.; ч. 4 – 408 с.).
5. Abrams S. The control question: a technique for effective introduction // Polygraph. – 1976. – Vol. 5. – P. 146-155.

6. Handler M., Nelson R. Utah approach to comparison question polygraph testing // Polygraph. – 2009. – Vol. 38 (1). – P. 15-33.

**Связь алекситимии и самопринятия у мужчин со склонностью к
алкогольной зависимости**

Иртегова М.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Распространенность различного рода зависимостей среди населения, в частности алкогольной, оказывает своё существенное влияние на все сферы жизни человека и влечет за собой деформацию социальных, личных, семейных и профессиональных отношений, значительно снижает уровень жизни человека и ведет к дезадаптации. Согласно докладу проекта «Трезвая Россия», к концу 2020 года более 85% трудоспособных россиян употребляют спиртные напитки, что составляет свыше 76 млн. человек (Морогин В.Г., Костина Н.П., 2013).

Наиболее дискуссионными в современных исследованиях являются такие факторы риска, как особенности самопринятия, а также уровень алекситимии, то есть способности человека понимать свои и чужие чувства и переживания. В связи с чем вопрос изучения самопринятия в связи с выраженностью алекситимии у мужчин со склонностью к алкогольной зависимости достаточно актуален и представляет научный и практический интерес.

Умеренное потребление алкоголя может переходить в злоупотребление, а последнее – формировать почву для развития алкогольной зависимости как имманентной характеристики алкоголизма. Алкогольная зависимость представляет собой комплексное социально-психо-физиологическое явление, в связи с чем на его формирование влияют одновременно несколько групп факторов, которые следует рассматривать в совокупности.

Факторы алкоголизации подразделяют на две группы (Лисецкий К.С., Морогин В.К., Костина Н.П., 2007). Первая группа включает в себя объективные или социальные факторы, которые в определенной степени не зависят от человека и включают в себя макросоциальные, существующие в обществе в целом, и микросоциальные условия социальной группы, в которой формируется личность. Ко второй группе факторов относятся субъективные, которые включают в себя индивидуальные биологические факторы, детерминирующие зависимое поведение, семейные, а также психологические и личностные особенности потенциального аддикта.

Традиционно отечественными исследователями феномен самопринятия понимается как так называемый «позитивный смысл «Я», другими словами, некоторая переживаемая человеком симпатия по отношению к самому себе (Столин В.В., 1983). Для обеспечения полноценной качественной жизнедеятельности человеку необходимо обладать высоким уровнем самопринятия, положительно оценивать и принимать все аспекты собственной личности, включая те качества, которые с точки зрения общества в целом и, в частности, близкого окружения человека не являются положительными.

По данным В. Бройтигам, П. Кристиан и М. Рад, феномен алекситимии характеризуется четырьмя основными признаками. Авторы называют их типичными, но подчеркивают, что каждый признак характеризуется разной степенью выраженности и может отличаться в каждом отдельном случае:

1. Характерная неспособность выразить переживаемые чувства. Алекситимичная личность оказывается не в состоянии связывать вербальные или жестовые символы с чувствами.

2. Ограниченность способности фантазировать. Алекситимичная личность затрудняется или вовсе оказывается просто не способной пользоваться символами, в связи с чем обладает своеобразным типом мышления, который можно определить как «механический», «утилитарный», «конкретный». Оно организовано прагматически-технично и направлено на механическую функциональную сторону описываемого.

3. Преобладание «товарищеских» отношений в межличностных коммуникациях. Связи с конкретным партнёром характеризуются своеобразной «пустотой отношений».

4. Неспособность алекситимичной личности к истинным отношениям с объектом и к процессу переноса. Происходит тотальное идентифицирование с объектом – «ключевой фигурой» (Бройтигам В., Кристиан П., Рад М., 1999).

Гипотезой исследования стало предположение, что существует связь между уровнем самопринятия и выраженностью алекситимии у мужчин со склонностью к алкогольной зависимости: чем выше уровень алекситимии, тем ниже самопринятие.

Данная основная гипотеза была конкретизирована в двух дополнительных:

- для мужчин со склонностью к алкогольной зависимости характерен высокий уровень алекситимии и низкий показатель самопринятия;
- для мужчин без склонности к алкогольной зависимости характерен низкий уровень алекситимии и высокий показатель самопринятия.

Методиками исследования выступили: «Методика исследования самооотношения» (МИС) С.Р. Пантеев, «Тест опросник самооотношения» (ОСО) В. В. Столин, «Торонтская Алекситимическая Шкала» (TAS) Г.Д. Тейлор (адаптация Д. Б. Ересько, Г. Л. Исурина и др.), «Мичиганский алкогольный скрининг-тест» (Michigan Alcoholism Screening Test - MAST) (Nystrom M. et al., 1993; Serra K. et al., 1995).

Выборку исследования составили 40 мужчин в возрасте старше 18 лет (средний возраст – 32,5 лет). По результатам прохождения респондентами «Мичиганского алкогольного скрининг-теста» они были разделены на две группы по фактору наличия склонности к алкогольной зависимости. 20 человек составили основную группу – лиц, склонных к алкогольной зависимости, 20 человек составили группу сравнения – лица, не склонные к алкогольной зависимости. Респонденты набирались в сети интернет посредством опроса через Google-форму.

Описывая полученные результаты, можно сказать, в группе мужчин со склонностью к алкогольной зависимости средние значения по шкалам алекситимия и самопринятия по опросникам МИС, ОСО распределились следующим образом: 74,9 – выраженная алекситимия, 5,15 – средний уровень самопринятия (МИС), 56,869 - средний уровень самопринятия (ОСО). В группе мужчин без склонности к алкогольной зависимости: 53,4 - низкая выраженность алекситимии, 7,1 - средний уровень самопринятия (МИС), 76, 369 - высокий уровень самопринятия (ОСО).

В результате проведенного сравнительного анализа было установлено, что для мужчин со склонностью к алкогольной зависимости в большей степени характерна выраженная алекситимия и пониженный/средний уровень самопринятия. Данная особенность может быть обусловлена тем, что алекситимическая личность, как правило, полагается на более неадаптивный набор стратегий регуляции эмоций, в основном характеризующийся эмоциональным избеганием в областях эмоционального выражения, социального взаимодействия и решения проблем, следовательно, лица с характерными алекситимичными чертами могут использовать алкоголь в качестве механизма преодоления стресса. Таким образом, феномен алекситимии при своей яркой выраженности может выступать как фактор риска развития аддиктивного поведения, в том числе и алкогольной зависимости. Обнаруженная распространенность средних показателей выраженности самопринятия в группе мужчин со склонностью к алкогольной зависимости может быть связана с тем, что представители данной группы в большей степени склонны оправдывать собственные недостатки, в частности, негативные последствия от принятия алкоголя.

В группе мужчин без склонности к алкогольной зависимости был выявлен низкий уровень выраженности алекситимии и средний уровень выраженности самопринятия. Обнаруженная особенность может быть обусловлена тем, что для мужчин без склонности к алкогольной зависимости в большей степени характерно безусловное эмоциональное принятие всех аспектов собственной жизни, критический подход к анализу происходящих событий, в основе которого лежит рефлексия и более адаптивные способы регуляции эмоций, установка на решение проблем, а не их избегание. Данные интерпретации являются спорными и для подтверждения нуждаются в дальнейшем исследовании.

Анализ данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал значимые обратные связи ($p < 0,05$) в группе мужчин со склонностью к алкогольной зависимости между алекситимией и выраженностью признака «Самопринятие». То есть, чем выше уровень алекситимии у лиц со склонностью к алкогольной зависимости, тем в меньшей степени они принимают себя, свои поступки и желания и наоборот.

В группе мужчин без склонности к алкогольной зависимости также была обнаружена сильная обратная связь ($p < 0,05$) между выраженностью алекситимии и признаком «Самопринятие». При этом, чем ниже выраженность алекситимических черт у лиц, тем выше показатель безусловного принятия ими самих себя. Таким образом, мы наблюдаем, что трудности с оценкой и вербализацией собственных чувств и переживаний, а также низкий уровень погружения в глубину собственной психической жизни, характерные для лиц с выраженной алекситимией, связаны с отсутствием безусловного принятия ими самих себя и всех аспектов собственной жизни. Основная гипотеза исследования подтвердилась.

Понимание различных сторон таких психологических феноменов, как алекситимия, самопринятие и склонность к алкогольной зависимости, причин и механизмов ее формирования, а также полученные результаты исследования дают возможность расширить теоретическую и практическую базу для дальнейших исследований изучаемой проблематики. Могут быть использованы в качестве теоретического обоснования для разработки и проверки эффективности профилактических программ работы с лицами с выраженной алекситимией и склонностью к алкогольной зависимости, а также в работе с лицами с уже сформированной зависимостью от алкоголя.

Литература

1. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина / Пер с нем. Г.А. Обухова, А.В. Бруенка; Предисл. В.Г. Остроглазова. – М.: Гэотар Медицина, 1999. – 376 с.

2. Лисецкий К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. – Самара: Универс-групп, 2007. – 308 с.
3. Морогин В.Г., Костина Н.П. Социально-психологическая история алкоголизации России // Медицинская психология в России. – 2013. – Том 5. – № 5. – С. 14. – DOI: 10.24411/2219-82452013-15140.
4. Столин В. В. Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983. – 286 с.

Особенности самоотношения у лиц, подвергшихся насилию

Князева Л.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бородина Л.Г.

По данным Росстата в последнее десятилетие наблюдается увеличение числа случаев применения насилия по отношению к несовершеннолетним, в частности, преступлений против половой неприкосновенности. Ежедневно около 25000 несовершеннолетних страдают вследствие действий насильственного характера. При этом официальные показатели данных оказываются зачастую ниже, чем реальные, так как множество инцидентов не предаются огласке; кроме того, их могут намеренно скрывать в силу тех или иных обстоятельств (Качаева М.А., 2017). Насилие, проявленное по отношению к детям и подросткам, накладывает отпечаток на всю систему личности, влияя на формирование всех её структур и продолжая проявляться уже во взрослом возрасте. Одной из подобных структур является система самоотношения, она выступает фундаментом в формировании построения общей системы связей взаимодействия и отношения человека с самим собой и окружающим его миром. Система самоотношения индивида способна считываться и проецироваться окружением на него самого (Пантिलеев С.Р., 1991). Так формирование неадекватной или негативной системы самоотношения может привести не только к внутриличностным конфликтам, но и к снижению качества взаимодействия с социумом. Помимо этого, проблема формирования адекватной системы самоотношения является в целом актуальной для психологии задач, так как связана с общим компонентом самосознания.

Целью данного исследования было выявление особенностей самоотношения лиц, переживших опыт насилия в детстве.

Для достижения цели были применены следующие методики: 1) методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (С.Р. Пантилеев, 2013); 2) ICAST

– R – Ретроспективный опросник для изучения опыта пережитого насилия у молодежи 18-24 лет, адаптирован Е.Н. Волковой (Волкова Е. Н., 2013); 3) методика «Личностный семантический дифференциал», адаптированная сотрудниками Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева Е. Ф. Бажиным, Е. А. Голынкиной и А. М. Эткиндоном (Фетискин Н. П., 2002).

В исследовании приняли участие 40 респондентов от 19 до 24 лет (29 девушек и 11 юношей) из которых 19 пережили опыт насилия в детстве и 21 не имели такового. Все респонденты проживали в Москве и Московской области.

В результате исследования были получены следующие результаты. Наиболее частым видом насилия среди респондентов было эмоциональное насилие, преимущественно в период от 10 до 17 лет, в этот же период были получены наиболее высокие показатели по сексуальному насилию. В группе респондентов, переживших опыт насилия в детстве, обнаруживались более высокие показатели по таким шкалам, как: закрытость, внутренняя конфликтность и самообвинение. Данные шкалы характеризуют негативный аспект системы самоотношения. При сравнении средних результатов по каждому фактору личностного дифференциала оказалось, что в группе с опытом насилия в детстве показатели были значительно ниже, чем в группе без опыта насилия. Помимо этого, не было обнаружено статистически значимых различий по шкале самопривязанность, что предположительно обусловлено её двойственным характером: активным желанием измениться или ригидностью в отношении собственного Я.

Были выделены следующие особенности самоотношения у лиц, переживших опыт насилия в детстве: для них больше свойственны закрытость не только от окружающих, но и от собственных переживаний, зависимость собственного восприятия от социального окружения, стремление к активному социальному взаимодействию как способу достижения принятия окружением и, как следствие, собственного самопринятия, при этом оценка собственных волевых характеристик значимо сильнее зависела от уровня уверенности и саморуководства.

Также лицам, пережившим опыт насилия в детстве, свойственно наличие внутренних конфликтов и самообвинения, что свидетельствовало об общем снижении волевого, эмоционального и социального аспекта формирования системы самоотношения.

Таким образом, у лиц, переживших опыт насилия в детстве, преобладал негативный аспект системы самоотношения. Кроме того, компоненты системы самоотношения и их взаимосвязи значимо отличались от таковых в контрольной группе.

Литература

1. Волкова Е.Н., Исаева О.М. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. – Н. Новгород: ЗАО НРЛ «Нижегородская радиолоборатория», 2013. – 97 с.
2. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек. [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017(7). – № 3. – С. 110-126. – DOI: 10.17759/psylaw.2017070309.
3. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. – М.: Смысл, 2013. – 32 с.
4. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: МГУ, – 1991. – 110 с.
5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002 – 362 с.

Патопсихологические и индивидуально-психологические особенности лиц, занимающихся музыкальной деятельностью

Толкачева А.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Переправина Ю.О.

Индивидуальность каждого человека с его набором разнообразных личностных особенностей, характеристик и личностной переработки в результате определяют непосредственную вариативность проявления данных факторов в поведении индивида; оказывают на осознанную регуляцию и деятельность индивида прямое влияние, формируя индивидуальные способы саморегуляции активности личности (Сафуанов Ф. С., 2023; Моросанова В.И., 1998).

Изучение патопсихологических и индивидуально-психологических особенностей очень важно при исследовании самых разных сфер профессиональной деятельности, в том числе музыкальной деятельности.

Музыкальная деятельность может быть особо интересна для перспективного изучения ее с позиций патопсихологического подхода в совокупности с индивидуально-психологическими особенностями, так как связь между творчеством и психопатологией, к которой относится данная

деятельность, – мало изученный на данный момент феномен (Andreasen N. C., 1987).

Существуют исследования, свидетельствующие о возможной предрасположенности людей, занимающихся активной музыкальной деятельностью, к проявлению отдельных и более частых симптомов психических заболеваний (Alan B. Krueger, Ying Zhen, 2018; Mason O., Daniels N., 2018). Не было обнаружено отечественных исследований, рассматривающих музыкальную деятельность с точки зрения патопсихологического подхода в целях определения предикторов развития психических нарушений, дезадаптивных реакций и дезорганизации.

Целью нашего исследования было изучить патопсихологические и индивидуально-психологические особенности лиц, занимающихся музыкальной деятельностью, а также обнаружить предикторы высокого уровня тревожности, дезадаптивных реакций и дезорганизации деятельности.

Методиками исследования выступили: патопсихологический эксперимент («10 слов», «2 группы по 3 слова», «Отсчитывание», «Корректирующая проба Бурдона», «Исключение предметов», «Исключение понятий») (Рубинштейн С. Я., 1999); методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) в адаптации Ф. Б. Березина, М. П. Мирошникова (Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д., 2011); опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверкова, Е. В. Эйдмана (Зверков А. Г., Эйдман Е. В., 1990).

Выборку исследования составили 60 человек в возрасте от 18 до 35 лет, разделенных на две группы: основная группа, состоящая из профессиональных музыкантов, получивших/получающих специальное музыкальное образование, осуществляющих трудовую деятельность в данной сфере (профессиональные музыканты) и группа сравнения, имеющая, соответственно, противоположные характеристики. Респонденты набирались в сети интернет посредством массовой рассылки в специальные сообщества. Исследование проводилось как в очном формате, так и путем видеоконференций – Яндекс. Телемост.

Были обнаружены и изучены индивидуально-психологические и патопсихологические особенности лиц, занимающихся музыкальной деятельностью в виде следующих основных параметров: высокого уровня саморегуляции, проявляющейся в самостоятельности, устойчивости намерений, высоком уровне произвольного контроля эмоциональных реакций; актуализации своей индивидуальности, характерного профессионального тропизма к видам деятельности свободного, творческого стиля, стремление к избеганию любых формальных рамок; высокого уровня притязаний, артистичности, склонности к демонстративному поведению; нарушения операциональной

стороны мышления в виде единичных случаев опоры на латентные признаки и разноплановости в личностном компоненте мышления.

Выявлены индивидуально-психологические и патопсихологические особенности во взаимосвязи с волевой саморегуляцией лиц, занимающихся музыкальной деятельностью, свидетельствующие о проявлении при низких уровнях волевой саморегуляции отдельных нарушений психической деятельности (колебания работоспособности, инертность мышления и нарушения внимания) у профессиональных и непрофессиональных музыкантов; при высоком уровне волевой саморегуляции проявления мотивации избегания, высокой чувствительности, неуверенности в себе, высокого уровня тревожности у профессиональных музыкантов.

Обнаружено частичное влияние специфического набора индивидуально-психологических особенностей на память и умственную работоспособность лиц, занимающихся музыкальной деятельностью. При проявлении интровертированности, инертности в принятии решения, подавлении спонтанности, высоком контроле своих действий были замечены частые проявления таких патопсихологических особенностей, как разноплановость и инертность мышления; изобретательность и рациональность ума с недостаточной гибкостью и трудностями переключения при смене ситуации – проявления единичных случаев опоры на латентные признаки в операциональной стороне мышления.

Частично выявлены специфические индивидуально-психологические и патопсихологические особенности, являющиеся предикторами нарушения осознанной регуляции лиц, занимающихся музыкальной деятельностью. Такими специфическими проявлениями стали особенности в группе профессиональных музыкантов в виде высокого уровня волевой саморегуляции, приводящей к общему снижению способности преодолевать трудности при совершении целенаправленных действий, высокому уровню тревожности, мотивации избегания неуспеха и дальнейшему проявлению нарушений психической деятельности в виде различных психических расстройств. В том числе были обнаружены такие особенности, как актуализация своей индивидуальности, характерного профессионального тропизма к видам деятельности свободного, творческого стиля, стремление к избеганию любых формальных рамок, особенно у группы профессиональных музыкантов, в частности, лиц, имеющих психиатрический диагноз.

В заключение отметим, что благодаря полученным результатам исследовательской работы можно гораздо глубже судить о патопсихологических и индивидуально-психологических особенностях музыкантов и об их влиянии на осознанную регуляцию данной группы респондентов.

Литература

1. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности. – М.: Изд-во Березин Феликс Борисович, 2011. – 320 с.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
3. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / Ред. Т. М. Прошина – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 159 с.
4. Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 448 с.
5. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 379 с.
6. Andreasen N. C. Creativity and mental illness // Amer. Journal of Psychiatry. – 1987. – Vol. 144. – № 10. – P. 1288– 1292.
7. Man B., Krueger and Ying Zhen, “Inaugural Music Industry Research Association (MIRA) Survey of Musicians,” MIRA Conference Report. – 2018. – 25 p.
8. Mason O., Daniels H. Psychotic traits in musicians // Psychology of Medicine. – 2018. – Vol. 48 (12). – P. 2096–2097. – DOI:10.1017/S0033291718000466.

Нарушения самоотношения в структуре отдаленных психологических последствий сексуального насилия

Тухтаева Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Количество преступлений, связанных с сексуальным насилием, возрастает в среднем на 10% каждый год (Россия в цифрах, 2020). В связи с этим тема психологических аспектов проблемы сексуального насилия становится очень актуальной. Несмотря на расширение спектра проводимых исследований в данной области, остаются и сравнительно малоизученные вопросы; одним из них является вопрос о структуре и содержании отдаленных психологических последствий сексуального насилия. В данном материале будет представлен опыт изучения самоотношения у взрослых людей, подвергшихся сексуальному насилию в детском и подростково-юношеском возрасте.

Выборку составили 38 женщин и двое мужчин, средний возраст – 31 год, средняя давность пережитого насилия – 20 лет, 19 представителей выборки имеют собственную семью. Продолжительность насилия, перенесенного испытуемыми, варьировала от единичного эпизода до многолетнего насилия,

причем обидчиками могли быть как незнакомцы, так и близкие родственники. Лишь семеро испытуемых сообщили кому-либо о случившемся сразу, остальные сделали это спустя несколько лет или скрывали насилие вплоть до участия в данном исследовании.

Для установления предварительного контакта и уточнения деталей травматического опыта проводилось полуструктурированное интервью, после которого испытуемые переходили к работе с батареей психодиагностических методик. В батарею вошли: «Опросник травматического стресса» И.О. Котенева; методика «Незаконченные предложения» Дж. Сакса и С. Леви; «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо; «Опросник ауто- и гетероагрессии» Е.П. Ильина; «Методика исследования самоотношения» С.Р. Пантिलеева. Основные результаты диагностики состоят в том, что у представителей выборки наблюдаются как клинически значимые, так и нормативные психологические последствия сексуального насилия. К первой группе относятся отдельные признаки расстройства адаптации (F43.2 по МКБ-10), острой реакции на стресс (F43), депрессивных эпизодов (F32), аддиктивного поведения (F10), невротических расстройств (F48), посттравматического стрессового расстройства (F43.1), а ко второй – изменения эмоционально-волевой, поведенческой, психосексуальной сфер, сферы отношений и смыслов и сферы самосознания (не выходящие, однако, за рамки нормы). Как по нашим данным, так и по результатам опубликованных исследований коллег, в структуре нормативных последствий сексуального насилия заметное место занимают нарушения самоотношения, специально исследованные нами с помощью МИС С.Р.Пантिलеева (Пантилеев С.Р., 1993) и описанные в этом материале.

Значения по большинству шкал МИС в нашей выборке попадают в «коридор» нормы, приближаясь при этом, однако, скорее к нижней её границе, чем к верхней. Самые высокие значения обнаружены по шкале «Самообвинение» (6 стенов). Можно предположить, что самообвинение, первоначально возникшее непосредственно в связи с насильственным опытом, в последующие годы генерализовалось, распространившись на широкий круг жизненных ситуаций. Особую роль здесь сыграла, вероятно, внушаемость, свойственная детям и подросткам, и делающая их уязвимыми по отношению к разным (в том числе, не всегда верным и психологически безопасным) установкам, транслируемым взрослыми. Обследованные могли рассматривать нарушение половой неприкосновенности как наказание за свои поступки, обвинять в пережитом насилии себя самих. Многие участники нашего исследования, подвергшиеся насилию со стороны отца/отчима, сообщали, что мать не только не защитила и не поддержала их, но и вовсе эмоционально отвергла; в таких случаях закрепление самообвинительной позиции у

пострадавших, конечно, психологически совершенно понятно. Установки на обвинение, порицание жертв могли насаждаться не только членами их семей, но и более широким окружением, ведь в современном мире до сих пор распространена идея о том, что пострадавшие сами провоцируют насильников к определенными действиями (Невярович Н.Е., 2004).

Необычным может показаться то, что близкие к «Самообвинению» результаты зафиксированы по шкалам «Самопринятие» (5,8 по шкале стенов) и «Самоценность» (5,8 по шкале стенов). Эти шкалы образовали триаду ведущих компонентов самоотношения по выборке. Рассматривая психологическое содержание триады, можно сказать, что, виня себя за все негативные события жизни, участники исследования не отвергают себя как личность и сохраняют способность признавать свою уникальность. Возможно, достаточно высокие самопринятие и самоценность играют протективную, ресурсную роль, образуя противовес самообвинительным тенденциям. Подсчет дисперсий показал при этом, что по названным трем шкалам наблюдается наибольший разброс индивидуальных данных по выборке. Соответственно, в дальнейшем имеет смысл рассмотреть эти компоненты самоотношения в качестве возможных оснований для построения типологии пострадавших от сексуального насилия, а также дополнительно исследовать психологическую природу столь противоречивого сочетания ведущих компонентов самоотношения, описываемых названными шкалами.

Самые низкие показатели получены по шкалам «Отражённое самоотношение» (3,9 стенов), «Внутренняя конфликтность» (3,8 стенов) и «Самопривязанность» (3,3 стенов). Дисперсии значений, полученных по этим шкалам, указывают на сравнительно более высокую однородность индивидуальных результатов. Наконец, наибольшая однородность, если судить по итогам подсчета дисперсий, обнаружилась по шкалам с минимальными среднегрупповыми показателями – это «Самоуверенность» (2,4 стенов), «Саморуководство» (2,8 стенов) и, в особенности, «Внутренняя честность» (1,4 стенов). Таким образом, обследованная выборка высоко однородна в том, что касается неуверенности в собственных возможностях, недостаточной способности управлять своей деятельностью, принимать самостоятельные решения и быть честными с самими собой. Учитывая сказанное, можно указать ещё на общую тенденцию, которая состоит в возрастании однородности индивидуальных результатов испытуемых с уменьшением средневыборочных значений по той или иной шкале.

Полученные данные можно рассмотреть с учетом имеющихся в литературе сведений о «синдроме травмы изнасилования», который был впервые описан психологами Энн Бургесс и Линдой Холмстром (Солдаткина В.А., 2015). В

развитии этого синдрома выделяют три фазы. Если состояние пострадавшего соответствует признакам третьей фазы, т.е. «разрешения», то ему доступно реалистичное оценивание себя, своих переживаний, событий своей жизни. Гораздо менее объективен пострадавший, находящийся на второй фазе («внешнего приспособления»): он может бояться признать какие-то факты, давать социально желательные или неполные ответы. Наши результаты указывают на то, что в большинстве своем обследованные находятся в фазе «внешнего приспособления».

Выводы

Все показатели, характеризующие отдалённые психологические последствия сексуального насилия у взрослых испытуемых в сфере самоотношения, находятся в нормативных пределах и указывают на достаточно высокий уровень психологической устойчивости.

Между тем, обобщая данные в свете концепции «синдрома травмы изнасилования», можно сказать, что большинство обследованных достигли лишь второй фазы преодоления этой травмы и могут быть внутренне недостаточно открыты и искренни с самими собой. Учёт этого обстоятельства может служить ориентиром при проведении реабилитации пострадавших.

Неожиданным результатом, задающим вектор дальнейших исследований, стали почти одинаково высокие показатели по параметрам самоотношения, сочетание которых выглядит логически противоречивым: «Самообвинение», «Самопринятие» и «Самоценность».

Литература

1. Невярович Н.Е. Процессуальная психотерапия женщин-жертв сексуального насилия: автореф. дис... канд. психол. наук. – СПб., 2004. – 19 с.
2. Пантлеев С.Р. Методика исследования самоотношения. – М.: СМЫСЛ, 1993. – 32 с.
3. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 550 с.
4. Солдаткина В.А. Посттравматическое стрессовое расстройство. – Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ, 2015. – 624с.

Отношение родителей и ксенофобские установки у молодых взрослых

Березьянская Ю.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

На фоне экономических, политических, эпидемиологических и других изменений проблема ксенофобии является актуальной для многонационального российского государства. Противодействие распространению ксенофобской идеологии и экстремистских настроений в России – одна из первоочередных задач в настоящее время (Шевченко О.М., 2014).

Причиной возникновения ксенофобии чаще всего является средовой фактор. В основе ксенофобии лежит страх, ощущение недоброжелательности со стороны других людей, прежде всего, чужих, незнакомых, что, в свою очередь, вызывает негативное отношение к ним. Боязнь чужих людей свойственна на раннем этапе развития всем детям, однако при благоприятных условиях она впоследствии преодолевается. Вместе с тем неправильное воспитание в семье может становиться толчком к развитию ксенофобских установок. Воспринимаемая подростком враждебность и негативное отношение со стороны родителей могут трансформироваться в ожидание аналогичного отношения окружающих, прежде всего, чужих людей. Проблемное отношение родителей формирует общее недоверие и ощущение угрозы от мира вокруг (Сорокина Ю.С., 2019).

В связи с этим мы предположили существование связи между склонностью подростков и молодых взрослых к ксенофобии и характером воспринимаемого ими отношения к ним родителей.

Цель исследования: Определение связи между воспринимаемым отношением родителей и ксенофобскими установками у подростков и молодых взрослых.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие учащиеся Московского технического пожарно-спасательного колледжа им. Героя РФ В. М. Максимчука: 50 человек в возрасте 17-18 лет (25 девушек и 25 юношей, средний возраст – 17,72 года). Все участники дали добровольное письменное согласие на предстоящее обследование.

Для реализации поставленной цели были использованы опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR – сокращенно «Подростки о родителях») и шкала оценки ксенофобских установок О.Д. Гуриной.

Статистическая обработка данных проводилась в программе «Statistica» 7.0 (Statsoft).

Результаты исследования. По результатам методики «Оценка ксенофобских установок» установлено, что уровень ксенофобских установок в общей выборке находится на среднем уровне ($54 \pm 15,08$), что соответствует сочетанию положительных и негативных установок к иностранцам. Однако в группе девушек обнаружено преобладание положительных установок к иностранцам ($49 \pm 9,23$), в то время как у юношей результаты статистически значимо отличаются от аналогичных показателей у девушек ($p=0,008$) за счет большей выраженности негативных установок в отношении иностранцев ($60 \pm 13,02$).

Корреляционный анализ связей между склонностью к ксенофобии и воспринимаемым отношением родителей методами непараметрической статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) позволил выявить положительную статистически значимую ($p \leq 0,05$) связь между показателями шкалы «Оценка ксенофобских установок» и такими показателями методики «Подростки о родителях», как воспринимаемая враждебность (0,582) и автономность (0,046) матери. Значимых связей ксенофобских установок с отношением отца не обнаружено. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась частично. Для формирования враждебного отношения к чужим, иностранцам, значим характер отношения к ребенку матери, а именно, ее собственная враждебность и отстраненность от подростка.

Выводы: Полученные результаты дополняют представления о генезисе ксенофобских установок у детей, подростков и молодых взрослых и свидетельствуют об их связи с отношением матери, враждебность и автономность которой вносит свой вклад в формирование негативного отношения к чужим, к иностранцам. Эти сведения могут быть использованы в профилактической работе с детьми, подростками и их семьями.

Литература

1. Сорокина Ю. С. Особенности ксенофобских установок у подростков при семейном и интернатном типах воспитания // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник материалов III Международной конференции, Москва, 19–20 июня 2019 года. – М.:

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 443-445.

2. Шевченко О. М., Данелюс Д.В., Серикова И.Б. Ксенофобия как угроза формирования гражданской идентичности в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 11. – С. 66-71.

Влияние воспитания в семье на формирование виктимной личности подростка

Воронцов В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

На поведении подростка сказываются оказываемые на него воздействия окружающих субъектов. Специфика поведения подростка определяется усвоенными им ранее «моделями поведения», прежде всего, в семье (спецификой реагирования родителей и других членов семьи), позднее – других окружающих; восприятием образа мира и окружения; социальными и поведенческими установками и т.д. (Яценко Т.Е., 2019).

Семья и семейные отношения являются той моделью, согласно которой индивид будет действовать и на которую будет ориентироваться в дальнейшем. Формирование моделей поведения подростков происходит в процессе воспитания детей (подростков) и трансформируется в процессе их дальнейшей социализации.

При разрушении моделей поведения, усвоенных в процессе семейного воспитания, переоценке ценностей, трансформируется и способность к безопасному поведению. У подростка происходит «конфликт социальных установок», многие родители испытывают значительные трудности в определении парадигмы воспитания (то, как воспитывали их – «не подходит», а иные модели поведения не сформированы), демонстрируют девиантные или виктимные типы поведения (Логутова Е. В., 2015).

Виктимность – динамическое образование, выражающееся в виктимном поведении и может быть свойственно любому человеку. К основным факторам виктимизации подростков в рамках семейной структуры относятся факторы, связанные с психологическими особенностями родителей, влияющие на эмоциональное становление подростка (сюда относится специфика взаимодействия родителей с детьми, основанная на нарушениях эмоционально - психологического статуса родителя) (Голубь М.С., 2016).

На ранних этапах развития ведущим в иерархии становится фактор внутрисемейного воспитания, в первую очередь, – специфика поведения матери, которая в дальнейшем «уступает» место фактору отцовского влияния и «сдвигается» в нижнюю часть иерархии к подростковому периоду (Овсянникова Е.А., Ткаченко Н.С., 2014). Начиная со школьного возраста значимыми становятся модели поведения сверстников, «пик» иерархического влияния которых приходится на подростковый возраст.

Влияние семьи на формирование форм виктимного поведения, жестокое обращение, насилие, пережитое в детстве, неадекватные формы семейного воспитания могут приводить к последствиям, зачастую влияющим на всю дальнейшую жизнь человека (Реан А.А., 2015).

Литература

1. Голубь М.С. Влияние семьи на формирование виктимного поведения ребёнка // Вестник Академии знаний. – 2016. – №16 (1). – С.55-58.
2. Логутова Е. В. Гендерные особенности виктимного поведения старших школьников // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1-1. – С. 1551. – DOI:10.17513/spno.121-18304.
3. Овсянникова Е.А., Ткаченко Н.С. Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг- стратегий // Научные ведомости БелГУ, Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – №26(197). – С. 162-168.
4. Реан А.А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 3-8.
5. Яценко Т.Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – №3 (43). – С.233-241.

Специфика сетевого взаимодействия пользователей буллингового направления

Гуреева С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Борисенко Е.В.

Актуальная социальная ситуация развития подростков определяется всеобъемлющим влиянием современных информационно-коммуникационных технологий. Большинство своих социальных потребностей (взаимодействие с

другими членами общества, самореализация и самоутверждение и т.п.) несовершеннолетние могут удовлетворить в сети Интернет. Один из способов сетевого взаимодействия с окружающими – это использование аккаунтов в социальных сетях. Учитывая активное включение несовершеннолетних в процесс взаимодействия в сети Интернет, их девиантное поведение может транслироваться на площадках в сетевом пространстве. Также существует возможность объединения пользователей в сетевые группы, имеющие общие цели и мотивы осуществления деятельности буллинговой направленности. Под сетевой группой буллинговой направленности понимается группа людей, имеющих ролевые особенности и объединенных насильственным стилем воздействия. Включение во взаимодействие с такими группами имеет ряд негативных последствий, касающихся в первую очередь эмоционального состояния участников сетевого взаимодействия. Активная коммуникация в группах буллинговой направленности может стать риском вовлечения в дальнейшее деструктивное взаимодействие.

Нами было выдвинуто рабочее предположение о том, что можно выделить специфические особенности сетевого взаимодействия в группах буллинговой направленности. Иными словами, существуют особенности сетевого взаимодействия пользователей в группах буллинговой направленности, которые представлены в виде индикаторов склонности к девиантному поведению, при этом среди индикаторов будет преобладать деструктивный контент.

Ранее автором статьи была разработана и применена специальная процедура анализа, позволяющая систематизировать содержание контента (Гуреева С.М., 2019). Мы решили дополнить процедуру анализа поведения пользователей в сетевом пространстве.

Для анализа взаимодействия в сетевых сообществах предлагается следующая процедура анализа, позволяющая систематизировать транслируемые сообщения пользователей. Качественной единицей контент-анализа выступили категории контент- и интент-анализа, составляющие схему исследования, индикаторами являлись комментарии пользователей и публикации администратора сообщества.

Индикаторами, по которым мы отбирали группы буллинговой направленности, а также группы нейтрального содержания, были выбраны объекты в социальной сети «ВКонтакте», которые являются общедоступными для пользователей социальных сетей: приватность группы; количество участников; возрастные ограничения для просмотра публикуемого контента; открытое обсуждение в формате «чата», организованного администратором; содержание наименования сообщества (оскорбление, выражение ненависти к лицу или группе лиц, позитивная оценка лица или группы лиц, нейтральное

содержание); главная фотография и обложка сообщества; содержание описания сообщества (дисклеймер, тематика сообщества, отсутствующее описание, иное содержание).

Психологический анализ сетевого взаимодействия в сообществах заключается в выделении трех параметров.

1. Анализ поста в группе администратором сообщества или предложенный участниками группы: в данном разделе рассматривается публикация в сообществе, которая содержит графическое сопровождение (например, стиль изображения, а также изображенные объекты: личность, текст на изображении, несущий осуждающий характер).

2. Анализ семантической связи поста, опубликованного администратором сообщества: для объективного анализа содержащегося смысла в тексте мы используем описание негативных интенций, преобладающих в дискурсе социальных медиа (Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А., 2022), а именно: наличие эмоций и переживаний автора; негативная оценка; выступление против третьих лиц; дискредитация. Данный критерий раскрывает прямую декларацию и/или иносказательный смысл с учетом общего текстового содержания публикации (пример: публикация содержит дискредитацию, выражающуюся в обесценивании третьего лица).

3. Анализ семантической связи комментария, опубликованного под публикацией. При проведении интен-анализа были учтены стрессовые реакции личности (Вейтен У., Ллойд М., 2002). Для анализа предлагается описание эмоциональных реакций, которые могут быть отражены в текстовом формате (раздражение, страх, печаль), поведенческие реакции (выражение желания совершить физическое действие по отношению к третьему лицу, выражение желания помочь), содержание может быть отнесено к поддержке или осуждению публикаций. Комментарий также может содержать негативные интенции.

При проведении анализа рассматриваемые объекты, которые транслируются персоной, анализируются независимо друг от друга. Затем, мы исследуем корреляцию интенций, которые транслирует автор публикации с комментариями, то есть, реакцией «наблюдателей» этого контента. Описанные критерии способны продемонстрировать особенности сетевого взаимодействия пользователей в группах различного содержания.

Данный алгоритм анализа сетевого взаимодействия может быть применен при ручном анализе сотрудниками образовательных организаций для получения информации о сообществах, в которых может происходить общение несовершеннолетних. Дополнительно, предложенные критерии могут лечь в основу противодействия кибербуллингу в сетевом пространстве.

Литература

1. Гуреева С. М. Алгоритм оценки деструктивности медиаконтента в сетевых субкультурах // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии. Ялта, 08–10 октября 2019 года / Под редакцией Коврова В.В. – Ялта: Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 60–63.
2. Общая психология. Т. 2. Субъект деятельности. Кн. 1 / Отв. ред. В.В. Петухов. М.: УМК "Психология"; Генезис, 2002. – С. 501–542.
3. Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А. Речевые интенции и референциальные объекты в дискурсе социальных медиа (на материале дискуссий в условиях локдауна) // Экспериментальная психология. – 2022. – Том 15. – № 4. – С.139–156.

Ресурс народной игры в работе с проявлениями агрессии у детей младшего школьного возраста

Исакова В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Теплова А.Б.

Проблема агрессивного поведения детей на современном этапе развития общества приобретает особую актуальность в связи с напряженностью и нестабильностью ситуации в обществе, распространением агрессивных тенденций в средствах массовой информации и сфере кино, возрастающим интересом детей к компьютерным играм и т.д.

Под **агрессивным поведением** понимается совокупность повторяющихся агрессивных актов, вызванных внешними и внутренними стимулами, направленных на нанесение вреда себе, другим людям или предметам. Включает в себя враждебную установку, агрессивные эмоции и непосредственно агрессивные действия (Змановская Е.В., 2019).

У младших школьников, склонных к агрессивному поведению, как правило, наблюдается преобладание прямой физической агрессии (драки, удары, шлепки) и материальной, направленной на намеренную порчу чужого имущества (надписи на стенах/партах, воровство чужих вещей) (Мосина Т.Н., 2018).

Проявления агрессивного поведения негативно отражаются на процессах социализации, адаптации и развития личности детей. Эти факторы могут привести к формированию проблемного и агрессивного, а в дальнейшем – девиантного поведения. Соответственно, раннее выявление проявлений и признаков данных отклонений в поведении поможет избежать проблем на дальнейших этапах обучения.

По нашему мнению, **народные игры** являются важным ресурсом в работе с данной проблемой. Народная игра является источником трансляции традиционных моделей и образцов нормативного поведения, которые ребенок осваивает во взаимодействии с другими участниками, четко соблюдая общие, равные для всех, правила. Такая безопасная игровая среда способствует развитию личности, противодействуя враждебному и агрессивному отношению к окружающим (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2021).

Это обеспечивается за счет основных особенностей народных игр – добровольности участия, безусловного принятия участников и их равенства, наличия особых правил рамочного характера (строгие правила, внутри которых есть свобода для проявления индивидуальности), условия самостоятельного выбора, придания ценности не результату, а именно процессу игры (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2017).

Народные игры наполняют социальную среду возможностями прожить в безопасной форме различные эмоциональные состояния, конфликтные и кризисные ситуации, экспериментировать с различными формами поведения.

Объектом исследования являются проявления агрессии у детей младшего школьного возраста. **Предметом** - народная игра как средство коррекции агрессивного поведения младших школьников. **Цель исследования:** определить ресурс народной игры в коррекции агрессивного поведения у детей младшего школьного возраста. В качестве дополнительных показателей нами были выбраны следующие: коммуникативные умения и навыки, волевая саморегуляция, социометрический статус.

Экспериментальное исследование проводилось с октября 2022 года по март 2023 года. Выборку для данного исследования составили 60 младших школьников, обучающихся в 1-ых и 2-ых классах, в возрасте от 7 до 9 лет. В экспериментальную группу вошли 29 детей, а в контрольную – 31 ребенок. Для оценки результатов были выбраны следующие методики: «Опросник уровня агрессии ребенка» Лаврентьева Г.П., Титаренко Т.М.; тест руки Вагнера Э.; диагностическая методика «Рукавички» Цукерман Г.А.; диагностическая методика «Бусы» Венгера А.Л.; диагностическая методика "Капитан корабля" Смирновой О.Е., Холмогоровой В.М.

В исследовании нами была выдвинута **основная гипотеза**: народные игры способствуют снижению уровня агрессии, повышению уровня волевой саморегуляции, а также повышению уровня коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста.

После первичной психодиагностики в контрольной и экспериментальной группах с участниками экспериментальной группы был проведен цикл занятий с использованием народных игр. Цикл составил 10 занятий, с применением двух основных игровых программ. Занятия проводились периодичностью один раз в неделю, длительность каждого составляла 30-40 минут.

По результатам экспериментальной части были сделаны следующие выводы. Изначально у значительного числа детей действительно имеются различные трудности, в том числе и сочетанные. Точнее, у 40% детей экспериментальной группы и у 28% детей контрольной группы были выявлены трудности в коммуникации со сверстниками и низкий уровень коммуникативных навыков; у 48% детей экспериментальной группы и у 26% детей контрольной группы обнаружен низкий уровень волевой регуляции поведения; у 45% и у 25% детей в экспериментальной и контрольной группах наблюдается агрессивное поведение. Также нашла подтверждение основная гипотеза исследования: народные игры действительно снижают уровень агрессии (было 48% детей с повышенным уровнем агрессии, стало 28%; $Z=-2,688$, $p<0,01$) и тенденции к агрессивному поведению (было 41% детей, имеющих тенденции к агрессивному поведению, стало 10%; $Z=-2,579$, $p<0,05$); способствуют повышению уровня волевой регуляции (было 48% с низким уровнем саморегуляции, стало 3%; $Z=-4,179$, $p<0,01$) и коммуникативных навыков и умений (было 31% с низким уровнем коммуникативных навыков, стало 10%; $Z=-2,562$, $p\leq 0,05$), а также благоприятно воздействуют на социометрический статус детей (было 52% детей со статусам «игнорируемые» и «отвергаемые», стало 31%; $Z=-2,840$, $p<0,01$). Результаты в контрольной группе получились следующие: при первом психодиагностическом срезе было 16% детей, имеющих повышенный уровень агрессии, при втором – таких детей стало больше (19%) ($Z=-1,355$, $p>0,05$); тенденции к агрессивному поведению сначала выявились у 26% детей, при повторном измерении – у 29% ($Z=1,000$, $p>0,05$); низкий уровень развития саморегуляции был выявлен у 26% детей, по результатам второго среза процент детей с низким уровнем остался тот же, однако увеличилось количество детей со средним уровнем развития волевой регуляции (было - 42%, стало - 61%) ($Z=-1,732$, $p>0,05$); при первичном срезе детей с низким уровнем развития коммуникативных навыков было 19%, при вторичном стало 26% ($Z=-1,414$, $p>0,05$); в начале низкий социометрический статус имели 48% детей, потом таких детей стало 54% ($Z=-0,758$, $p>0,05$). Исходя

из статистической обработки данных контрольной группы, наблюдается отсутствие статистически значимых изменений в каждом из показателей.

Практическая значимость определяется тем, что в рамках экспериментальной части была разработана коррекционно-развивающая программа с использованием народных игр, направленная на снижение уровня агрессии у младших школьников, а также была доказана эффективность данной программы. Полученные результаты могут быть использованы в коррекционной-развивающей и психопрофилактической работе с детьми (младшими школьниками). А также ресурс народных игр может использоваться в работе по данной проблеме с другими возрастными группами. Разработанная программа может быть добавлена в доказательный блок практики «Сила народной игры», которая включена в реестр практик с доказанной эффективностью.

Литература

1. Змановская Е.В. Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. – СПб.: Питер. – 2019 – 352с.
2. Мосина Т.Н. Агрессивное поведение детей младшего школьного возраста // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – №6 (22). – С.30-34.
3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Аксиологический и методологический анализ народных игр [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. – Том 13. – № 4. – С. 22–38. – DOI: 10.17759/psyedu.2021130402.
4. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. – 2017. – Том 13. – № 3. – С. 51–59. – DOI: 10.17759/chr.2017130307.

Профилактика и коррекция буллинга в образовательной среде: опыт зарубежных и отечественных программ

Кириленко Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема профилактики буллинга в образовательной среде – одна из основных на данный момент в сфере изучения буллинга отечественными исследователями. Россия, по данным ВОЗ, занимает лидирующие места по

распространённости буллинга среди учащихся, что обуславливает важность внедрения антибуллинговых программ в образовательную среду. Чтобы приступить к анализу представленных на данный момент подходов к профилактике и коррекции буллинга в образовательной среде, первоначально стоит определить, что из себя представляет понятие «профилактика».

Профилактика – направление деятельности психолога, целью которого является создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам (Богданович Н.В. с соавт., 2012).

Отечественные программы. На основании проведенного исследования Л.И. Максименковой, где главным выводом стало заключение о том, что существует обратная связь между показателями эмпатии и агрессивности в подростковом возрасте, ею были предложены несколько направлений для профилактики буллинга, а именно: развитие эмпатии, коммуникативных навыков и обучении экологичным способам снятия эмоционального напряжения (Максименкова Л.И., 2016).

Н.С. Бобровникова в своей статье приводит ряд примеров эффективных методик борьбы с буллингом, которые применяются в образовательных учреждениях, в числе таких методик: Link crew или «Команда связей»; «Совет отцов»; Метод Фарста (Die Farsta Methode); Метод «Ступенчатого колеса»; Метод «Правила школы» (Бутовская М. Л., Русакова Г. С., 2016) (Истомина А.А., Морнов К. А., 2018). Помимо этого, автор указывает мишени психолого-педагогической программы по борьбе с буллингом для любой образовательной организации. В перечень направлений программы вошли: снижение агрессивных и враждебных реакций; оптимизация межличностных и межгрупповых отношений; формирование навыков конструктивного реагирования в конфликте; развитие толерантности, эмпатии (Бобровникова Н.С., 2016).

В одном из современных пособий по профилактике буллинга в образовательных организациях высшего образования, утвержденном Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, «Методических рекомендации для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся», освещается комплекс мер для снижения буллинга среди учащихся в ВУЗах. Данный комплекс направлен на стабилизацию и гармонизацию межличностных отношений, формирование культуры экологичного и продуктивного взаимодействия внутри учебного коллектива. Помимо этого, данная деятельность должна иметь систематический характер и реализоваться на общеузовском, личностном и групповом уровнях.

С 2019 года началась активная разработка антибуллинговых программ, таких как антибуллинговая программа «Территория безопасности» (г. Екатеринбург), антибуллинговая программа «Травли Net», антибуллинговая программа «КАЖДЫЙ ВАЖЕН», где целью является улучшение психологической безопасной атмосферы в образовательной среде через предотвращение жестокости и агрессии среди учащихся, включая большой комплекс мер и видов взаимодействия с детьми, учителями и родителями (Буллинг в образовательной среде и его профилактика: Коллективная монография, 2021).

Зарубежные программы. При обзоре зарубежных антибуллинговых программ мы выделили следующие.

США. Социально-эмоциональное обучение как основа борьбы с буллингом, Responsive Classroom.

В программе профилактики стоят следующие ключевые практики по антибуллинговому поведению, а именно позитивный язык преподавания, утреннее совещание или ответственное консультативное совещание, интерактивное моделирование, включение права голоса учащихся в правила школы, реакция на неправильное поведение, академический выбор, интерактивные обучающие структуры, стратегии решения проблем.

Программа предотвращения издевательств Olweus. Данная модель применима для учащихся с детского сада и до старшей школы (от 5 до 18 лет), сосредоточена на изменении норм и реструктуризации школьной среды, чтобы уменьшить издеательства и улучшить взаимодействие между учениками. Реализация принципов данной программы предусматривает, что взрослые в школе должны проявлять теплоту, положительный интерес и участие; установление жестких ограничений для неприемлемого поведения, постоянное использование поддерживающих средств, предсказуемые последствия, когда происходит неприемлемое поведение, взрослые в школе должны действовать как авторитеты и положительные образцы для подражания (Dan Olweus, 2010).

Бразилия. Escola Sem Bullying. Данная антибуллинговая программа реализуется через следующие этапы: повышение эмпатии, уважения и чувства принадлежности, учителя чувствуют большую готовность вмешаться в ситуации буллинга, более активное участие родителей в решении проблем буллинга, студенты больше поощрены сообщать о проблемах издевательств, школьный персонал должен уделять больше внимания предупреждающим знакам, учащиеся узнают о правах человека и важности сосуществования.

Швеция. Программа «Friends». Проводится и совершенствуется программа более 25 лет, в основе лежат 4 урока для предотвращения буллинга в школе: 1. Вовлечение детей и молодежи; 2. Общее видение, основанное на

правах детей; 3. Многоуровневые стратегии; 4. Школьный и исследовательский подход.

Италия. Приоритетные действия при организации программы против буллинга в Италии: 1. Оценка учащихся из группы риска, наблюдение за дистрессом, выявление вредного поведения. 2. Обучение сотрудников школы, предусматривающее участие в обучающих модулях. 3. Учебно-информационные мероприятия, направленные на учителей, учащихся и семьи. 4. Внедрение мероприятий по борьбе с буллингом и кибербуллингом.

Канада. «**Dare to Care Bully Prevention**». Основные компоненты для проведения: обучение стратегиям для борьбы с буллингом, преподавание концепта буллинга, построение заботливого сообщества, привлечение заботящегося большинства. Общешкольный подход к сообществу включает 4 основные действия: 1. Внедрить политику и практику последовательной и эффективной борьбы с буллингом. 2. Улучшить понимание и компетенции среди сотрудников, учащихся и родителей, а также в более широком сообществе. 3. Формировать партнерские отношения между школой, семьей и обществом в целом. 4. Создать поддерживающую школьную культуру.

Литература

1. Бобровникова Н. С. Профилактика буллинга в образовательной среде // Молодой учёный. – 2016. – № 12 (116). – С. 759-761.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2012. Том 4. – № 2. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53517 (дата обращения: 25.04.2023).
3. Буллинг в образовательной среде и его профилактика: коллективная монография / М. С. Юрова, Я. Н. Федосова, А. Ю. Нагорнова [и др.]. – Ульяновск: издательство "Зебра", 2021. – 122 с.
4. Бутовская М. Л., Русакова Г. С. Буллинг и буллеры в современной российской школе // Этнографическое обозрение. – 2016. – №2. – С. 99-115.
5. Истомина А. А., Морнов К. А. Методы профилактики буллинга в современной школе // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 1 (12). – С. 15-20.
6. Максименкова Л.И. Проблема профилактики буллинга в образовательной среде // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2016. – №27-1. – С. 100-104.
7. Olwus D., Limber S. P. The Olweus Bullying Prevention Program: Implementation and evaluation over two decades // Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective. – 2010. – P. 377-401.

Особенности саморегуляции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Кручинина Е.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Федонкина А.А.

В сложном по содержанию и тенденциям мире подростку требуется помощь для адаптации и развития. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, сталкиваются с вызовами в области саморегуляции из-за отсутствия поддержки, повышенной уязвимости и сложности в адаптации, что влияет на психологическую сферу и требует особого подхода в развитии навыков саморегуляции (Моросанова В. И., 2015).

Несформированный уровень саморегуляции у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, может приводить к общению с негативными социальными группами, трудностями в контроле эмоций и принятии решений, недостаточной способности к самообладанию, склонности к агрессии и отрицательной динамике в различных сферах жизни (Морозова И.С., Тимофеева И.Г., 2020).

«Проблема воли, поставленная по существу – это, прежде всего вопрос о содержании воли, о том, какие мотивы и цели являются для нее определяющими...» (Рубинштейн С.Л., 2000). Юридическая психология, в частности юридический психолог, может способствовать направлению и развитию волевой саморегуляции для снижения преступного поведения подростка, используя индивидуальные подходы и интеграцию различных служб для усовершенствования уровня саморегуляции.

Исследование проводилось на базе центра «Предуниверсарий МАИ» и ЦССВ «Вертикаль». Цель исследования – изучить особенности саморегуляции детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в сравнении с детьми, проживающими в полных семьях. 60 подростков в возрасте 13–17 лет были разделены на 2 группы: оставшиеся без попечения родителей и проживающие в семьях.

Для исследования саморегуляции были проведены методики: Тест-опросник А. В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции», опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В.И. Моросановой, цветовой тест отношений (ЦТО) А. М. Эткинда, тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга.

Рассматривались шкалы: волевая саморегуляция, общий уровень саморегуляции, самостоятельность, планирование, настойчивость и самообладание.

В ходе эмпирического исследования с помощью критерия U-Манна-Уитни были установлены значимые различия по методикам «Исследование волевой саморегуляции» и «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98».

По шкалам «Общий уровень саморегуляции», «Планирование», «Моделирование», «Программирование», «Гибкость», «Оценка результата» дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, показывают более низкие результаты. По шкале «Самостоятельность» у основной выборки показатель выше, чем у детей, проживающих в семьях.

Шкала «Общий уровень саморегуляции» ($U=235$, $p < 0,001$). В случае детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, низкий уровень саморегуляции может свидетельствовать о слабой адаптации и низком уровне социальной компетентности в связи со сложившимися разными жизненными ситуациями. Повышенный уровень стресса может сопутствовать понижению уровня саморегуляции.

У основной выборки по шкале «Самостоятельность» уровень выше ($U=585$, $p < 0,05$).

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в определенной мере вынуждены быть более самостоятельными и справляться со многими задачами, которые в определенный период выполняет и помогает выполнить взрослый, что повышает компетенцию в данной способности.

Низкий уровень по шкале «Планирование» у основной выборки ($U=285$, $p < 0,05$).

Отсутствие стабильности и контроля в детстве может привести к недостаточному формированию навыков планирования, что отмечается у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Различия по шкале «Моделирование» ($U=252$, $p < 0,01$)

Низкий уровень по шкале «Моделирование» у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, может свидетельствовать о недостатке социально-эмоциональной и когнитивной стимуляции в окружающей среде. Сложности в формировании представлений о внешних и внутренних условиях, детализированных и адекватных представлений о том, что происходит.

Низкий уровень по шкале «Программирование» ($U=285$, $p < 0,05$).

Из-за недостаточного уровня формирующей опеки от взрослых, которая положительно сказывается на психологических процессах в детстве, уровень выполнения сложных задач у детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, снижается и последовательность их выполнения усложняется.

Низкий уровень по шкале «Гибкость» ($U=234.5$, $p<0,001$).

Частые изменения в условиях жизни могут приводить к потере необходимости развивать гибкость. Вынужденная адаптация к новым людям, месту и новым правилам без повторения сценария или формирования общих навыков для эффективной адаптации.

Низкий уровень по шкале «Оценка результата» ($U=213.5$, $p <0,001$).

Ребенок формирует представление о себе на основе взаимодействия с окружающей средой, включая отношения со взрослыми. Ограниченность взаимодействия со значимыми взрослыми может привести к снижению положительной обратной связи и поддержки в развитии представления о себе. Также значимые перемены в жизни могут провоцировать чувство нестабильности и снижение мотивации.

Рассматривая среднее GCR – коэффициент групповой конформности (тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга) в процентном соотношении для групп по Н.В. Тарабриной, мы обнаружили, что для группы «Дети, проживающие в семьях» он составляет 17,37%, для группы «Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей» – 14,76%, где норма – от 45% и выше.

Понимая факторы, которые влияют на саморегуляцию и являются уязвимыми, можно разработать эффективные стратегии для реабилитации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, проживающих в семьях.

Литература

1. Морозова И.С., Тимофеева И.Г. Исследование волевой саморегуляции у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях сетевого взаимодействия // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2020. – №1(37). – С. 97-103.
2. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека. – М.: Когито-Центр, 2015. – 304 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2000 – 712 с.

Социальная мотивация как способ профессионального самоопределения старшеклассников

Кулакова И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

Непростая геополитическая обстановка и курс страны на импортозамещение большого количества продукции обозначили острую нехватку высококвалифицированных кадров практически во всех ключевых отраслях российской экономики. «Для России эта проблема является достаточно острой, носит острый характер. Если мы не будем предпринимать энергичных усилий для того, чтобы эти проблемы решать, то, по данным тех же зарубежных авторитетных источников, к концу 2030 года дефицит квалифицированных кадров у нас составит где-то около трех миллионов человек» (Путин В.В., 2019).

Складывающаяся ситуация во многом предопределяется ошибками выбора будущей профессии выпускниками старших классов средней школы, часто происходящих из-за неспособности человека адекватно определить свое будущее место в обществе. В работе «Профессиональное самоопределение: теория и практика» Н.С. Пряжников приводит примеры наиболее распространенных проблем при планировании карьеры, к которым он относит перенос отношения к человеку на его профессию, отождествление школьного предмета с профессией, неумение соотнести свои личные качества и будущую работу, недостаток информации о профессии, излишнее доверие к внешним консультантам, неспособность задумываться о перспективах развития производства и ряд других (Пряжников Н.С., 2007).

Неправильное профессиональное самоопределение подростков провоцирует пассивность и академическую неуспеваемость, а академическая неуспеваемость, в свою очередь, не позволяет выпускнику школы сдать Единый Государственный экзамен на должном уровне и получить востребованную профессию в выбранном вузе.

Подготовка нужных стране специалистов должна начинаться в школе. В беседе с корреспондентом ТАСС на полях Петербургского международного форума в 2021 году Глава Министерства просвещения Сергей Кравцов сказал: «Развитие экономики зависит от подготовки кадров, это связанные процессы. Подготовка начинается со школы, далее идет обучение на уровне профессионального образования. Очень важно, чтобы система образования

реагировала на те запросы, которые есть у отраслей экономики» (Кравцов С.С., 2021).

Таким образом, можно утверждать, что большинство ошибок в выборе будущей профессии сопряжено с взаимоотношениями человека и общества, то есть с социальной мотивацией, так как социальная мотивация – «это мотивация жизнедеятельности людей, завязанная также на мотивационные отношения в обществе» (Аллин О.Н., Сальникова Н.И., 2014).

По мнению И.Ф. Дементьевой, одной из проблем подросткового возраста является переход от потенциальных рисков детства, обусловленных противоречиями между нормативным (близким к идеальному) возрастным состоянием и современным состоянием общества, к реальным рискам, выражающимся в повышенной социальной напряженности. Потенциальные риски, к которым автор относит и ориентацию на жизненные достижения, могут перейти в категорию реальных рисков при бездействии конкретных субъектов, отвечающих за жизнь, здоровье и развитие молодежи (Дементьева И.Ф., 2013).

Психолого-педагогическое исследование социальной мотивации старшеклассников, влияющей на выбор предстоящей трудовой деятельности, и появление современных мотивационных программ помогут старшеклассникам нивелировать социальные риски, улучшить успеваемость и осознанно выбрать свою будущую профессию и место в обществе.

Литература

1. Аллин О.Н., Сальникова Н.И. Кадры для эффективного бизнеса. Подбор и мотивация персонала. – М.: Наука, 2014. – 248 с.
2. Дементьева И.Ф. Социальные риски развития детства // Социальная педагогика. – 2013. – №4. – С.31-44.
3. Кравцов С.С. Интервью Министра просвещения РФ С.С. Кравцова корреспонденту ТАСС на полях Петербургского международного экономического форума 2021 года – Стенограмма официального сайта Министерства просвещения РФ от 06.06.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/3807/alternativy-ege-poka-net-glava-minprosvescheniya-ob-ekzamenah-pandemii-i-kanikulah/> (дата обращения 09.01.2023).
4. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: Академия, 2007. – 503 с.
5. Путин В.В. Телемост Президента РФ В.В. Путина с участниками движения WorldSkills. – Стенограмма официального сайта Кремля от 01.11.2019 [Электронный ресурс]. – URL: kremlin.ru/d/61953 (дата обращения: 09.01.2023).

Связь уровня правосознания и копинг-стратегий у несовершеннолетних

Матвеенков М.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Период с 2018 по 2027 гг. объявлен в Российской Федерации Десятилетием детства. В указанный период на государственном уровне планируется реализовать мероприятия, направленные на улучшение здоровья, благополучия, качества жизни, развития, воспитания и обучения детей (Указ Президента Российской Федерации, 2017). Значение благополучного развития детей невозможно переоценить, так как здоровое детство является основой здорового общества. Вместе с тем, несмотря на активную политику государства в области защиты прав детей, популяризацию среди родителей методов успешного взаимодействия с детьми, доступность нефилтρουемого контента в сети Интернет и подмена ценностей, легко принимаемая в подростковом возрасте, толкает детей на совершение нелогичных, неосмотрительных поступков, оказывающих негативное влияние на всю их дальнейшую жизнь.

Целью исследования является выявление связи между уровнем правосознания и копинг-стратегиями у несовершеннолетних.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые представлен анализ взаимосвязи уровня правосознания и копинг-стратегий в подростковом возрасте.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБОУ города Москвы «Школа 996» и ГБОУ города Москвы «Школа 1272». В исследовании приняли участие 69 подростков в возрасте от 14 до 17 лет.

При проведении эмпирического исследования использовался тест правового и гражданского сознания Ясюковой Л.А. (Ясюкова Л.А., 2000); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанный в 1988 году в Психологическом институте РАО В.И. Моросановой для научных и практических исследований разных видов индивидуальной саморегуляции (Моросанова В.И., 1998); опросник «Способы совладающего поведения» (Лазарус, Р., Фолкман С.), адаптация Т.Л. Крюковой (Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В., 2007).

Для статистической обработки результатов эмпирического исследования использовались следующие методы математической статистики: абсолютная и относительная частота (проценты); коэффициент корреляции г-Спирмена,

критерий Манна-Уитни. Обработка количественных данных проводилась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 21.

Результаты:

При использовании U-критерия Манна-Уитни различий между мужским и женским полом в уровне правосознания и выборе копинг-стратегий не выявлено.

В ходе использования методики Л.А. Ясюковой слабый уровень правосознания (правовой нигилизм) показали 29% подростков, у 64% выявлен средний уровень правосознания, хороший уровень, то есть в основном сформированный уровень правосознания, показали 7% подростков, респондентов с высоко сформированным уровнем правосознания в ходе исследования не выявлено. Проведенным анализом способов совладающего поведения с использованием опросника, разработанного Р. Лазарусом и С. Фолкман, выявлено следующее соотношение использования копинг-стратегий, начиная с низкого уровня напряженности (адаптивный вариант копинга), далее приведен средний (адаптационный потенциал личности в пограничном состоянии), а затем высокий уровень напряженности копинга (свидетельствует о выраженной дезадаптации) – конфронтация 19%, 75% и 6%; дистанцирование 26%, 57% и 17%; самоконтроль 1%, 55% и 44%; поиск социальной поддержки 14%, 67% и 19%; принятие ответственности 52%, 46% и 2%; бегство-избегание 7%, 54% и 39%; планирование 4%, 73% и 23%; положительная переоценка 7%, 51% и 42%.

При анализе связи между уровнем правового и гражданского правосознания с одной стороны, стилем саморегуляции поведения и копинг-стратегиями с другой стороны, установлена слабая прямая связь на уровне значимости $p=0.05$: между уровнем общего правосознания и копинг-стратегиями: поиск социальной поддержки (0,269), принятие ответственности (0,259) и поиском социальных контактов (0,285). Это означает, что чем выше уровень правосознания подростка, тем чаще он использует такие способы поведения в сложных конфликтных ситуациях (копинг-стратегии), как «поиск социальной поддержки и социальных контактов», «принятие ответственности».

Уровень правосознания на бытовом уровне («бытовая сфера правосознания» по Л.А. Ясюковой: «законопослушное поведение – правовой нигилизм; признание равноправия различных менталитетов – монокультурная позиция») имеет связь со шкалами методики В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» «планирование решения проблем» (0,259), «оценка результатов деятельности» (0,237), и «общий уровень саморегуляции» (0,282). Это говорит о том, что, чем чаще подростки проявляют законопослушное поведение и признают равноправие различных менталитетов, тем более у них

развита саморегуляция, которая опирается на планирование и оценку результатов деятельности.

Знание норм права коррелирует с такими параметрами, как «планирование решения проблем» в методике изучения совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман (0,257) и «планирование» в методике В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (0,276). Это означает, что чем больше у подростка знаний в области права, тем чаще ему свойственно «преодоление проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов» и выше «сформированность потребности в осознанном планировании деятельности».

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что большинство подростков демонстрирует средний уровень правосознания и такой же адаптационный потенциал при выборе копинг-стратегии, а между уровнем правосознания и выбором копинг-стратегий обнаружена слабая, а в отдельных случаях умеренная прямая связь. В то же время сформированность правосознания способствует более адаптивной саморегуляции в сложных ситуациях и конструктивному решению проблем. Полученные результаты указывают на необходимость разработки программ по повышению уровня правосознания несовершеннолетних.

Литература

1. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93-112.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функция в произвольной активности человека. – М.: Наука, 1998. – 191 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 04.05.2023).
4. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 1-13.

Агрессивное поведение и эмоционально-волевая сфера у детей дошкольного возраста

Остапенко К.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Феномен агрессивного поведения в старшем дошкольном возрасте является предметом изучения множества психолого-педагогических научных дисциплин. Эмоционально-волевая сфера ребенка еще недостаточно устойчива. Эмоции дошкольника спонтанны, ярко выражены, характеризуются ситуативностью и непосредственностью. Они могут как резко вспыхнуть, так и резко угаснуть (Юрчук Е.Н., 2008). Волевые процессы ребенка развиты еще не в полной мере. Он только учится контролировать собственное поведение и поступки (Урунтаева Г.А., 2001). Недостаточное развитие данных компонентов личности является фактором, способствующим усугублению негативно направленного поведения ребенка. Проявляющееся ненадлежащее поведение несет оппозиционный характер. Ребенок становится чрезмерно упрямым, непослушным, вспыльчивым, склонным к частым спорам. Собственными действиями (в частности, укусами, ударами) он выражает недовольство, гнев, обиду или просто решает досадить другим.

В 2023 году нами было проведено исследование на данную тему. Целью исследования является выявление и описание особенностей агрессивного поведения и эмоционально-волевой сферы у детей старшего дошкольного возраста.

Мы предположили, что существуют различия в специфических особенностях эмоционально-волевой сферы детей старшего дошкольного возраста с проявлениями агрессивного поведения и без, а именно, что для детей старшего дошкольного возраста с проявлениями агрессивного поведения характерны: негативное психическое состояние средней степени или негативное психическое состояние высокой степени, несформированность произвольных компонентов; для детей старшего дошкольного возраста при отсутствии проявлений агрессивного поведения характерны: позитивное психическое состояние или негативное психическое состояние низкой степени, сформированность произвольных компонентов.

Выборку исследования составили 40 детей – воспитанников МКДОУ «Детский сад №37» г.о. Чехов Московской области в возрасте от 5 до 7 лет

(средний возраст – 5,7 лет), из них девочек – 15 человек (средний возраст – 5,6 лет), мальчиков – 25 человек (5,8 лет).

В нашем исследовании были использованы методики: авторская социально-демографическая анкета для опроса старшего воспитателя; авторская карта оценки поведенческих особенностей детей воспитателями; «Hand-тест» в адаптации Семаго Н.Я., Семаго М.М. (Семаго Н.Я., Семаго М.М., 2005); методика «Кинотеатр» Велиевой С.В. (Велиева С.В., 2005); методика «Графический диктант» Эльконина Д.Б. (Гуткина Н.И., 2000), методика «Да и нет» Гуткиной Н.И. (Гуткина Н.И., 2000). В процессе обработки полученных данных были применены следующие методы математической статистики: описательная статистика, критерий однородности «Хи-квадрат».

По итогам проведенной работы было выявлено, что в действительности существуют различия в специфических особенностях эмоционально-волевой сферы детей старшего дошкольного возраста с проявлениями агрессивного поведения и без. Для детей старшего дошкольного возраста с проявлениями агрессивного поведения характерны: негативное психическое состояние средней степени, а также несформированность произвольных компонентов. У обследуемых в большей степени преобладают негативные эмоции, чувства, состояния, такие как страх, злость, печаль, агрессия, обида, стресс, скепсис и др. Они препятствуют достижению поставленных целей, ухудшают общее самочувствие. Дети не способны в полной мере овладевать собственным поведением, управлять собой и своими поступками. Для детей старшего дошкольного возраста при отсутствии проявлений агрессивного поведения характерны: негативное психическое состояние низкой степени, а также сформированность произвольных компонентов. У обследуемых этой группы в большей степени преобладают позитивные эмоции, чувства, состояния, такие как радость, веселость, мечтание, удивление и др. Они оказывают стимулирующее влияние на ребенка, нормализуют его общее психическое и физическое самочувствие. Дети способны управлять собой, собственными поступками в реальной жизни, а также управлять собственным поведением в целом.

Таким образом, среди эмоций, чувств, которые ребенок проявляет во время совершения агрессивного акта, можно выделить гнев, недоброжелательность, мстительность, садизм и др. Доминирование отрицательных эмоций над положительными говорит нам о негативном психоэмоциональном состоянии дошкольника. Он не понимает другого человека, не берет в расчет его чувства, эмоции, состояния. Поэтому такому ребенку совершенно чужда эмпатичность. Ребенок, проявляющий агрессивное поведение, не способен в полной мере контролировать собственные действия, для него характерен пониженный

уровень произвольности. Агрессивные действия чаще всего представляют собой средство защиты собственных интересов или способ получения желаемого (Рудикова В.В., 2014).

Литература

1. Велиева С.В. Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста: учебное-методическое пособие. – СПб.: Речь, 2005. – 240 с.
2. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе: руководство практического психолога. – М.: Академический Проект, 2000. – 184 с.
3. Рудикова В. В. Агрессивность в дошкольном возрасте: сущность, особенности формирования и развития // Молодой ученый. – 2014. – № 10 (69). – С. 495-499. – URL: <https://moluch.ru/archive/69/11920/> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Теория и практика оценки психического развития ребёнка. Дошкольный и младший школьный возраст. – СПб.: Речь, 2005. – 384 с.
5. Урунтаева Г. А. Дошкольная психология: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. – 5-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 336 с.
6. Юрчук Е. Н. Эмоциональное развитие дошкольников: методические рекомендации. – М.: Творческий Центр Сфера, 2008. – 127 с.

Особенности связи удовлетворенности основных потребностей и совладающего поведения у подростков, оставшихся без попечения родителей

Поликанова П.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Мельникова Д.В.

В случае, когда подросток использует неэффективные стратегии совладающего поведения для того, чтобы справиться со стрессом, снижается его психологическое благополучие. Одним из стрессоров может являться неудовлетворенность основных потребностей, которые мы часто можем встречать у подростков, оставшихся без попечения родителей.

Совладающее поведение находится в числе других факторов, влияющих на выбор стратегии, с помощью которой могут быть удовлетворены потребности

подростка (Лазарус Р., Фолкман С., 1966; Крюкова Т.Л., 2010; Анцыферова Л.И., 2011 и др.).

Если человек, реализуя свою потребность, будет сталкиваться с теми или иными препятствиями, стратегии их преодоления будут определяться копингами, которые у него есть в арсенале. Таким образом, если копинг работает неэффективно (недостаточный репертуар копингов, взаимно исключаящие или конфронтующие между собой копинги, недостаточно развитые копинги и т.д.), то вероятно будет выбрана недостаточно эффективная стратегия преодоления трудностей на пути к удовлетворению потребностей (Прихожан А.М., 2005; Польшина М.А., 2017; Самсин А.И., 1987 и др.).

Цель исследования – выявление связи между основными потребностями и особенностями совладающего поведения у подростков, оставшихся без попечения родителей.

Объектом данного исследования являются личностные особенности детей подросткового возраста, оставшихся без попечения родителей. **Предметом** исследования выступает связь основных потребностей и совладающего поведения детей подросткового возраста, оставшихся без попечения родителей.

Гипотезы исследования:

1. Существует связь между неудовлетворёнными потребностями и совладающим поведением.

2. При возникновении трудностей в реализации неудовлетворенных потребностей подростки, оставшиеся без попечения родителей, используют неэффективные способы совладающего поведения.

Характеристика выборки: В данном исследовании приняла участие группа подростков (21 человек) в возрасте от 12 до 17 лет, воспитывающихся в условиях проживания в ЦССВ, из них 10 девочек и 11 мальчиков.

Для сбора информации были применены следующие методы и методики:

- Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями (Р. Лазарус);
- Методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей (модификация А. Эдвардса).

Диагностика проводилась индивидуально.

Результаты. Чаще всего у подростков, оставшихся без попечения родителей, в рамках данного исследования встречается умеренная выраженность каждой стратегии совладания. Самым выраженным копингом у подростков, оставшихся без попечения родителей, является бегство-избегание (23%). На втором месте находится копинг дистанцирование (18%). Такие копинги, как положительная переоценка, принятие ответственности и планирование решения проблемы составили 13% и вышли на 3 место по значимости. Поиск социальной

поддержки (8%) занял 4 место по выраженности. Самоконтроль (7%) вышел на предпоследнее место по значимости (5 место); конфронтационный копинг занял последнее место (5%).

У подростков, оставшихся без попечения родителей, наиболее неудовлетворённой является материальная потребность. Материальная потребность полностью не удовлетворена у 47% испытуемых, частично не удовлетворена у 53% испытуемых. Такие значения мы связываем с особенностью возраста, то есть с потребностью современных детей быть материально обеспеченными, а также в связи с отсутствием стабильной материальной поддержки со стороны родителей (которая чаще всего есть у детей, находящихся в семье). У подростков, оставшихся без попечения родителей, потребность в безопасности полностью не удовлетворена у 16% испытуемых, частично не удовлетворена у 74% испытуемых и полностью удовлетворена всего лишь у 16% испытуемых. Такие значения можно связать со спецификой среды, в которой находится подросток, неопределенностью планов на будущее и нехваткой значимого взрослого. Социальная потребность частично не удовлетворена у 84% испытуемых, полностью удовлетворена у 16% испытуемых. Такие значения можно связать со спецификой среды, в которой находится подросток, неопределенностью планов на будущее и нехваткой значимого взрослого. Потребность в признании полностью не удовлетворена у 11% испытуемых, частично не удовлетворена у 84% испытуемых и полностью удовлетворена всего лишь у 5%. Это может быть связано с недостатком взаимопонимания, уважения со стороны сверстников и взрослых (в том числе значимых взрослых). Потребность в самовыражении полностью не удовлетворена у 21% испытуемых, частично не удовлетворена у 68% испытуемых, полностью удовлетворена у 11% испытуемых. Это может быть связано с недостаточностью возможности самовыражения.

Большая часть обследуемых в рамках данного исследования выбирают неэффективное применение копинг-стратегий при столкновении со сложностями на пути к удовлетворению основных потребностей. При помощи качественного анализа было выявлено, что 78% обследуемых неэффективно используют копинг-стратегии, а 22% обследуемых используют копинг-стратегии эффективно. Неэффективность копинг-стратегий заключается в слабо сформированных копингах, противоречащих друг другу копингах. Эффективность же проявляется в развитых у подростков, оставшихся без попечения родителей, копингах, а также в не противоречащих друг другу способах совладания.

Была выявлена отрицательная связь между копингом самоконтроль и потребностью в безопасности, то есть целенаправленным подавлением,

контролированием эмоций и потребностью в признании/уважении. Соответственно, можно предположить, что если копинг-стратегия самоконтроль развита у обследуемого в большей степени, то потребность в безопасности эффективнее удовлетворяется.

Была выявлена положительная связь между копинг-стратегией самоконтроль (целенаправленным подавлением, контролированием эмоций) и потребностью в самовыражении. Соответственно, можно предположить, что чем выше копинг-стратегия самоконтроль, тем выше степень неудовлетворённости потребности в самовыражении.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 3-18.
2. Каверин С.Б. Психология потребностей. – Тамбов: ТГУ, 1996. – 79 с.
3. Польшина М.А., Насибуллина А.Д. Психологическая защищенность и копинг-поведение подростков-сирот в конфликтной ситуации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – № 1. – С. 100-103.
4. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер, 2005. – 416 с.
5. Самсин А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей. – М.: Высшая школа, 1987. – 158 с.
6. *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 474 с.
7. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. – N.Y.: McGraw-Hill, 1966. – 257 p.

Особенности самооценки младших школьников в контексте краеведческой и туристической деятельности

Попова Л.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Перед современным российским образованием сегодня поставлена цель формирования личности, способной к самоопределению и самореализации в

быстро меняющемся мире, в то же время особый акцент делается на усилении воспитательного компонента, воспитании патриотизма, духовности, нравственности.

Психологическая основа формирования личности, способной найти собственное место в обществе, базируется на адекватной самооценке. Л. С. Выготский отмечал, что самооценка у ребенка начинает зарождаться примерно с семи лет. В это время она развивается в ходе выполнения им учебных заданий и опирается на меняющиеся роли ученика и его новую психическую организацию – рефлексивную, над овладением которой он активно работает (Выготский Л.С., 1987).

Б. Г. Ананьев отмечает, что самооценка человека формируется под влиянием окружающей его среды, сверстники и педагоги оказывают большое влияние на это развитие (Обухова Л.Ф., 1995). По большей части в начальной школе самооценка создается стихийно, так как у педагогов нет единой системы ее формирования. Это приводит к тому, что большинство первоклассников демонстрируют завышенное чувство самоуважения, и к моменту окончания начальной школы растет доля детей с заниженной самооценкой, которая сохраняется в их дальнейшем образовательном опыте. Неадекватная самооценка в средних и старших классах приводит к повышенной тревожности и неустойчивому поведению при столкновении с напряженными обстоятельствами. Отсутствие уверенности и самоуважения может привести к снижению социальных целей, неуверенности в личных способностях и ограничению жизненных возможностей. Низкая самооценка чревата приступами депрессии и внутренним разладом. Кроме того, она может нанести вред обществу в целом, поскольку страдающие от нее люди не могут признать присущие им склонности или таланты.

Задача педагога и родителей – помочь ребенку быстро адаптироваться, научить оценивать себя, формировать осознанные познавательные действия. В процессе туристско-краеведческой деятельности участвуют все основные стороны воспитания: патриотическое, нравственное, трудовое, эстетическое, физическое, экологическое, интеллектуальное, формируются навыки исследовательской, поисковой деятельности, реализуются творческие способности, создаются благоприятные условия для самопознания, самореализации и социализации.

Туристическая деятельность – это всегда коллективное взаимодействие, а, согласно идеям Л.И. Божович, когда человек сравнивает свое поведение с поведением сверстников через действие и сам переживает то, что впервые заметил у других людей, это приводит к большему пониманию собственных действий и характеристик своей личности в целом; таким образом, возникает

особый вид переноса между отличительными чертами, который затем отражается на его самовосприятии (Божович Л.И., 1968).

За время существования детского туризма со времен СССР накоплен богатый опыт проведения разнообразных познавательных активностей и учебных занятий – это посещение музеев, обсуждение книг и кинофильмов, квесты и экскурсии, участие в олимпиадах, конкурсах, научных конференциях, туристические походы и спортивное ориентирование.

Занятия в туристско-краеведческом кружке способствует росту познавательной активности школьников, их морально-нравственному совершенствованию (Шаяхметова Г.М., 2015). В туристско-краеведческом кружке в том числе занимаются дети, которые не блещут академическими знаниями в основной школе, а здесь они могут быстрее и правильнее построить азимут, больше всех знать про местный ландшафт или историю родного поселка. Занятия туризмом и краеведением способствует росту кругозора учащихся, у них формируется навык публичных выступлений, умение доказывать свою точку зрения. Изучая особенности родного края и страны в целом, школьники учатся ориентироваться не только в особенностях окружающего ландшафта, но и замечать красоту и разнообразие малой родины, понимать и помнить свои истоки, что в свою очередь содействует формированию патриотических настроений.

В своей работе мы попытались выявить особенности самооценки младших школьников, занятых туристско-краеведческой деятельностью в отличие от детей, не вовлеченных в такую деятельность.

Исследование базировалось на идеях классиков отечественной педагогики и психологии Л.С. Выготского, П. Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, К.Д. Ушинского, а также трудах современных отечественных и зарубежных педагогов и психологов.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что младшие школьники, вовлеченные в занятия туристско-краеведческой деятельностью, социально активнее, увереннее, они чаще чем их сверстники, не занимающиеся туристско-краеведческой деятельностью, положительно оценивают себя.

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы был использован комплекс теоретических и эмпирических методов исследования.

Испытуемым предлагались следующие методики:

Методика «Лесенка» В.Г. Щур;

Методика «Нарисуй себя» (А.М. Прихожан и З. Василюскайте);

Методика «Какой Я?» (модификация методики О.С. Богдановой);

Методика «Незаконченные предложения», модификация Шипицыной Л.М.

В исследовании приняли участие школьники 2-х – 3-х классов МБОУ ООШ № 17 города-курорта Анапа, занимающиеся в туристско-краеведческом кружке, начиная с сентября 2022 года, 28 человек (12 мальчиков и 16 девочек). Контрольную группу составили их сверстники, 26 человек (12 мальчиков и 14 девочек), не вовлеченные в систему дополнительного образования, и не занимающиеся в кружках, связанных с командной работой.

В результате проведенной работы разработаны методические рекомендации для педагогов общеобразовательных школ и педагогов дополнительного образования по формированию самооценки младших школьников.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – М., 1968. – 278 с.
2. Выготский Л.С. Проблемы психического развития ребенка // Хрестоматия по психологии: учеб. пособие / Под ред. А.В. Петровского. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1987. – 447 с.
3. Обухова Л.Ф. Детская психология: Теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 360 с.
4. Шаяхметова Г. М. Системный подход к воспитанию личности средствами туристско-краеведческой деятельности (дошкольный, школьный этапы) // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. – 2015. – №1. – С. 97-121.

Отношение к кибербуллингу у его свидетелей подросткового возраста

Середа Я. Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В современном обществе информация является приоритетным продуктом человеческой деятельности, а информационные технологии – неотъемлемой частью жизни человека, именно поэтому такое общество носит название «информационное». Технологии предоставляют людям доступ к огромным объемам информации и другим интересным и полезным возможностям, однако наряду с этим являются проводником в мир риска и негативного влияния на

жизнь людей. Один из наиболее актуальных и показательных примеров такого влияния – кибербуллинг, который включает различные виды умышленного агрессивного воздействия на человека, неоднократно осуществляемые одним человеком или группой людей в отношении жертвы, которой трудно себя защитить, посредством информационных технологий (Дозорцева Е.Г., 2020; Дозорцева Е.Г., 2022).

Люди практически всех возрастов, включая детей и подростков, ежедневно проводят много времени в виртуальной среде, но кто-то может переживать на себе ее негативное влияние, а кто-то – быть его источником. Кибербуллинг в этом смысле является не новой проблемой, а продолжением уже существующей – буллинга в традиционном понимании, но с учетом специфики виртуальной реальности. Несмотря на очевидные отличия кибербуллинга от традиционного буллинга (методы воздействия, количество свидетелей, разная степень контроля распространения и удаления оскорбительной или порочащей честь и достоинство человека информации и т.д.), последствия их носят одинаково серьезный характер – от временных психологических нарушений до совершения суицидальных попыток, причем последствия затрагивают отнюдь не только жертв буллинга, а всех участников, включая и агрессоров, и свидетелей.

Одни из наиболее интересных вопросов в современных психологических исследованиях кибербуллинга – это вопросы, касающиеся его свидетелей, так как они являются преобладающей группой в ситуации кибербуллинга (Солдатова Г.У., 2020; Солдатова Г.У., 2022; Polanco-Levicán, K., Salvo-Garrido, S., 2021). Актуальность изучения факторов, влияющих на отношение и поведение свидетелей кибербуллинга, также связана с тем, что действия свидетелей могут как усилить активность агрессора, так и остановить ее. В связи с этим мы провели теоретическое и эмпирическое исследование, посвященное изучению отношения к кибербуллингу у свидетелей подросткового возраста.

В результате теоретического исследования было выявлено, что ключевым психологическим феноменом, обуславливающим отношение свидетелей к ситуации кибербуллинга, является синдром Дженовезе, или «эффект свидетеля», который заключается в том, что свидетели пассивно наблюдают за происходящей ситуацией и не вмешиваются в нее (Солдатова Г.У., 2019). В качестве основ формирования данного феномена выступает эффект групповой сплоченности, а также осуществляемое в рамках группы смещение и рассеивание моральной ответственности. На отношение свидетелей подросткового возраста к кибербуллингу также влияют личностные особенности, специфика воспитания и взаимодействия внутри семьи, социальные и ситуативные факторы, особенности подросткового возраста

(например, стремление к эмансипации, объединению с большинством, имитации поведения и внешнего образа ролевой модели) и т.д.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа № 324» (г. Москва). В исследовании, осуществляемом в соответствии с принципами добровольности и конфиденциальности, принял участие 71 ученик 8–11 классов в возрасте 13–18 лет ($M=15$), в том числе 34 мальчика и 37 девочек.

В отечественном психодиагностическом инструментарии апробированные методики для изучения поведения и отношения свидетелей в ситуации кибербуллинга обнаружены не были, поэтому мы создали собственный опросник, теоретическими основами которого выступили статья М.С. Князевой об основных видах кибербуллинга (Князева М.С., 2019) и статья Е.Н. Волковой и И.В. Волковой о психологических особенностях свидетелей буллинга (Волкова Е.Н.; Волкова И.В., 2020). На основании статьи М.С. Князевой были разработаны 8 вопросов, описывающих ситуации, которые относятся к разным типам кибербуллинга. С учетом положений статьи Волковой Е. Н. и Волковой И. В. были сформулированы четыре варианта действий для каждой ситуации, каждый из которых соответствует одному из четырех типов свидетелей буллинга, выделенных авторами статьи, и различающихся по степени близости к буллерам (обидчикам) или жертвам кибербуллинга: помощники обидчиков; наблюдатели; пассивные свидетели, сочувствующие жертве; защитники жертвы. Описания действий предполагали либо присоединение к обидчикам и одобрение их действий, либо пассивное наблюдение, которое могло быть безучастным или окрашенным сочувствием жертве, либо же активные действия по помощи жертве и прекращению агрессии. С помощью методов описательной статистики подсчитывался процент ответов по каждой категории действий.

Исходная гипотеза состояла в том, что значительная часть свидетелей кибербуллинга встанет на сторону обижаемого и постарается уменьшить агрессию. Однако согласно полученным результатам, в исследуемой группе в процентном отношении (69%) преобладала поддержка слов или действий агрессора в ситуации кибербуллинга. Пассивное наблюдение за кибербуллингом без эмоций (16%) или с сочувствием жертве (12%) были представлены примерно в равной степени, тогда как защита жертвы лишь минимально (4%). При рассмотрении гендерного аспекта было обнаружено, что 14% девочек и 35% мальчиков хотя бы раз выбирали ответ, относящийся к категории «защитник жертвы», 46% девочек и 47% мальчиков хотя бы раз выбирали ответ, относящийся к категории «сочувствующий свидетель», 62% девочек и 71% мальчиков хотя бы раз выбирали ответ, относящийся к категории «пассивный

наблюдатель», и 100% девочек и 97% мальчиков хотя бы раз выбрали ответ, относящийся к категории «помощник агрессора».

Полученные данные являются предварительными и требуют более детального анализа. Однако обнаруженные тенденции, безусловно, должны быть учтены при разработке мер профилактики виртуальной агрессии.

Литература

1. Волкова Е.Н. Волкова И.В. Социально-психологические и личностные особенности подростков-свидетелей буллинга // Вестник Минского университета. – 2020. – №4(33). – С. 10–24.
2. Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1(50). – С. 80–87.
3. Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В. Проявления отклоняющегося онлайн-поведения и его диагностика // Отклоняющееся онлайн поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: учебное пособие / Под ред. Дворянчикова Н.В. и Рубцовой О.В. – М.: МГППУ, 2022. – С. 77–96.
4. Князева М. С. Характеристика основных видов кибербуллинга // Нравственное воспитание в современном мире: психологический и педагогический аспект: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2019. – С. 62–64.
5. Солдатова Г. У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – №. 2 (38). – С. 3-20.
6. Солдатова Г. У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. – 2019. – №3(35). – С. 17–31.
7. Солдатова Г. У. Чигарькова С.В., Калинина К.Р. Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения // Познание и переживание. – 2022. – №3(1). – С. 46–71.
8. Polanco-Levicán, K., Salvo-Garrido, S. Bystander Roles in Cyberbullying: A Mini-Review of Who, How Many, and Why // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – P. 676-787. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.676787.

Психологические особенности формирования агрессивных тенденций у девушек с семейной депривацией

Трусович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

По данным государственной статистики, в настоящее время наблюдается положительная динамика в сокращении числа детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки. Так, в 2020 году таких детей в РФ было 406138 человек, в 2021 году - 390949, в 2022 году - 375699 детей. При этом отмечается рост численности детей, родители которых ограничены в родительских правах: в 2020 году – 3121, в 2021 - 3630, в 2022 году - 3661 человек на 10 миллионов детей в возрасте от 0 до 17 лет. Неутешительна динамика и в отношении детей, родители которых лишены родительских прав: в 2020 году - 947, в 2021 году - 1080, в 2022 году - 1078 человек на 1 миллион детей в возрасте от 0 до 17 лет. За этими цифрами скрываются реальные дети, оказавшиеся в юридически значимой ситуации. В связи с этим в план мероприятий, проводимых в рамках программы Десятилетия детства в период до 2027 года, защита детей, оставшихся без попечения родителей, представлена отдельным направлением.

Нахождение детей вне семьи означает для них семейную депривацию. Термином «депривация» обозначают потерю чего-либо или лишение из-за недостаточного удовлетворения какой-либо важной потребности. Чешские ученые под психической депривацией понимают «психическое состояние, возникшее в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени» (Лангмейер Й., Матейчек З., 1984). Для ребенка семья и забота со стороны родителей относятся к основным жизненным потребностям. Семейная депривация представляет собой угрозу не только для физического и психического здоровья ребенка, но и для его гармоничного развития, психологического и социального благополучия. Юридически значимая ситуация, в результате которой ребенок попадает в организацию для детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, с психологической точки зрения представляет собой ситуацию хронической семейной депривации.

Мы предположили, что существует связь между хронической семейной депривацией и агрессивными тенденциями у девушек подросткового возраста, а также, что в механизм формирования агрессивных тенденций у девушек

старшего подросткового возраста с хронической семейной депривацией включены особенности самоотношения и эмпатии.

Выборку эмпирического исследования составили 35 девушек в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст - 15 лет 7 месяцев). Из них 17 - воспитанницы центров содействия семейному воспитанию (ЦССВ) г. Москвы, т.е. находящиеся в ситуации хронической семейной депривации, и 18 девушек, воспитывающихся в кровных семьях. С воспитанницами ЦССВ проводилась предварительная беседа с целью сбора дополнительных биографических данных. Девочкам из группы сравнения предлагалась авторская анкета А.К. Рубченко, направленная на выявление эпизодической семейной депривации в модифицированном нами варианте. По результатам анкетирования одна девушка была исключена из выборки, так как у нее были выявлены маркеры эпизодической семейной депривации.

Для исследования были применены следующие методики: Личностный опросник агрессивности А. Басса и М. Перри (ВРАQ); Многомерный опросник исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантлеева; Опросник для диагностики способности к эмпатии А. Мехрабиана и Н. Эпштейна. Статистическая обработка данных производилась с применением описательной статистики, непараметрического критерия Манна-Уитни, критерия ранговой корреляции Спирмена.

При исследовании параметров агрессивности были получены результаты, указывающие на статистически значимые различия между группами по показателю враждебности ($U=85$, при $p<0,05$), более высокий уровень обнаружен у девочек с хронической семейной депривацией. Шкала «враждебность» у воспитанниц ЦССВ имеет значимые положительные корреляции со шкалами «гнев» ($R=0,672$, при $p<0,01$) и «внутренняя конфликтность» ($R=0,502$, при $p<0,05$) и отрицательную корреляцию со шкалой «зеркальное Я» ($R=-0,640$, при $p<0,01$). То есть, чем ниже у девушки с семейной депривацией вера в то, что она или ее деятельность вызывают у других людей симпатию, тем сильнее у нее проявляется внутренняя конфликтность и тем выше тенденция к враждебности. На более высокие показатели агрессивности у подростков, чья самооценка пребывает в конфликте с предполагаемой оценкой окружающих, указывают результаты, полученные другими исследователями (Реан А.А., 2021). Шкала «физическая агрессия» имеет положительную корреляцию умеренной силы со шкалой «враждебность» ($R=0,485$, при $p<0,05$) и отрицательную корреляцию со шкалой «саморуководство» ($R=-0,491$, при $p<0,05$). Между группами испытуемых по шкале «физическая агрессия» наблюдается лишь тенденция к значимости более высоких значений у девушек с хронической семейной депривацией ($U=96$, при $p=0,094$). По шкале «гнев» между выборками значимых

отличий нет. Таким образом, гипотезы о наличии связи между хронической семейной депривацией у девочек старшего подросткового возраста и агрессивными тенденциями, а также о включенности особенностей самоотношения в механизм формирования агрессивных тенденций подтверждаются. Уровень эмпатии статистически значимо выше у девочек, которые воспитываются в семьях ($U=81,5$, при $p<0,05$). Так, очень низкий и низкий уровень эмпатии выявлены у 53% девочек из ЦССВ, тогда как в группе сравнения у 76% девочек обнаруживается способность к эмпатии на среднем и высоком уровне.

Многочисленные исследования подтверждают важную роль семьи и привязанности в эмоциональном развитии ребенка (Мерсер Дж., 2019). Нами выявлена значимая связь хронической семейной депривации с эмоциональным компонентом агрессивности – враждебностью, а через него и с ее другими составляющими агрессивности, а также показана их связь с различными аспектами самоотношения. В то же время эмпатия, будучи связанной с семейной депривацией, не имеет прямых корреляций с агрессивностью и самоотношением у девочек. Можно предположить, что связь между агрессивными тенденциями и эмпатией может быть опосредована неучтенными в исследовании личностными особенностями подростков и другими психологическими феноменами, которые могут быть изучены в дальнейшем.

Литература

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): [Электронный ресурс] – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60913> (дата обращения: 26.04.2023).
2. Лангмейер Й., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте. – 1-е русское изд. – Прага: Авиценум. Медицинское издательство, 1984. – 335 с.
3. Мерсер Дж. Что такое привязанность? Эмоциональное развитие, родительство, уход за детьми / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2019. – 282 с.
4. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография / Под ред. А.А. Реана. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 479 с.

К вопросу об эмпатии у детей-сирот подросткового возраста

Фалеева Т.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В нашей стране уделяется большое внимание вопросам детства. Отдельным направлением социальной политики государства является работа, направленная на семейное жизнеустройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На сегодняшний день существуют различные программы для выпускников детских домов, направленные на их социализацию и подготовку к самостоятельной жизни. На наш взгляд, важной точкой воздействия в подобных программах может стать эмпатия. Эмпатия «является прежде всего способностью человека эмоционально отзываться на переживания другого, будь то человек, животное или антропоморфизированный предмет» (Гаврилова Т.П., 1981). Она представляет собой основу для общения, альтруизма, способствует разрешению конфликтов, профилактике девиантного поведения, повышает адаптивность в новой среде.

Вместе с тем, анализ литературы показал, что эмпатия детей-сирот подросткового возраста как отдельный феномен мало исследована. Нами сделано предположение, согласно которому эмпатия детей-сирот подросткового возраста имеет более низкий уровень по сравнению с уровнем эмпатии у подростков, воспитывающихся в кровных семьях. Также нами выдвинуто предположение о том, что особенностью эмпатии детей-сирот подросткового возраста является более ранняя форма эмпатии по сравнению с подростками, воспитывающимися в кровных семьях. В обоснование данных предположений положены следующие доводы. Эмоциональная сфера подростков в условиях институционализации характеризуется высокой тревожностью, выраженными страхами, агрессивностью, отсутствием чувства безопасности. Все это объясняет их центрированную на себе личностную позицию. В свою очередь, данная установка актуализируется в эмпатическом переживании подростка, вызванном чувствами другого, но обращенном на себя. Такую форму эмпатии Т.П. Гаврилова называет сопереживанием. Сопереживание является более ранней формой эмпатии. Более зрелой формой эмпатии в онтогенезе является сочувствие, когда в ответ на чувства другого «индивид переживает неблагополучие другого как таковое, безотносительно к собственному благополучию» (Гаврилова Т.П., 1981). Мы полагаем, что у детей-сирот

подросткового возраста более выражена эмпатия в форме сопереживания, нежели сочувствия.

В нашем эмпирическом исследовании приняли участие 28 детей-сирот, находящихся в условиях институционализации сроком от одного года и более, и 28 детей, воспитывающихся в кровных семьях (контрольная группа), в возрасте от 13 до 18 лет. Далее каждая группа детей была поделена на группы младших (13-15 лет) и старших подростков (16-18 лет), согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина (по Л.Ф. Обуховой, 2021). Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью двух методик: «Шкала эмоционального отклика» (BEES) (А. Меграбян, модификация Н. Эпштейна) и «Многофакторный опросник эмпатии» (IRI) М. Дэвиса (модификация Т.Б. Карягиной).

Результаты теста «Шкала эмоционального отклика» показали, что значимых различий по уровню выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого (далее – способность к эмоциональному отклику) в группах старших и младших подростков между детьми-сиротами и детьми, воспитывающимися в кровных семьях, в целом на значимом уровне не выявлено. Основное распределение показателей данного критерия у детей-сирот находится на уровне 4-6 стенов, а у детей из контрольной группы – на уровне 5-7 стенов.

Вместе с тем, результаты, полученные по методике «Многофакторный опросник эмпатии», показали, что «проживается» эмпатия детьми-сиротами подросткового возраста в условиях институционализации и подростками, воспитывающимися в кровных семьях, по-разному. Так, в группе младших подростков показатель по шкале «Эмпатическая забота» у детей-сирот ниже ($U=62,5$; $p<0,05$), а показатель «Личный дистресс» выше ($U=61,5$; $p<0,05$), чем у семейных детей. Это говорит о том, что в группе подростков 13-15 лет семейные дети более склонны испытывать чувства теплоты, сострадания и беспокойства о других людях, проявлять «помогающее» отношение и симпатию к чьим-либо чувствам, а дети-сироты более склонны испытывать чувства неловкости и дискомфорта в реакции на эмоции других в ситуациях оказания помощи, в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей, при этом направленные, в отличие от эмпатической заботы, на себя. Шкалы «Эмпатическая забота» и «Личный дистресс» по своему значению соответствуют формам эмпатии сопереживания и сочувствия. Показатель по шкале «Фантазирование» в данной группе также у детей-сирот ниже на уровне тенденции ($U=72$, $p=0,092$), что говорит о том, что они менее склонны к воображаемому перенесению в чувства и действия другого. Корреляционный анализ в группе младших подростков показал, что имеется отрицательная корреляция шкал «Эмпатическая забота» и «Личный дистресс» ($r_s = - 0,373$;

$p < 0,05$), а также положительная корреляция между шкалами «Эмпатическая забота» и «Фантазирование» ($r_s = 0,386$, $p < 0,05$). Если сравнивать данные показатели между девочками младшей группы, то значимых различий не обнаружено. В то же время у семейных мальчиков данной группы относительно мальчиков-сирот показатель «Эмпатическая забота» выше ($U=20,0$; $p < 0,05$), а показатель «Личный дистресс» ниже на уровне тенденции ($U=27,0$; $p=0,08$). Таким образом, в группе младших подростков более центрированные на себе эмпатические переживания наблюдаются у мальчиков-сирот.

В группе подростков 16-18 лет у девочек-сирот показатели по шкале «Личный дистресс» выше, чем у сверстниц из семей ($U=1,0$; $p < 0,05$). Такая же ситуация наблюдается и у мальчиков данной группы: показатели по шкале «Личный дистресс» у мальчиков-сирот выше, чем у семейных ($U=13,5$; $p < 0,05$). Также у старших подростков – семейных мальчиков на уровне тенденции выше показатель по шкале «Фантазирование» ($U=15$, $p=0,08$). Корреляционный анализ по группе старших подростков показал, что существует положительная корреляция между шкалами «Фантазирование» и «Эмпатическая забота» ($r_s = 0,482$, $p < 0,05$). Таким образом, можно сделать вывод, что и в старшей подростковой группе остаются тенденции к эмпатии у детей-сирот в форме сопереживания, а у детей, воспитывающихся в кровных семьях, – к сочувствию.

Таким образом, наше предположение о том, что эмпатия детей-сирот подросткового возраста имеет тенденцию выражаться в форме сопереживания, а не в форме сочувствия, в отличие от подростков, воспитывающихся в кровных семьях, подтвердилась. Вместе с тем, не нашлось значимых подтверждений предположению о более низком уровне эмпатии детей-сирот подросткового возраста по сравнению с уровнем эмпатии у подростков, воспитывающихся в кровных семьях.

Литература

1. Гаврилова Т.П. Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Педагогика, 1981. – С. 122–139.
2. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник для среднего профессионального образования. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 460 с.

Влияние традиционной игры на застенчивое поведение детей старшего дошкольного возраста

Ходыревская А.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чернушевич В.А.

Дошкольный возраст является важным этапом для формирования социальных навыков, эмоционально-экспрессивного развития и самооценки. В этом возрасте ведущая деятельность – игровая, поэтому наиболее удачной формой воздействия являются игровые программы.

Застенчивость – это эмоционально-когнитивное состояние, возникающее в социальном контексте межличностного общения, характеризующееся разрывом в самооценке и оценке глазами окружающих, и проявляющееся в избегании ситуаций оценивания, страхе перед личным активным общением с другими людьми и защитным механизмом замыкания в себе. Застенчивость также характеризуется отсутствием адекватных амбиций и притязаний, что отличает ее от скромности (Бретт Д., 1996; Галигузова Л.Н., 2000; Наричын Н., 2017). Застенчивость может проявляться в лёгкой форме и не требовать внешних вмешательств. Она требует коррекции в том случае, если является дезадаптивной.

Дезадаптивная застенчивость – застенчивость, которая сопровождается высоким уровнем тревожности, нервно-психическим и эмоциональным напряжением, характеризуется сильным расхождением в самооценке и оценке глазами других и низким социальным статусом ребёнка в группе ровесников. Вовремя проведённая коррекция дезадаптивной застенчивости поможет избежать трудностей, которые могут возникнуть у застенчивого ребёнка в будущем, а именно: чувство нереализованности и неудовлетворённости собой, ведомость и неумение постоять за свои права, в школьном возрасте может появиться навязчивый перфекционизм и синдром отличника, в более старшем возрасте могут развиваться психосоматические заболевания (Бретт Д., 1996; Галигузова Л.Н., 2000; Катаева Л.И., 2004; Шишова Т.Л., 2012). Предполагается, что традиционные игры оказывают позитивное влияние на коррекцию и профилактику дезадаптивной застенчивости.

Традиционные народные игры – многофункциональная безопасная среда для социализации и развития личностных и коммуникативных качеств ребёнка. Благодаря тому, что народные игры содержат доступные формы социально-культурного и эмоционального опыта, а также уравнивают в правах

всех детей-участников, застенчивые попадают в выгодную для них ситуацию, где они могут легко и естественно вступить в коммуникативные контакты с другими детьми, тем самым получая возможность обогатить свой эмоциональный опыт, багаж поведенческих реакций и опыт межличностного взаимодействия. Чувство равенства и общности с другими переживается ребёнком как личная ценность, что в свою очередь обеспечивает коррекцию самооценки, поведения и т.п. (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2021; Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И., 2016).

Для того, чтобы определить влияние традиционных игр на застенчивое поведение детей старшего дошкольного возраста, был проведён пилотажный эксперимент. В выборку вошли 22 ребёнка в возрасте 5-6 лет, которых поделили на две группы – экспериментальную и контрольную. Результаты до и после эксперимента изучались с помощью метода наблюдения и методик «Капитан корабля» О.Е. Смирновой и В.М. Холмогоровой, «Лесенка» В.Г.Щур. Методики подобраны на основе возрастных особенностей детей и критериев дезадаптивной застенчивости: высокое нервно-психическое напряжение в ситуации межличностного и группового общения, сильное расхождение в самооценке и оценке глазами других, низкий социальный статус ребёнка в группе ровесников. В игровую программу вошли следующие игры: «Имена», «Каравай», «Коза», «Тетёра», «Коршун», «Ворон И.П.», «Курочка».

В экспериментальной группе было 46% детей с застенчивостью, близкой к дезадаптивной, и 36% – с дезадаптивной. В контрольной группе у 55% детей наблюдалась застенчивость, близкая к дезадаптивной, и у 27% была дезадаптивная застенчивость. Полученные данные говорят об актуальности проблемы дезадаптивной застенчивости.

Среди 11 участников **экспериментальной группы** на момент начала исследования:

1. у 10 детей (90%) была диагностирована высокая самооценка, только у одного ребёнка самооценка на среднем уровне;
2. почти у половины всех детей наблюдаются существенный разрыв между самооценкой и оценкой глазами окружающих (детей-ровесников, воспитателей и родителей) – 56%; у остальных разрыва нет, поскольку их низкая самооценка совпадает с ожиданием низких оценок от других;
3. 3 ребёнка (27%) имели социометрический статус «игнорируемые», 8 человек (73%) были в статусе «дружба», но с небольшим количеством выборов (их выбрали один-два ребёнка).

Среди 11 участников **контрольной группы** в начале исследования наблюдались следующие характеристики:

1. у 8 детей (73%) была диагностирована завышенная и высокая самооценка, у двух (18%) самооценка на среднем уровне и у одного (9%) ребёнка самооценка низкая;

2. почти у половины всех детей наблюдаются существенный разрыв между самооценкой и оценкой глазами окружающих (детей-ровесников, воспитателей и родителей) – 56%; у остальных разрыва нет, поскольку их низкая самооценка совпадает с ожиданием низких оценок от других;

3. 3 ребёнка (27%) имели социометрический статус «игнорируемые», 8 человек (73%) были в статусе «дружба», но с небольшим количеством выборов (их выбрал один-два ребёнка).

После проведения игровой программы в экспериментальной группе не осталось детей с дезадаптивной застенчивостью. Эти дети перешли в категорию «застенчивость, близкая к дезадаптивной», также два ребёнка, у которых до начала программы наблюдалась застенчивость, близкая к дезадаптивной, перешли в группу «застенчивость в норме». Наблюдение за детьми с дезадаптивной застенчивостью и застенчивостью, близкой к дезадаптивной, во время проведения игровых занятий показало следующие результаты: если в начале занятий дети предпочитали бездействие, избегали быть в центре круга (в центре внимания), выбирали позицию наблюдателя и очень вяло и пассивно участвовали в играх, то под конец занятий они больше взаимодействовали с другими детьми, чаще улыбались, стали более инициативными и перестали замыкаться в себе.

Полученные результаты показали, что игровые программы оказывают положительное влияние на застенчивое поведение старших дошкольников, а именно: улучшают самооценку (2 ребёнка перешли в группу с высокой самооценкой, другие остались в группе со стабильно высокой самооценкой); уменьшают исходно большой разрыв между самооценкой и оценкой глазами окружающих (наибольшее влияние – на разрыв с оценкой глазами ровесников, число детей с большим разрывом между самооценкой и оценкой глазами ровесников сократилось с 55% до 27%); повышают социометрический статус ребёнка в группе (после проведения игровых программ не осталось ни одного ребёнка со статусом «игнорируемые», все перешли в статус «дружба»). В контрольной группе изменений не произошло. Таким образом, гипотеза о положительном влиянии традиционных игр на коррекцию и профилактику дезадаптивной застенчивости подтвердилась.

В дальнейшем предполагается подтверждение принятой гипотезы на большей выборке.

Литература

1. Бретт Д. Застенчивость // Жила-была девочка, похожая на тебя / Пер. с английского Г.А. Павлова. – М.: Независимая фирма "Класс", 1996. – С.85-87.
2. Галигузова Л. Н. Психологический анализ феномена детской застенчивости // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 28-35.
3. Катаева Л. И. Работа психолога с застенчивыми детьми. – М.: Издательство Книголюб, 2004. – 56 с.
4. Наричын Н. Психоанализ: Застенчивость, робость и скромность. – М.: Издательство «Вестник Просвещения», 2017. – № 4. – С. 24-27.
5. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Аксиологический и методологический анализ народных игр [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2021. – Том 13. – № 4. – С. 22–38. DOI: 10.17759/psyedu.2021130402.
6. Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 2. – С. 93–106. – DOI: 10.17759/psylaw.2016060207.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Жизненные стратегии и переживания женщин, освободившихся из мест лишения свободы

Бондаренко М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусыгина Н.П.

Отношение к женской преступности как предмету научного интереса трансформировалось от ломброзианства, с характерным для него биологическим редукционизмом, до современных постнеклассических концепций, включающих в себя феминистскую оптику и критические подходы. Подобная трансформация показана, например, в работе Ш. Ковальски (Ковальски Ш., 2022). Актуальность исследования данной проблематики связана с достаточно большим числом женщин, оказавшихся в заключении, а также с гендерными особенностями, внешними и внутренними обстоятельствами, делающими женский тюремный и пост-тюремный опыт специфическим.

В отечественной психологии феноменологический анализ практически не применялся в качестве метода исследования обозначенной проблемы. Опорой с точки зрения исследовательских ценностей и работы с высказыванием для нас стали труды Л. Альперн (Альперн Л., 2004), проект «Возвращение?» (Омельченко Е., 2013), в ходе которого, в частности, анализировались различные дискурсивные практики, осуществляемые женщинами, рассказывающими про свой опыт заключения (криминализация биографии, нарратив очеловечивания и др.), публикации Т. Дворниковой, касающиеся специфики жизненных стратегий женщин после освобождения. В качестве примера мы также обратились к зарубежным исследованиям, в которых применялся тематический анализ, описательный анализ Джорджи или феноменологический анализ М. ван Манена для изучения переживания женщинами горя, повторного заключения, беременности и материнства в тюрьме. На основе теоретических изысканий был составлен план полуструктурированного интервью, включавший в себя вопросы про освобождение, планы на будущее, пережитый опыт.

Наша выборка составила 7 человек. 5 из них – клиентки пермского центра «Нечужие», специализирующегося на помощи женщинам-жертвам домашнего насилия, отбывавшим срок за самооборону. Еще двух респонденток мы нашли

через социальные сети, одна из них оборонялась от мужа, другая оказалась в заключении после драки, состоявшейся по политическим мотивам.

В нашей работе мы совместили идеографическое исследование каждого случая с последующим выделением лейтмотивных высказываний и вынесением их в заголовок и феноменологический интерпретативный анализ М. ван Манена, который способствует не только раскрытию переживаний и жизненных стратегий опрошенных, но и феноменологическому обобщению, т.е. пониманию того, как женский пост-тюремный опыт раскрывается в общечеловеческом уделе, на что он может быть похож с точки зрения структуры жизненного мира человека.

Случаи получили следующие названия: «Они меня не отпускают» (история пожилой женщины, осужденной за двойное убийство и тяжело переживающей чувство вины, несмотря на фактическую невиновность), «Стена рухнула» (история женщины, дважды оказавшейся в тюрьме, первый раз за самооборону, второй – за убийство собственного супруга, которого она не совершала), «Бог со мной, он мне поможет» (кейс женщины, несколько раз попадавшей в тюрьму после применения холодного оружия), «Без доверия никуда» (история женщины, отбывавшей срок за психоактивные вещества), «Самое страшное – это бездействие» (аналогичная причина заключения), «И еще я очень мечтала о революции» (история бывшей политической активистки) и «В какой-то момент из одуванчика обязательно проснется дракон, который скажет: «Ну, сейчас все сторит» (метафора респондентки, оборонявшейся от мужа, осуществлявшего многолетнее насилие над ней).

В процессе анализа перечисленных интервью мы обратились к 5 экзистенциалам, предложенным М. ван Маненом (Van Manen, 2014) для «ткания» феноменологического текста. Кроме того, мы отдельно выделили тему возвращения домой и тему веры, т.к. первая является фундаментальной для нашего исследования, а вторая оказалась магистральной для каждого интервью.

Вера. «Вера в Бога, жизнь с Богом – это абсолютно две разных жизни, без Бога и с Богом». Вера выступает как способ справиться с тяготами жизни, пережить заключение, не вернуться к прежнему образу жизни. Вместе с тем, заключение осмысливается как испытание, данное Богом, иногда как спасение («Если бы меня тогда не посадили, я бы, наверное, или умерла бы, или в психушку попала»).

Возвращение домой. В интервью звучат мысли о том, что возвращение домой, к семье или прежнему кругу общения, нежелательно, т.к. может спровоцировать рецидив. Реабилитационный центр хотя и мыслится как дом, но, скорее, в качестве временного пристанища, для многих актуален поиск жилья.

Одна из респонденток сообщает, что, если бы не проблемы с жильем, она бы не вступала в брак и не оказалась бы в тюрьме.

Время (темпоральность). Освобождение переживается как ирреальное, проходит несколько недель или месяцев, прежде чем наши респондентки сознают себя на воле. В наших интервью прослеживается устремленность в будущее – мечты о профессиональном росте, браке, своем жилье, в то же время, когда мы касаемся прошлого, оно может переживаться особенно остро, как в кейсе «Они меня не отпускают», где внимание респондентки сосредоточилось на дне, когда произошел инцидент, на снах, связанных с этим и предстоящим посещением кладбища и церкви, которое должно способствовать разрешению переживания.

Пространство. Затрагивается тема контраста между ограниченным пространством в тюрьме и природой, бегом на дальние расстояния, путешествиями после. Обсуждаются места преступлений, условия проживания в пенитенциарном учреждении.

Тело. В основном мы касаемся вопросов здоровья, увечий, полученных во время различных инцидентов. «Т.е. у меня очень большой многоформатный лист... эээ, побоев, у меня пытки, т.е., в мою сторону были совершены пытки, в течение 7 часов меня пытали... иии побои... ааа, содержатся, т.е., от начала до конца всего листа, т.е. это огромное количество побоев, ожогов от затушенных сигарет, ребра, почки, телесные повреждения, т.е. было все, губы сожжены были, ну...(вздыхает) очень много». Жизненные планы здесь, в основном, касаются восстановления здоровья, отказа от психоактивных веществ, если имели место быть зависимости.

Отношения. Обширная тема, включающая в себя подтемы мамы, детей, любви и брака, помощи другим, социальной стигмы. Для отношений после освобождения характерна прерванность, дистанция, необходимость повторного знакомства, например, с детьми, иногда сокрытия от них случившегося. Те женщины, чей срок связан с самообороной от агрессивных партнеров или супругов, не касаются темы романтических отношений и замужества, в то время как другие респондентки сообщают о желании найти супруга, создать семью. Т.о., жизненные стратегии опрошенных включают в себя восстановление утраченных контактов, помощь женщинам с похожим опытом, преодоление стигмы, создание семьи или поиск отношений.

Вещи и технологии. Техническая сторона освобождения важна, о чем часто сообщается в материалах, посвященных женскому заключению. Те, чьи сроки были значительными, могут не только не уметь обращаться с современной техникой, но и плохо ориентироваться в таких нюансах, как оплата проезда, вызов такси и т.д. Вещи представлены в нашем исследовании более многогранно, это, например, и описания орудия убийства: «Помню, журнальный стол стоял

сбоку, а там чуть ли не пятьсот штук вот этих ... ммм ... резаков, они всякие разные, такие... Они острые, как лезвие». И метафора воссоединения семьи: «Хочу здесь сделать три рамочки, трое детей, да. Вот так посередине сына и старшую, среднюю дочь».

Полученные данные являются приглашением к дискуссии и возможной опорой для дальнейших академических и психотехнических исследований.

Литература

1. Альперн Л. Сон и явь женской тюрьмы. – СПб.: Алетейя, 2004. – 478 с.
2. Ковальски Ш. Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880–1930). – СПб.: Academic Studies Press, 2021. – 375 с.
3. Омельченко Е. До и после тюрьмы. Женские истории. – СПб.: Алетейя, 2013. – 272 с.
4. Van Manen M. Phenomenology of practice. – Routledge, 2014. – 412 p.

Фрустрация и тревожность у осужденных мужского пола в зависимости от этапа отбывания наказания

Ваганова Р.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Мельникова Д.В.

Актуальность. Отбывание наказания в виде лишения свободы сопровождается изменением различных психологических и эмоциональных состояний осужденных. На изменение этих состояний влияет целый ряд факторов, к ним в том числе можно отнести: вид наказания, специфические факторы пенитенциарной среды, этап отбывания наказания, длительность назначенного наказания, личностные особенности осужденного, отношение осужденного к совершенному им преступлению, вид совершенного преступления. Также пребывание под влиянием факторов пенитенциарной среды может являться основанием для появления таких негативных эмоциональных состояний, как: страх, отчаяние, фрустрация, тревога, аффект, эмоциональная напряженность (стресс) (Чернова Н.А., 2015; Южанин В.Е., 2020; Мельникова Д.В., 2017).

Условно, период отбывания наказания в исправительном учреждении можно разделить на 3 этапа: адаптационный, основной, заключительный

(Южанин В.Е., 2020; Рогач В.Г., 2019). На разных этапах отбывания наказания те или иные эмоциональные состояния могут проявляться с большей или меньшей силой.

На адаптационном и заключительном этапах наиболее четко можно проследить нахождение осужденного в состоянии фрустрации и тревожности.

В период адаптации появление данных состояний может быть связано с влиянием на осужденного новых для него условий, например, таких как: социальная изоляция, потеря большинства социальных контактов, нахождение под постоянным надзором.

На основном этапе происходит снижение уровня тревожности, агрессии и раздражительности. Мы связываем это с тем, что у осужденного происходит адаптация к факторам пенитенциарной среды.

На заключительном этапе пребывания осужденного в исправительном учреждении состояния фрустрации и тревожности вновь усиливаются. Это может быть связано с предстоящим освобождением, а именно с трудностями и переживаниями, связанными с устройством его будущей жизни после освобождения (Трофимова М.В., 2009).

Таким образом, условия лишения свободы непосредственно влияют на изменение эмоционального и психического состояния осужденных, что может приводить к дезадаптации личности и повышать риск криминального поведения в будущем.

Целью исследования стало выявление фрустрации и тревожности у осужденных мужского пола в зависимости от этапа отбывания наказания.

Объектом исследования выступили эмоциональные состояния у осужденных мужского пола.

Предметом исследования стали тревожность и фрустрация у осужденных мужского пола в зависимости от этапа отбывания наказания.

Выборка составила 28 осужденных мужского пола, которые отбывают наказание в исправительном учреждении общего режима. На момент исследования 9 осужденных (32%) пребывают в исправительном учреждении менее 1 года и находятся на начальном (адаптационном) этапе отбывания наказания; 9 осужденных (32%) находятся на основном этапе отбывания наказания и 10 осужденным (36%) осталось находиться в исправительном учреждении менее 1 года, соответственно, они находятся на заключительном этапе отбывания наказания.

Методиками исследования выступили: шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина, 1976), опросник экспресс-диагностики уровня личностной фрустрации В.В. Бойко.

Статистическая обработка данных производилась с использованием непараметрического критерия Краскела-Уоллиса для независимых выборок.

Результаты и обсуждение:

1. Этап отбывания наказания не влияет на уровень личностной тревожности ($\rho=0,135>0,05$). Личностную тревожность можно наблюдать на всем протяжении отбывания наказания в исправительном учреждении, так как это устойчивая во времени особенность личности и на любом этапе отбывания наказания она будет сопровождать осужденного.

2. Ситуативная тревожность, в свою очередь, наиболее часто проявляется на начальном и заключительном этапах наказания. Выявлены значимые различия распределений ситуативной тревожности:

- между группами «отбыли половину срока» и «до освобождения менее года»:
 $\rho=0,02<0,05$;

- между группами «отбыли половину срока» и «отбыли менее года»:
 $\rho=0,003<0,05$.

Можно высказать предположение о том, что пребывание осужденного в исправительном учреждении менее 1 года связано с периодом адаптации осужденного к условиям исправительного учреждения. Окружающая ситуация осужденного в корне отличается от той, в которой он пребывал ранее на свободе. Здесь же он попадает в условия социальной изоляции, утрачивает большинство социальных контактов и находится под постоянным пристальным надзором. Также свое влияние могут оказывать и другие специфические факторы пенитенциарной среды: социальная депривация, психологическое давление, монотонность, межличностные конфликты и т.д.

Второе изменение уровня ситуативной тревожности, когда до освобождения из-под стражи остается менее 1 года, можно связать с нахождением осужденного на заключительном этапе отбывания наказания. Здесь возникают волнения и тревожность, связанные со скорым освобождением из исправительного учреждения, а также с устройством своей будущей жизни после него. За время пребывания осужденного в исправительном учреждении возможна полная утрата способности самостоятельно принимать решения и вести самостоятельный образ жизни, и это осознание вызывает переживание, ведь на свободе осужденному нужно будет самому обустроить свою жизнь.

3. Уровень фрустрации зависит от этапа отбывания наказания. На уровне значимости $\rho=0,02<0,05$ существуют значимые различия между уровнем фрустрации и этапом отбывания наказания.

Повышение уровня фрустрации можно наблюдать на начальном этапе пребывания осужденного в исправительном учреждении. Данное явление можно объяснить тем, что, осужденный попадает в новые для него условия. В

частности, лишение свободы, ограничение связей с внешним миром, административно-командная система управления не позволяют осужденному вести себя так, как он захочет. Из этого следует, что и некоторые потребности, которые он мог беспрепятственно удовлетворить на свободе, в исправительном учреждении не будут удовлетворены. Из-за этого осужденный может испытывать внутренний дискомфорт, появляется чувство социальной неполноценности, он ощущает себя ущербным.

Снижение уровня фрустрации на последующих двух этапах отбывания наказания может быть связано с тем, что осужденный приспособился к условиям исправительного учреждения, усвоил правила пребывания в нем. Также на этих этапах осужденный начинает задумываться о жизни после освобождения и начинает ставить перед собой новые цели, замещая ими недостигнутые.

Литература

1. Мельникова Д.В. Пенитенциарный стресс и его коррекция у осужденных // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Академия ФСИН России. – Рязань: Издательство Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 216-222.
2. Рогач В. Г. Психология переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы: монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 181 с.
3. Трофимова М.В. Влияние условий изоляции от общества на личность и поведение осужденных на разных этапах процесса отбывания наказания // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2009. – №3 (39). – С.81-85.
4. Чернова Н.А. Фрустрации и преступления // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т.1. – № 4 – С. 68-73.
5. Южанин В.Е. Характеристика основного этапа отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. – 2020. – №1(42). – С.133-143.

Психологические особенности у осужденных мужского пола с девиантным и нормативным поведением в рамках исправительного учреждения

Лапина М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Мельникова Д.В.

Актуальность. Уголовно-исполнительная система, как и любая социальная система, нуждается в порядке и организованности. Соблюдение принятых норм и правил внутреннего распорядка является неотъемлемой частью для мест лишения свободы, так как режим содержания, в соответствии с Уголовно-исполнительным законодательством, является одним из основных средств исправления осужденных. Однако, достаточно часто установленные правила и нормы поведения нарушаются осужденными, за что они подвергаются мерам дисциплинарного и даже уголовного воздействия. Поэтому указанная тема является весьма актуальной для того, чтобы минимизировать негативные девиантные проявления в поведении осужденных (Гайдай М. К., 2014; Зауторова Э. В., Кевля Ф. И., 2020; Кряжева С. Г., 2019).

Цель исследования. Выявление психологически значимых признаков девиантного и нормативного поведения осужденных мужского пола.

Гипотеза. Существуют специфические признаки девиантного и нормативного поведения, лежащие в основу прогноза дальнейшего соответствующего (девиантного или нормативного) поведения.

Методы и методики исследования

Использовались следующие методики сбора эмпирического материала: Опросник суицидального риска (ОСР) Шмелёва А.Г., Беяковой И.Ю.; сокращенный многофакторный опросник для исследования личности «Минимум» (модификация В.П. Зайцева, В.Н. Козюли).

При обработке данных использовалась программа IBM SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) Statistics для расчёта; критерии Манна-Уитни и Хи-квадрата Пирсона; таблицы сопряженности.

В данном исследовании приняли участие 19 осужденных мужского пола разного возраста. Для большинства из них судимость является не первой. Количество прежних судимостей: у восьми осужденных их 2, у четырех – 3, у пяти – 1, у двоих – 0. На основе изучения дневников индивидуально-воспитательной работы с осужденными и интервью с сотрудниками испытываемые

были разделены на две группы: первая – склонные к отклоняющемуся (девиантному) поведению – 9 чел. и вторая – нарушений режима не допускают, с нормативным поведением – 10 чел.

В результате эмпирического исследования были выявлены различия указанных групп по следующим психологическим параметрам:

- аффективность $p=0,065$. В этой шкале описывается слабый контроль над эмоциями: психотравмирующая ситуация вызывает непосредственно эмоциональную реакцию. В крайнем случае, происходит блокада интеллекта. Следовательно, у осужденных с наличием склонности к отклоняющемуся поведению данный фактор проявляется в большей степени, чем у осужденных с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению;

- максимализм $p=0,079$. Эта шкала рассматривает инфантилизм и максимализм ценностных установок. Такой человек максимизирует значимость даже небольшой потери, но притом минимизирует ценность заслуженных достижений. Следовательно, у осужденных с наличием склонности к отклоняющемуся поведению данный фактор проявляется в большей степени, чем у осужденных с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению;

- антисуицидальный фактор $p=0,043$. В этой шкале рассматривается фактор, снижающий риск суицида в глобальном смысле. Здесь играет роль чувство ответственности перед близкими, понимание антиэстетичности процесса, страх перед физической болью. Следовательно, у осужденных с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению данный фактор проявляется в большей степени, чем у осужденных с наличием склонности к отклоняющемуся поведению.

Обнаружены также различия по шкалам:

- рецидива преступлений $p=0,012$. Вывод об отсутствии склонности к отклоняющемуся поведению чаще делается в отношении впервые осужденных к лишению свободы, тогда как вывод о наличии склонности к отклоняющемуся поведению чаще делается в отношении осужденных с рецидивом;

- прежних судимостей $p=0,027$. Вывод об отсутствии склонности к отклоняющемуся поведению чаще делается в отношении осужденных в первый или второй раз к лишению свободы, тогда как вывод о наличии склонности к отклоняющемуся поведению чаще делается в отношении осужденных более двух раз;

- диагностики прогноза $p=0,025$. Осужденные с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению чаще отмечаются законопослушным поведением, положительным отношением к труду, социально одобряемым поведением, в то время как осужденные с наличием склонности к отклоняющемуся поведению чаще отмечаются членовредительством, нарушением дисциплины, иными дисциплинарными взысканиями;

- психопрофилактических индивидуальных рекомендаций $p=0,045$. Это значит, что осужденные с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению чаще отмечаются в продолжении плановой работы, достижении цели психопрофилактической работы, нежели осужденные с наличием склонности к отклоняющемуся поведению;

- рекомендаций психолога об эффективности психопрофилактических групповых мероприятий $p=0,038$. Это значит, что осужденные с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению чаще отмечаются в продолжении плановой работы, достижении цели психопрофилактической работы, нежели осужденные с наличием склонности к отклоняющемуся поведению;

- выводы психолога об эффективности психокоррекционных групповых мероприятий $p=0,048$. Это значит, что осужденные с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению чаще отмечаются в активном участии в тренинговой работе, эффективности работы, нежели осужденные с наличием склонности к отклоняющемуся поведению;

- рекомендаций психолога о необходимости участия в психокоррекционных групповых мероприятиях $p=0,057$. Рекомендации продолжить плановую работу, тренинговую работу чаще относятся к осужденным с наличием склонности к отклоняющемуся поведению, чем к осужденным с отсутствием отклоняющегося поведения;

- просветительские выводы психологов по прогнозам осужденных $p=0,040$. Цель занятия в большей степени достигнута осужденными с отсутствием склонности к отклоняющемуся поведению.

Это означает, что лица, у которых отмечается отклоняющееся поведение, подверженные отклоняющемуся поведению и содержащиеся в местах лишения свободы, отличаются повышенной склонностью к недостаточной регуляции эмоций вследствие их инфантильного уровня и максималистских ценностных установок. Кроме того, они чаще склонны нарушать установленный режим и дисциплину. А лица, лишённые свободы и не проявляющие девиантного поведения, в свою очередь, характеризуются соблюдением законов, проявлением положительного отношения к труду и социально одобряемым поведением. Они осознают свою ответственность перед близкими и часто

успешно достигают поставленных целей в рамках психопрофилактической работы.

На основании эмпирического исследования и данных о работе с осужденными нами были **разработаны рекомендации** относительно критериев, которые важно учитывать при прогнозировании дальнейшего поведения осужденного: реагирование осужденного на стрессовые ситуации; характеристика осужденного, подготовленная сотрудниками исправительного учреждения; анализ данных о совершенном преступлении; реагирование осужденного на проводимые с ним психологические мероприятия; результаты психодиагностического обследования осужденного; социальное окружение осужденного после освобождения из исправительного учреждения; отношение осужденного к криминальной субкультуре.

Литература

1. Гайдай М.К., Герасимова Ю.Р. Пенитенциарная среда как одно из условий формирования девиантного поведения осужденных к лишению свободы // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: сборник научных трудов. Том XIX / Под ред. В.В. Черных. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. – С. 58-63.
2. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Формирование правопослушного поведения осужденных в исправительном учреждении // Социально-политические исследования. – 2020. – № 2 (7). – С. 102-113.
3. Кряжева С. Г. Выбор стратегии преодолевающего поведения в местах лишения свободы как предпосылка к успешной социально-психологической адаптации // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. – М.: НИИ ФСИН России, 2019. – С. 111–116.

Особенности временной перспективы несовершеннолетних осужденных

Левин Л.М.

Государственный университет просвещения

(г. Москва)

Научный руководитель – Нестерова А.А.

Анализ официальной статистики показывает, что в структуре преступности несовершеннолетних в последние годы наметилась следующая тенденция: вместе со значительным снижением количества правонарушений среди подростков остается высокой доля тяжких и особо тяжких преступлений.

Несмотря на это до сих пор нет единого подхода к пониманию причин, обуславливающих развитие девиантного и делинквентного поведения, а также разработке эффективных инструментов психопрофилактической работы с данной категорией осужденных. Данные факты требуют дополнительных научных исследований в этой области.

Одним из важных конструктов, играющих роль в построении социально одобряемого поведения, является восприятие временной перспективы. Под временной перспективой понимается общий взгляд индивида на своё психологическое прошлое и будущее, существующий в данный момент времени (Кузнецова О.В., 2008). Филипп Зимбардо под этим феноменом понимал закономерность, когда человек смотрит на события своей собственной жизни через личные чувства и эмоции к ним (Зимбардо Ф., 2010). К основным факторам построения временной перспективы личности относят социокультурный контекст, условия организации жизненного пространства личности, особенности воспитания, социальный статус, образование и профессиональную деятельность, групповую принадлежность индивида, половозрастные особенности, экстремальность воздействия внешней среды, индивидуально-психологические особенности человека, уровень психологического здоровья, активность человека как субъекта своей жизни, актуальное эмоциональное состояние (Сурикова Я.А., 2012).

Нами проведено психологическое исследование восприятия временной перспективы несовершеннолетних осужденных и выделены их специфические особенности.

Базами для эмпирического исследования послужили ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве, ряд воспитательных колоний, а также общеобразовательные организации г. Москвы.

В ходе исследования использовались такие методы и методики, как опрос, анкетирование, индивидуальное интервью, контент-анализ личных дел и полученной информации, анализ индивидуальных случаев (case study), Опросник временной перспективы Зимбардо (ZPTI), Незаконченные предложения (авторский вариант Saks – Sidney в модификации Заеко Т.А.).

Изучение особенностей временной перспективы у несовершеннолетних осужденных показало следующие результаты. Подростки с нормативным поведением более ориентированы на будущее, чем несовершеннолетние осужденные. Это объясняется тем, что респонденты, отбывающие наказание, имея в биографии судимость, затрудняются строить конкретные планы на будущее, так как плохо понимают, что возможно осуществить после отбывания наказания, а что нет. Беспомощное и безнадежное отношение к жизни и к будущему (т.е. фаталистическое) более свойственно осужденным, нежели

законопослушным подросткам. Это связано с тем, что уголовное наказание существенно ограничивает жизненные возможности опрошенных. Стараться жить одним моментом, т.е. относиться к жизни гедонистически, так же более свойственно осужденным, т.к. они смутно представляют свою жизнь после окончания отбывания наказания. Подросткам с нормативным поведением свойственно чаще воспринимать своё прошлое позитивно, нежели подростками с противоправным поведением. Это связано с более положительным опытом и более высокой его рефлексией. При этом негативное прошлое воспринимается примерно одинаково всеми группами респондентов.

Проведем сравнительный анализ результатов исследования условно осужденных подростков и их просоциальных сверстников. Воспринимать прошлое позитивно склонны в большей степени респонденты с социально приемлемым поведением. При этом делать акцент на своем негативном прошлом и придавать ему отрицательную окраску свойственно больше лицам, преступившим закон, особенно – подросткам, отбывающим наказание в воспитательной колонии. Несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, склонны жить «одним днем», часто испытывают беспомощное состояние, т.к. не чувствуют в себе необходимых ресурсов для построения дальнейшей жизни и ограничены в реальных возможностях в связи с заключением. Результаты условно осужденных и просоциальных подростков весьма схожи ввиду примерно равнозначных возможностей максимально использовать свои ресурсы для дальнейшей жизни.

Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, могут быть полезными для психологов, работающих в образовательных организациях, для достижения цели раннего выявления подростков группы риска и осуществления своевременного психологического сопровождения. Полученные данные могут лечь в основу психопрофилактических программ по работе с различными категориями несовершеннолетних осужденных.

Литература

1. Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. – СПб.: Речь, 2010. – 325 с.
2. Кузнецова О.В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 3. – С. 5-15.
3. Сурикова Я.А. Объективные и субъективные факторы построения временной перспективы личности (теоретический аспект): статья в сборнике трудов конференции // Теоретические аспекты современных гуманитарных наук. –

Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, 2012. – С.163-172.

Психологический анализ опыта волонтерской работы с несовершеннолетними осужденными

Парфёнова П.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Волонтерская работа в исправительных учреждениях – новая интенсивно распространяющаяся практика, которая применяется Федеральной службой исполнения наказаний, и реализуется совместно с некоммерческими организациями, занимающимися адаптацией и ресоциализацией осужденных (Помыткина Т. И., 2010).

Автор коснется одного из направлений работы – волонтерской деятельности с несовершеннолетними в воспитательной колонии.

Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних является одной из самых сложных задач в сфере правосудия. В связи с этим при назначении и исполнении наказаний в отношении данной категории лиц необходимо учитывать их возрастные особенности и осуществлять поддержку и реабилитацию, направленные на коррекцию поведения и формирование нужных жизненных навыков подростков (Чеверс С.П., 2022).

Для реализации целей наказания актуально привлечение благотворительных организаций и волонтеров, которые обучают осужденных, проводят тематические массовые мероприятия, осуществляют наставничество, в связи с чем повышается шанс успешной интеграции правонарушителей в общество (Артюхина А.С., Першина А.В., 2016).

Волонтерская деятельность в воспитательной колонии усложняется тем, что там находятся дети, склонные к отклоняющемуся от норм общества поведению. Основные особенности работы с несовершеннолетними осужденными включают, во-первых, понимание причин делинквентного поведения (Печникова Л.С., 2010). У воспитанников колонии, как правило, особая социальная ситуация развития, включающая следующие факторы: низкий уровень образования, неблагополучие в семье, ранняя криминализация, «плохая компания» и др. (Хамикоева З.Р., 2018). Во-вторых, надо осознавать, что это

группа, требующая повышенного внимания и поддержки со стороны. В-третьих, надо быть готовым к совместному решению проблем с подростком, работа должна осуществляться, в том числе, в консультативном формате, чтобы подростку было легче высказать свое мнение и он чувствовал поддержку при решении своей проблемы. В-четвертых, работа с подростками, которые имеют проблемы с социальной адаптацией и поведением, требует проработки всей ситуации в деталях. И, наконец, нужно быть эмпатичным. Важно взглянуть на мир глазами подростков и понять, что заставляет их вести себя таким образом. Важно понимать, что это не просто «неправильные» подростки и не просто «нарушители правил», а люди, которые испытывают проблемы и требуют помощи в их решении (Литвишков В.М., Митькина А.В., 2009).

Работа с подростком в воспитательной колонии требует комплексного подхода. В этой связи, важно обосновать необходимость привлечения волонтеров к такой деятельности. Потребность воспитательной колонии во взаимодействии с волонтерами заключается в следующем:

1. Подростки могут получить из первых рук опыт творческой работы или другой деятельности, который будет полезен им в будущей жизни и карьере. Волонтеры могут поделиться своими знаниями и навыками в различных областях, таких как: охрана здоровья, социальная работа, образование, технологии и т. д.;

2. Взаимодействие с волонтерами может помочь подросткам выработать более позитивный взгляд на жизнь. Волонтеры знают, что благотворительная деятельность может сделать мир лучше, и демонстрируют это в своих действиях. Это может помочь развитию у подростков более оптимистичного взгляда на мир. Они могут получить подкрепление своих планов.

3. Подростки развивают навыки социального взаимодействия, в том числе навыки общения с людьми других взглядов, ценностных ориентаций. Это формирует толерантность, уважение к различиям и умение воспринимать идеи и мнения других людей.

4. Подростки развивают лидерские навыки и уверенность в себе. С помощью волонтеров подростки могут организовать свои собственные проекты, научиться работать в команде.

5. Пример деятельности, который подают волонтеры, приезжая в места лишения свободы, может подвигнуть подростка к принятию ответственности за свои поступки и, возможно, он захочет стать таким же активным участником развития сообществ, в которых проходит его жизнь.

6. Значимость волонтерской работы заключается, в первую очередь, в том, что взаимодействие с волонтерами происходит в атмосфере доверия. Осужденные относятся к ним как к людям из внешнего мира, которые, с одной стороны, не

занимаются реализацией и исполнением наказания, но в то же время помогают преодолеть этот этап жизни, находятся рядом в трудный для психики период, поддерживают и оказывают реальную помощь.

7. Воспитанники также соотносят себя с волонтерами, то есть проявляется идентичность – устойчивое отождествление себя со *значимым* другим. Волонтер становится близким для осужденного. Формируются процессы личностной идентификации, которые являются продуктом сознательных стремлений и усилий личности.

В заключение целесообразно отметить, что волонтерская работа в исправительных учреждениях – это практика, когда волонтеры (добровольцы) оказывают помощь осужденным. Она включает в себя сопровождение и поддержку осужденных, обучение новым навыкам, оказание коммуникативных услуг, реализацию образовательных и других программ, направленных на улучшение качества жизни осужденных. Кроме этого, они могут оказывать услуги по поддержке осужденных в социально-психологическом, культурном и иных планах, а также в рамках программ восстановительного правосудия и медиативных технологий при подготовке к освобождению (Максудов Р.Р., 2009; Адмиральская И.С. с соавт., 2011).

Волонтерское движение в сфере исполнения уголовных наказаний – это новый способ работы с осужденными, который может способствовать профилактике новых преступлений. Волонтеры являются живой нитью, связывающей «тюрьму» и «волю». Проблема исправления преступника не может быть решена только в системе «сотрудник-осужденный». Качественно новую ситуацию создает система: «сотрудник пенитенциарной системы – волонтер – осужденный». Включение волонтеров в жизнь исправительного учреждения может в значительной степени смягчить существующую конфронтацию между сообществом осужденных и сотрудников, если такая существует, а также способствовать осознанию осужденным причин совершенного преступления и принятия ответственности за свои поступки, компенсации вреда, причиненного пострадавшим, снижению уровня стигматизации, созданию благоприятных социальных и психологических условий для жизни после освобождения.

Литература

1. Адмиральская И.С., Йошпа Н.А., Шиловская А.Л. Участие волонтеров в работе с несовершеннолетними правонарушителями в рамках программ восстановительного правосудия. Методическое пособие. – М.: Институт права и публичной политики, 2011. – 96 с.

2. Артюхина А.С., Першина А.В. Волонтерская деятельность как современное средство профилактики девиантного поведения // Форум молодых ученых. – 2016. – № 1. – С. 80-84.
3. Литвишков В.М., Митькина А.В. Микросреда воспитательной колонии и ее особенности // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 30-40.
4. Максудов Р.Р. Проведение программ восстановительного правосудия несовершеннолетних. Методическое пособие. – М.: Институт права и публичной политики. – 2009. – 92 с.
5. Печникова Л.С. Факторы риска девиантного поведения подростков //Коченовские чтения-2010. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М., 2010. – С. 31.
6. Помыткина Т. И. Роль и значение общественных организаций в ресоциализации осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 8. – С. 45-48.
7. Хамикоева З.Р. К вопросу о причинах подростковой преступности и механизмах её предупреждения //Коченовские чтения-2018. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М., 2018. – С. 206-208.
8. Чеверс С.П. Особенности назначения наказания несовершеннолетним // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1 (66). – С. 204-206.

Психологические особенности лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Соколова Е.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Мельникова Д. В.

Нужно отметить, что преступления против половой неприкосновенности могут предопределяться совокупностью факторов. Существуют особенности и условия, которые могут спровоцировать уже заложенные предпосылки к совершению преступления сексуального характера. В качестве внешних факторов (условий) могут выступать следующие: половое воспитание, демонстрация циничных и примитивных взглядов в отношениях между

мужчиной и женщиной, алкоголь, наркотические вещества. Такие факторы являются не причиной девиантного сексуального поведения, а благоприятными условиями для совершения преступления (Антоян Ю.М. и соавт., 1990). Рассмотрение биологических, физиологических, социальных и психологических особенностей лица, совершившего сексуальное насилие, может быть значимо для профилактики и предотвращения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Целью нашего исследования стало выявление психологических особенностей лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Методами исследования выступили: контент-анализ литературных источников, содержащих информацию о психологических особенностях и психологических состояниях лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Для эмпирического исследования использовались следующие методики: сокращенный многофакторный опросник для исследования личности «Мини-мульти» (Зайцев В.П., Козюля В.Н.), опросник суицидального риска «ОСР» (Разуваева Т.Н.) и индивидуально-типологический опросник «ИТО» (Собчик Л.Н.)

Теоретической выборкой для контент-анализа выступили: 28 научных источников, эмпирическую выборку составили 35 осужденных мужского пола, 10 из них были осуждены за преступление против собственности, 12 – за преступления против здоровья населения и общественной нравственности и 13 человек – за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Возрастной диапазон: 20-55 лет. По возрастному признаку лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, распределились следующим образом: 2 человека в диапазоне 20-25 лет, 2 человека в диапазоне 25-30 лет, 4 человека в диапазоне 30-35 лет, 4 человека в диапазоне 35-40 лет и 1 человека в диапазоне 50-55 лет.

На основании эмпирического исследования были сделаны следующие **выводы:**

1. С помощью контент-анализа литературных источников были выявлены наиболее часто встречающиеся психологические особенности лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности: невротичность, агрессивность, нарушение когнитивной дифференцированности половой роли, повышенная подчиняемость, склонность к доминированию, жестокость, цинизм, низкая эмоциональная устойчивость, эгоцентризм, эмоциональный дефицит и слабая сила воли. Реже всего в изученных литературных источниках отмечаются у сексуальных насильников такие особенности, как: низкий уровень тревожности, невротичность,

отрицательный образ «Я», неуверенность в себе, подозрительность, высокая самооценка и высокий уровень тревожности.

2. С помощью контент-анализа литературных источников были выявлены наиболее часто встречающиеся психологические состояния лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности: фрустрация, состояние эмоциональной зависимости, подавленность. Менее встречающимися состояниями являются: депрессивность, тревога, напряженность, состояние сниженного психологического статуса, стресс и аффективное напряжение.

3. С помощью метода математической обработки данных было установлено, что лицам, совершившим преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности, присущ в большей степени паранойяльный тип личности, а именно – человек, которому свойственна агрессия, эгоизм, высокое самомнение, самодовольство, злопамятность, неспособность проявлять жалость – и тревожно-мнительный тип личности, которому свойственны такие черты, как: боязливость, страх, низкий порог фрустрации, трудности социального приспособления, тревога.

4. С помощью контент-анализа выявлены «слепые пятна» в изучении психологических особенностей лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Наименее рассматриваемыми психологическими особенностями в литературных источниках стали: низкий уровень тревожности, невротичность, отрицательный образ «Я», неуверенность в себе, подозрительность, высокая самооценка и высокий уровень тревожности. А также наименее рассматриваемые в литературных источниках психологические состояния сексуальных преступников: стресс и аффективное напряжение.

Литература

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 192 с.

Народный фольклор как средство оптимизации детско-родительских отношений между матерью и ребенком, находящимся в доме ребенка при исправительной колонии

Туманова Е.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Согласно статье 100 УИК РФ, в 12 исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, созданы дома ребенка. На 1 сентября 2022 г. в них находился 321 ребенок в возрасте до 3 лет (ФСИН статистика). Главная идея создания дома ребенка при исправительном учреждении состоит в том, чтобы способствовать полноценному участию осужденной матери в развитии и воспитании своего ребенка, в формировании и поддержании психологической связи между ребенком и матерью, воспитании у осужденных женщин материнских чувств.

Многочисленные исследования показывают, что участие осужденной матери в воспитании ребенка формирует чувство ответственности за развитие и судьбу своего ребенка, снижает риск повторного преступления.

В настоящее время около 60% женщин-матерей проживают совместно с ребенком, что положительно влияет на его психическое развитие, а также способствует развитию материнских чувств.

О развитии и формировании материнских чувств можно сказать следующее. Женщиной рождаются, а матерью становятся. Материнский инстинкт – это не инстинкт в собственном истинном биологическом значении (Бакунина Т.А., Дебольский М.Г., 2018). Это поведение женщины, которое включает в себя удовлетворение следующих материнских нужд: нужда во взаимодействии со своим чадом, нужда в заботе о ребенке и его охране и нужда в материнском чувстве.

Народная игра в данном случае является средством, способствующим раскрытию и развитию материнских чувств. При помощи игр, которые были созданы много лет назад и передавались из поколения в поколение, можно сформировать материнские чувства, показать пример, если мать не имела опыта или напомнить о том, во что играли с мамами, когда они были детьми, тем самым приблизив мать к ребенку.

Осужденные женщины испытывают недостаток эмоциональной поддержки из-за потери связи с семьей и значимыми людьми. Дети в ИК являются их связью с домом. Конечно, женщины по-разному относятся к своим

детям. Одни из них не испытывают материнских чувств, лишены по суду материнства, другие – любят детей, третьи – родили детей в колонии, которые теперь находятся в доме ребенка. В связи с этим развитие и активизация чувства материнства имеет большое значение (Ушатиков А.И., Казак Б.Б., 2001).

Материнский вопрос в условиях лишения свободы является актуальным, ведь на гармоничное развитие личности малыша может повлиять окружающая обстановка. Необходимо учесть, что мать проводит с ребенком не все время, что непосредственно оказывает влияние на воспитательный процесс.

Народная игра является механизмом влияния на детско-родительские отношения. Во время игры реализуется усвоение детьми общественного опыта, это происходит не путем пассивного восприятия, а в активной форме.

Для проведения совместных занятий матерей, отбывающих наказание, и детей, находящихся в доме ребенка при исправительном учреждении, составлен список игр на основе работ Чернушевича В.А. и Стельмах О.Д., позволяющий смоделировать ситуации, необходимые для психологической коррекции поведения матери и развития ребенка, что позволяет в игровой форме реализовать психолого-педагогическую работу.

Игры можно разбить на две категории – для самых маленьких-новорожденных: пестушки, потешки, сказки, а также для детей примерно двух-трех лет.

Важность программы в том, что рассмотрены два этапа раннего детства. Теоретически освещены проблемы данного возраста, а также способы их решения в доступной для ребенка форме – в форме игры.

Игры, песни и сказки помогают не только развиваться и социализироваться в обществе, но и получать новые эмоции, которых так не хватает в домах ребенка и местах лишения свободы. Также игры способствуют улучшению понимания границ своего тела и развитию эмоционального контакта среди играющих.

Можно сделать выводы о том, что в ходе исследования были выявлены представления осужденных матерей о материнских функциях и особенностях их реализации после освобождения. Преимущественно женщины хотят реализовать себя как матери, но зачастую не имеют представления о том, что необходимо дать ребенку в раннем возрасте для благополучного развития. Женщины имеют ограниченное время общения с ребенком во время отбывания наказания, у многих есть опасение, что ребенок из-за периодических карантинных не узнает мать.

Обобщение состояния контактов осужденных женщин с детьми. Отношения, складывающиеся между матерью и ребенком, из-за периодических карантинных нельзя назвать сформировавшимися и устойчивыми. Были собраны теоретические данные о том, когда формируется детско-родительская

привязанность, на основании этого можно сделать вывод, что в данной выборке среди матерей привязанность может быть не сформирована в полной мере, так как некоторые матери периодически не видят своих детей месяцами.

Формирующий эксперимент по проведению тренинговой работы в ИК состоялся. Была разработана программа тренингов психологической подготовки осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы, по формированию и коррекции материнских обязанностей во время отбывания наказания и после освобождения. Проведены теоретические и практические занятия, а также сняты срезы динамики понимания материнства при помощи стандартизированных методик до и после проведения программы.

В лонгитюдном исследовании было выявлено представление осужденных женщин о материнской роли и сопоставление с тем, как они ее реализуют. По результатам анкетирования осужденных женщин, дети которых находятся в доме ребенка при ИК, установлено, что женщины имеют высокую потребность в контроле своих детей, у них существует тенденция к подавлению сексуальности и агрессии у детей.

Подтвердилась гипотеза о том, что разработка научно обоснованной программы психологической подготовки осужденных женщин, направленной на развитие материнских чувств к своему ребенку (детям), способствует повышению психологической готовности к выполнению материнской роли в процессе отбывания наказания и после освобождения. Программа оказалась ресурсной и полезной для матерей – это отметили женщины в процессе занятий.

Гипотеза о том, что осужденные женщины, имеющие представление о своей женской роли и принимающие её, менее склонны к преодолению норм и правил, подтвердилась статистически только на уровне тенденции ($p=0,07$). Возможно, это вызвано небольшой выборкой.

После курса занятий осужденные женщины заметят активное улучшение в понимании своего ребенка, а также в развитии малыша. Данная гипотеза подтвердилась. Матери отмечают положительную динамику в развитии своего ребенка.

Полученные в исследовании данные можно и необходимо использовать в процессе воспитательной работы с осужденными матерями для развития их материнской сферы и способности к ресоциализации.

Литература

1. Бакунина Т.А., Дебольский М.Г. Формирование положительного эмоционального отношения к своей материнской роли у осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении

// Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Т. В. Кирилловой. – Рязань: Издательство Академии ФСИН России, 2018. – С. 47–57.

2. Ушатилов А. И., Казак Б. Б. Основы пенитенциарной психологии. Учебник / Под ред. С. Н. Пономарева. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. – 536 с.
3. ФСИН статистика // ФСИН России. – URL: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

Основные проблемы реализации института медиации в России

Бушина Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

Медиация как один из видов альтернативных государственному суду институтов урегулирования споров обладает рядом преимуществ над судом и другими видами АРС. Тем не менее медиация не распространилась повсеместно и не стала одним из самых удобных и востребованных инструментов для примирения сторон в России. Ученые сходятся во мнении, что причиной тому является наличие целого ряда актуальных проблем института медиации в России. Рассмотрим основные из них.

Отсутствие единой централизованной системы медиации признается учеными как одна из причин низкой популярности медиации среди населения (Смирнов Н.Д., Евтухов И.В., 2021). Данная проблема является препятствием не только для прогрессивного развития института медиации, но и для его территориального распространения (Демихова А.А., 2021).

Необязательность проведения процедуры медиации до обращения в судебные органы является еще одной проблемой по мнению ученых. Необходимо введение обязательной процедуры медиации по некоторым категориям дел, в частности, по семейным спорам (Вечерина О.П., Путалова И.Б., 2022). При этом взять за основу можно мировой опыт некоторых стран романо-германской системы права, например, Италии и Германии (Бушмелева М.А., Стрепетова В.Ю., 2020). Также необходимо проработать возможные риски злоупотребления правом, предполагающие формальный подход к проведению процедуры либо «проведение медиации в судах в целях затягивания разрешения дел» (Буянова Е. В., 2019).

Нельзя не отметить организационную проблему недостаточной информированности: некую пассивность судей в судебном процессе по разъяснению прав сторонам (Смирнов Н.Д., Евтухов И.В., 2021), а также отсутствие на сайтах и стендах в зданиях судов необходимой информации о процедуре медиации и кандидатурах медиаторов, которую некоторые суды расценивают как рекламу (Дугарон Е.Ц., 2016); отсутствие заинтересованности у самих сторон спора, связанную с недостаточной информированностью населения об организационных моментах проведения процедуры медиации.

Многие авторы также сходятся во мнении, что одной из проблем развития медиации в России является недостаточный уровень правовой культуры российских граждан (Буянова Е. В., 2019). О незрелости правовой культуры может говорить наличие у населения установок на разрешение споров с позиции силы или власти (Бушина А.А., 2020), нежелание использовать новые незнакомые ранее способы урегулирования споров, так как проще пользоваться старыми, привычными способами решения конфликтов (Сайгачева И. А., 2021), низкий уровень доверия к процедуре медиации (Чуча С.Ю., 2020) и организациям, осуществляющим медиативную деятельность (Бушмелева М.А., Стрепетова В.Ю., 2020).

Некоторые авторы выделяют также проблему фактического отсутствия профессиональных медиаторов (Буянова Е. В., 2019), связанную с отсутствием федерального государственного образовательного стандарта, четких требований к наличию определённого вида высшего образования, отсутствие утвержденных методических и учебных материалов для профессиональной подготовки медиаторов, недостаточное количество часов дополнительной образовательной программы профессиональной переподготовки медиаторов (Вечерина О.П., Путалова И.Б., 2021), недоверие населения к статусу медиатора ввиду возможности в силу закона осуществлять медиацию на непрофессиональной основе.

Кроме того, являются проблемой существующие пробелы в законодательстве о медиации (Бушмелева М.А., Стрепетова В.Ю., 2020; Бушина А.А., 2020; Демихова А.А., 2021), отсутствие специальной ответственности медиаторов за нарушение принципов и иных норм Федерального закона "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 №193-ФЗ (Романов А.А., 2021; Загидуллин М.Р., 2020), отсутствие единой терминологии в области медиации и подробной регламентации процессуальных действий.

Освещенный перечень проблем не является полным. Выделяют и другие проблемы, например, связанные с завышенной стоимостью процедуры медиации, отсутствием установленных законом тарифов на ее проведение и льгот, а также проблему конкуренции медиации с другими видами альтернативных суду способов решения споров.

Вышеописанные проблемы развития процедуры медиации в Российской Федерации предлагается решать различными способами, но можно с уверенностью сказать, что основные действия требуются на государственном уровне. Это создание единой централизованной системы в области медиации, более четкая и подробная регламентация статуса медиатора, введение образовательного стандарта и усиление ответственности медиаторов и

организаций, осуществляющих медиативную деятельность, устранение пробелов и противоречий в законодательстве о медиации, повышение уровня правовой культуры населения путем его информирования и взаимодействия с судебным сообществом, а также принятие других необходимых мер, которые в совокупности приведут к должному развитию института медиации как одному из самых цивилизованных, перспективных и выгодных способов урегулирования споров внесудебным путем.

Литература

1. Бушина А. А. Проблемы становления медиации в России // Проблемы конфликто разрешения в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 55–58.
2. Бушмелева М.А., Стрепетова В.Ю. Правое регулирование медиации в РФ: проблемы и перспективы // Академическая публицистика. – 2020. – № 4. – С 365-370.
3. Буянова Е. В. Медиация в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2020 – № 3(40) – С. 49-56.
4. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Перспективы семейной медиации в России. //Коченовские чтения-2022. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2022. – С.238-239.
5. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. – 2021. – № 1. – С. 1 - 13. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34746 (дата обращения: 25.04.2023).
6. Демихова А.А. Актуальные проблемы развития медиации в Российском обществе // Гуманитарные, естественно-научные и технические аспекты современности: материалы XXXIII Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2021. – С.86-90.
7. Дугарон Е.Ц. Информация о медиации на сайтах судов // Проблемы юридической науки и практики: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и магистрантов юридического факультета ВСГУТУ. – Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2016. – С. 35 - 38.
8. Загидуллин М.Р. Меры юридической ответственности в гражданском и арбитражном процессах и процедуре медиации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 48. – С. 388-405.

9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: текст с изм. и доп. на 26 июля 2019 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Романов А.А. О некоторых актуальных вопросах медиации и судебного представительства в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и граждански процесс. – 2021. № – 2. – С. 51-54.
11. Сайгачева И. А. Проблемы применения медиации в России // Социосфера. – 2021. – № 2. – С 77-78.
12. Смирнов Н.Д., Евтухов И.В. Проблемы медиации в современной России // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73-5. – С. 117-120.
13. Чуча С.Ю. Если бы не медиатор, неизвестно, чем бы закончился спор // Закон. – 2020. – № 2. – С. 37-39.

Программы в рамках восстановительного подхода: потенциал метода психодрамы

Калягина М.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В широких масштабах задач гуманизации образовательного процесса высокую общественную ценность имеет поиск инструментов для формирования здорового психологического климата в учебных коллективах. При этом под коллективом подразумевается как учебный класс, так и образовательное учреждение как социальная структура в целом, включая педагогов, администрацию, родителей и опекунов, и, разумеется, учеников или студентов.

Одним из направлений работы с психологическим состоянием субъектов образовательного пространства, в настоящий момент развивающимся на территории Российской Федерации, является концепция восстановительного подхода.

Восстановительный подход представляет собой целостную методологию, которая включает в себя разнообразные методы и техники, направленные на восстановление отношений, разрешение конфликтов и создание благоприятной среды, в том числе образовательной. Основные принципы восстановительного подхода перекликаются с принципами гуманистической психологии и поддерживают их. Человек – будь то ученик, студент, родитель или педагог –

рассматривается как целостная, ресурсная личность, способная к самоактуализации и диалогу, принятию ответственности, стремящаяся к автономии, психическому здоровью и реализации потребности в социальном взаимодействии (Роджерс К., 2013).

Восстановительный подход призван достигать следующих социально значимых целей: это обучение детей, подростков и взрослых конструктивному взаимодействию, ненасильственному общению; урегулирование конфликтов разной степени интенсивности и включенности, в том числе конфликтов с законом, профилактика повторных правонарушений и предоставление эмпатической поддержки и психологической помощи (Мурашёва С.В., 2013).

Согласно практическому руководству служб примирения и восстановительной культуры, восстановительный подход имеет широкий методологический диапазон (Коновалов А. Ю., 2014). В данной работе принимаются во внимание несколько составляющих общей идеи восстановительного подхода, а именно – обучение подростков навыкам конструктивного взаимодействия с собой, другими и внешним миром, а также методы, направленные на актуализацию ресурсного психологического состояния.

В качестве основной практической технологии предлагается использовать метод психодрамы, адаптированный из терапевтической в образовательно-тренинговую форму. Во-первых, данный метод позволяет учесть важные аспекты проблемных ситуаций, в отличие, например, от исключительно разговорного инструментария, поскольку направлен на познание в действии (Морено Дж., 2001) и предоставляет возможность в буквальном смысле посмотреть на ситуацию «со стороны», что является одной из ключевых целей примирительной интервенции. Во-вторых, основанная на принципах творчества и спонтанности, психодрама содействует решению конфликтных ситуаций на разных уровнях: не только «лицом к лицу с обидчиком/жертвой», но и конфликтов внутренних, конфликтов с миром, конфликтов, решение которых предполагает присутствие конкретного человека в случаях, когда это присутствие по тем или иным причинам невозможно.

Рассматривая результаты проведенного теоретического исследования, можно сделать следующие выводы. Проблема личностного развития обучающихся и освоения ими коммуникативных компетенций изучается и решается педагогическим профессиональным сообществом. В том числе в настоящий момент на территории Российской Федерации активно развиваются школьные службы примирения, в образовательные и иные учреждения внедряется восстановительный подход, что указывает на актуальность

проведения исследований по поиску новых, отвечающих данному запросу инструментов.

В ходе исследования были подробно рассмотрены теоретические, структурные и практические аспекты психодрамы Я. Л. Морено, а также проанализированы конкретные техники, пригодные для использования в образовательной среде. Систематизирован массив теоретико-методологического знания в области применения метода психодрамы в психолого-педагогической деятельности.

В исследовании также были рассмотрены теория психодрамы в разрезе психологических наук, ее понятийный аппарат, концептуальные составляющие. Проведен анализ возможности использования психодраматического подхода в образовательных целях, а также предложен перечень конкретных техник, которые соответствуют указанному выше запросу: решение задач, связанных с расширением методологического диапазона восстановительного подхода, направленных на коррекцию межличностных отношений и поддержание здорового психологического состояния обучающихся.

Предпринятый анализ позволяет предположить необходимость в дальнейших исследованиях по описанной проблеме. Представляется значимыми следующие шаги: разработка восстановительной программы с учетом выявленных инструментов и последующая апробация, анализ полученных результатов. Для дальнейших исследований в том числе предлагается использовать психодраматический тест на спонтанность с последующим описанием полученных результатов и метод интервью.

Литература

1. Коновалов А. Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общей редакцией Карнозовой Л.М. – Издание второе, доработанное. – М.: МОО «Судебно-правовая реформа», 2014. – 306 с.
2. Морено Дж. Психодрама. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 528 с.
3. Мурашёва С.В. Восстановительный подход к предупреждению и разрешению конфликтов у несовершеннолетних // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 236–240.
4. Роджерс К. Гуманистическая психология. Теория и практика – М.: МПСИ, 2013. – 456 с.

К вопросу об организации исследования социально-психологических особенностей ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы

Ковалева Ю.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Штейнберг И.Е.

Профилактика повторных правонарушений является одной из наиболее актуальных. Работа по ресоциализации женщин ведется в условиях исправительного учреждения в соответствии с принятыми документами. Вместе с тем, женщины, освободившиеся из мест лишения свободы, оказываются неподготовленными к новым условиям жизни и испытывают значительные сложности в процессе ресоциализации.

В ходе анализа литературы по теме исследования было сконструировано рабочее представление о том, что такое «ресоциализация». Ресоциализация предполагает формирование несформированных или восстановление утраченных социальных навыков, моделей поведения, переориентацию социальных установок; восстановление социально-значимых связей, способностей к самоорганизации и (или) саморегуляции поведения; формирование позиции личностной и социальной субъектности; трудоустройство и (или) получение образования, наличие жилья и средств к существованию; ведение правопослушного образа жизни, отсутствие повторного преступления.

В современных условиях работа по ресоциализации женщин, получивших наказание в виде лишения свободы, ведется в условиях исправительного учреждения, на этапе подготовки женщины к освобождению и после ее освобождения. Программы и планы, по которым работают специалисты, в том числе психологи, исправительных учреждений и следственных изоляторов строго регламентированы. Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются осужденные при освобождении, касаются жилья и трудоустройства. Важнейшей является работа по сохранению или восстановлению семейных связей осужденных женщин.

Дополнительный ресурс ресоциализации несут восстановительные программы. Их проведение способствует: налаживанию семейных связей, принятию ответственности родственниками за поддержку; реализации индивидуального подхода к решению наиболее актуальных для членов семьи проблем; развитию общей социальной компетентности за счет приобретения

нового опыта, его осмысления. Восстановительные программы содержат обучающий компонент, что помогает находить нужные решения самостоятельно в будущем; запускают механизм реального, не формального межведомственного взаимодействия; способствуют составлению плана изменений для правонарушителя, в том числе, его поведения; создают условия для заглаживания вреда и предотвращения повторного совершения правонарушений в будущем, для обсуждения и понимания реальных последствий своих действий для реальных людей; формируют отношение со стороны специалиста к осужденному как к полноценному и достойному человеку, у которого есть свои сильные стороны и потенциал к изменениям (Зер Х., 2002; Карнозова Л.М., 2014).

К ограничениям программ восстановительного правосудия относят: краткосрочность эффекта и необходимость поддержки выполнения плана извне; необходимость закрепления куратора, который видит картину ресоциализации целиком; новизну практики и текучесть кадров; отказ осужденных от участия в восстановительной программе из-за опасения, чувства стыда или вины, протеста против идеи. Зарубежные исследователи отмечают, что восстановительные программы сами по себе играют ограниченную роль в том, как и почему люди отказываются от совершения преступлений. Снижение уровня рецидивизма после их реализации являлось статистически незначимым в сравнении с традиционно применяемой практикой. Однако и обратного эффекта (повышения уровня рецидивизма) не наблюдалось (Marsh B., Maruna S., 2016; Mills L.G., Barocas B. and Ariel B., 2013).

В 2022 году в Алтайском крае был реализован экспериментальный проект по ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы, посредством восстановительных программ. В настоящее время работа сотрудников колоний и социальных служб (психологов, специалистов по социальной работе) осуществляется с использованием восстановительной медиации, семейных конференций и кругов сообществ. Закрепляется куратор семьи, осуществляется социальное сопровождение женщины и поддержка выполнения плана (Ковалева Ю.А., 2022).

В целях дальнейшей реализации данного проекта было важным понять, какие социально-психологические особенности ресоциализации женщин с детьми, освобождающихся из мест лишения свободы, следует учитывать при проведении восстановительных программ.

В связи с чем отдельной задачей стало формирование программы полевого качественного исследования социально-психологических особенностей ресоциализации женщин с детьми, освобождающихся из мест лишения свободы на территории Алтайского края.

Выбор качественного подхода определяется: недостаточным представлением об объекте данного исследования – ресоциализации женщин, освобождающихся из мест лишения свободы; относительно небольшим количеством женщин с детьми, освобождающихся из исправительных учреждений Алтайского края (не более 60 ежегодно); необходимостью прояснить, каковы социально-психологические особенности их ресоциализации.

На первоначальном этапе формирования программы полевого исследования для нас стало важным транспонирование общей темы исследования в тему конкретного полевого исследования. Тема была сформулирована следующим образом: «Социально-психологические особенности ресоциализации женщин с несовершеннолетними детьми, освободившихся из ФКУ ИК-6 УФСИН России по Алтайскому краю (ИК-6), на территорию муниципальных образований Алтайского края, принявших участие в восстановительной программе».

К социально-психологическим особенностям ресоциализации отнесены следующие: восстановление социальных связей, социальной компетентности, способности к изменениям и субъектности; развитие навыков коммуникации; преодоление чувства вины за совершенный поступок и (или) длительное отсутствие, возможности принести извинения и загладить причиненный вред.

Следуя логике формирования программы полевого качественного исследования, ключевой исследовательский вопрос был записан в разных вариантах, а также сформулированы первичные версии и дебютные гипотезы (Штейнберг И.Е., 2021).

Для построения выборки информантов для исследования была проведена оценка предполагаемых групп информантов с точки зрения их типичности и экспертности (или дискурсивной компетентности). Определены группы типичных, специфических и нетипичных информантов, а также эксперты. Объем выборки составит не более 40 человек. Методами исследования станут полужформализованное и глубинное интервью.

Таким образом, на первоначальном этапе исследовательской работы был проведен анализ научной литературы, конкретизирована общая тема исследования, ключевой исследовательский вопрос был сформулирован в разных вариантах, а также определены подходы к конструированию выборки.

Литература

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: Судебно-правовая реформа, 2002. – 328 с.

2. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. – М.: Проспект, 2014. – 264 с.
3. Ковалева Ю.А. Восстановительная работа по ресоциализации женщин, освободившихся из мест лишения свободы // Коченовские чтения-2022. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2022. – С. 244-246.
4. Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. – М.: ВЦИОМ, 2021 – 300 с.
5. Marsh B., Maruna S. Desistance and restorative justice: learning from success stories of Northern Ireland's Youth Justice Agency // Restorative Justice. – 2016. – Vol. 3(4). – P. 369-387.
6. Mills L.G., B. Barocas, B. Ariel B. The next generation of court-mandated domestic violence treatment: a comparison study of batterer intervention and restorative justice programs // Journal of Experimental Criminology. – 2013. – Vol. 9 (1). – P. 65-90. – DOI: 10.1007/s11292-012-9164-x.

Медиативный подход во взаимодействии иностранных контрагентов

Коровина А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шамликашвили Ц.А.

Медиация – это процесс разрешения конфликтов, в котором стороны общаются между собой, чтобы найти универсальное решение, которое удовлетворяет и отвечает интересам всех участников конфликта. Медиативный подход во взаимодействии иностранных контрагентов может быть крайне эффективным, так как позволяет избежать длительных и затратных судебных процессов, а также помогает сохранить деловые отношения между сторонами, что позволяет выстраивать долгосрочные отношения. Особенно сохранение таких отношений важно между контрагентами, которые только начинают сотрудничество на этапе подписания контрактов и обсуждения условий сотрудничества.

Медиация – это процесс, который включает в себя посредника, который помогает сторонам найти решение своих проблем. Важно отметить, что посредник не предлагает решение, а помогает сторонам найти общее решение, которое будет устраивать всех участников конфликта. Важно понимать, что

медиация не является судебным процессом и не имеет юридической силы. Однако, если стороны достигнут соглашения в процессе медиации, то это соглашение может быть оформлено в виде юридически обязывающего документа – медиативного соглашения (Об альтернативной процедуре..., 2010).

Медиативный подход во взаимодействии иностранных контрагентов может быть особенно полезен в тех случаях, когда стороны имеют различные культурные и юридические фонды. Культурные различия могут привести к недопониманию и конфликтам между сторонами, особенно в том случае, если участники не говорят на одном языке. Медиативный подход может помочь сторонам понять точки зрения друг друга и найти общее решение путем применения специальных техник и инструментов, таких, как активное слушание, петля понимания и другое (Любченко Я. П., 2018).

Кроме того, медиация может быть особенно полезна в тех случаях, когда стороны хотят сохранить отношения после разрешения конфликта. В то время как судебные процессы могут привести к разрушению отношений между сторонами, медиация может помочь сохранить отношения и даже укрепить их.

Медиация также может быть более быстрой и дешевой альтернативой судебному процессу. Судебные процессы могут потребовать много времени и денег, в то время как медиация может быть завершена за несколько дней или недель. Кроме того, медиация может быть гораздо дешевле, чем судебный процесс, особенно если стороны имеют дело с международными юридическими системами.

Медиация может быть использована для разрешения многих видов конфликтов, включая споры о контрактах, правах интеллектуальной собственности, трудовые споры и семейные разногласия. Все более часто медиация используется для разрешения международных конфликтов, связанных с бизнесом.

Некоторые страны уже внедрили медиативный подход в свою юридическую систему (Leathes M., Bulder B., Kervers W. & Schonewille M., 2006). Например, в США медиация широко используется для разрешения споров в области бизнеса, а в Японии медиация является обязательной для разрешения большинства гражданских дел (Носырева Е. И., 2005).

Однако, несмотря на все преимущества медиации, она не является универсальным решением для всех видов конфликтов. В некоторых случаях стороны могут быть настолько разногласными, что медиация может быть бесполезной. Важным аспектом и условием является наличие у обеих сторон взаимного желания участия в таких переговорах. Кроме того, если одна из сторон своими действиями или бездействием нарушает закон, то медиация в таком случае не может быть применимой (Ясиновский И. Г., 2023).

В заключение отметим, что медиативный подход во взаимодействии иностранных контрагентов может быть очень полезным и действенным инструментом для разрешения конфликтов. Он может помочь сохранить отношения между сторонами, избежать длительных и затратных судебных процессов, а также улучшить понимание между культурами. Однако, прежде чем использовать медиацию, стороны должны тщательно оценить свои потребности и возможности, чтобы определить, насколько медиация может быть эффективной в их конкретном случае.

Литература

1. Любченко Я. П. Альтернативные способы разрешения правовых споров: теоретико-правовой аспект: дис... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2018. – 249 с.
2. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. – М.: Издательский дом «Городец», 2005. – 319 с.
3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193 – ФЗ (в ред. Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 233 – ФЗ) // Российская газета. – 2010. – № 168.
4. Ясиновский И. Г. Преимущества и недостатки медиации при разрешении правовых конфликтов // Журнал Нижегородского университета права. – 2023. – № 2. – С. 344-347.
5. Leathes M., Bulder B., Kervers W. & Schonewille M. Einstein's Lesson in Mediation', *Managing IP* (July–August 2006) // *ADR in Business: Practice and Issues Across Countries and Cultures*. – Kluwer Law Arbitration, 2011. –Vol. 2. – 657 p.

Коммуникативная компетентность учащихся среднего профессионального образования как фактор профилактики конфликтов и деструктивного поведения

Королева Ю.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бойкина Е.Э.

В настоящее время идет практическое внедрение школьных служб примирения (ШСП) и служб школьной медиации (СШМ). Правовые основы

были положены Указом Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы», и получили методическое сопровождение в методических рекомендациях по организации ШСП в образовательных учреждениях (ОУ) – Письмо Министерства просвещения РФ от 28 апреля 2020 г. № ДГ-375/07 «О направлении методических рекомендаций». Тем не менее, широкое внедрение служб ограничивается как объективными, так и субъективными факторами. Прежде всего – материально-организационными: штатные расписания школ не предусматривают дополнительной единицы для работы ШСП и СШМ, при этом создание, развитие и руководство службами, как правило, ложится на плечи школьных психологов, не являющихся специалистами по восстановительным практикам и не имеющих практического опыта медиативной работы и имеющих полную загрузку (зачастую с превышением) по работе школьного психолога. Повышение квалификации позволяет психологам образовательных учреждений ознакомиться с принципами работы школьных служб, получить рекомендованный пакет документов для запуска и функционирования службы, есть сообщества поддержки для разбора сложных случаев и получения супервизии. Однако работа служб основана прежде всего на активном участии учащихся. Опыт показывает, что даже при наличии службы в образовательном учреждении, ее работа сопряжена с рядом сложностей. Обычно формируется активная группа обучающихся, которых знакомят с основами ШСП или СШМ. Все остальные обучающиеся могут принимать участие в процедурах с использованием восстановительных или медиативных технологий, однако знакомство с основами работы служб затрагивает лишь небольшую часть обучаемых. В ОУ среднего профессионального образования (далее СПО) ситуация осложняется краткостью обучения (2-4 года), большой учебной нагрузкой учащихся и наличием работы у части учащихся.

Представляется, что овладение коммуникативными навыками позволит создать благоприятную почву для создания и развития служб примирения и служб медиации путем формирования культуры сотрудничества в основной массе обучающихся, которая будет вовлекать вновь поступивших на обучение в освоение уже принятой в данном ОУ культуры общения в духе сотрудничества и поддержки. Формирование базы для работы служб в виде коммуникативно компетентных учащихся требует времени и ресурсов для входного и выходного тестирования и, собственно, обучения. Для проверки гипотезы о связи уровня коммуникативной компетентности с формированием культуры сотрудничества необходимо провести ряд исследований, результатом которых могли бы стать программы обучения коммуникативным навыкам, адаптированные для применения в СПО с учетом возраста обучаемых. Такие исследования должны

включать в себя диагностику до обучения и после обучения коммуникативным техникам, диагностику контрольных групп (групп, не проходящих обучение коммуникативным навыкам). Диагностика должна включать оценку поведения в конфликтной ситуации, оценку взаимоотношений в группе. Еще одним параметром, подлежащим контролю и при этом не требующим усилий и времени со стороны обучаемых, является успеваемость, так как коммуникативная компетентность влияет на взаимодействие с преподавателем, на взаимодействие учащихся между собой, на работу над проектами в группах. Предлагается использовать батарею методик: методики психосоциального развития личности с акцентом на методики изучения межличностных и межгрупповых отношений, включая проективные методики для изучения мотивационной сферы и направленности личности, социометрию, методики изучения темперамента и характера, лидерских и коммуникативных способностей. Выбор методик направлен на проверку связи обучения коммуникативным навыкам и стратегии поведения в конфликте, а также на взаимоотношения в группе.

Предполагается исследование влияния различных подходов к повышению коммуникативной компетентности: ненасильственное общение (ННО) Маршала Розенберга, активного слушания, инструментов коммуникативной психологии Фридриха фон Туна.

Наиболее эффективными методами обучения навыкам конструктивной коммуникации признаны интерактивные методы: игровые, дискуссионные, творческие, проектировочные, информационно - компьютерные (Стурикова М.В., 2015).

Включение в образовательный процесс учащихся, для которых русский язык не родной, также требует внимания. В результате коммуникации у собеседников часто возникает недопонимание другого человека, неумение и нежелание выслушать, а также невозможность адекватно высказать свои мысли (Стурикова М.В., 2016). Развитию коммуникативных навыков таких учащихся должно быть уделено дополнительное внимание.

Исследования влияния коммуникативной некомпетентности на формирование деструктивного поведения у подростков показали, что подростки, склонные к деструктивному поведению, отличаются агрессивностью, слабым коммуникативным контролем и не имеют знаний о поведении в конфликте (Антилогова Л.Н., 2021).

Важное отличие предлагаемого подхода к практике внедрения ВП и МТ состоит в создании почвы среди всех учащихся для профилактики случайных конфликтов и конструктивного разрешения сложных ситуаций, в том числе при взаимодействии с преподавателями и родителями. Работа в детских центрах имеет свою специфику (в частности, подбор примеров для разбора, формат

проведения тренингов и т.п.), при этом знакомство учащихся с новыми для них способами реагирования в типичных конфликтных ситуациях вызывает живой отклик. Владение коммуникативными технологиями позволяет адекватно оценивать отношение других людей, корректировать свое поведение для формирования предпочтительного формата общения с другими и формирования у них адекватного мнения о себе, что является одним из условий формирования идентичности и избегания или преодоления ролевого смещения. Знание своих сильных и слабых сторон, уровня деловой компетенции позволяет молодому человеку планировать свое профессиональное развитие, уделять внимание областям недостаточной компетентности.

Развитие коммуникативной компетенции обеспечивает двусторонний процесс: эффективное получение информации в процессе общения и умение донести желаемую информацию до собеседника. Владение любой из техник коммуникации позволяет освоить оба эти процесса, чем больше техник освоено и переведено в навык общения, тем точнее будет понято принимаемое сообщение и сформулировано сообщение для передачи собеседнику. Улучшение понимания способствует улучшению межличностного взаимодействия в ОУ и семье, формирует диалоговое мировоззрение, способствует развитию конфликтологической компетентности, является профилактикой конфликтов и позволяет эффективно осваивать и внедрять переговорные процедуры, восстановительные практики и медиацию.

Литература

1. Антилогова Л. Н., Евтихов О.В. Конфликтная некомпетентность как фактор деструктивного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Том 26. – № 2 (85). – С. 164-169.
2. Стурикова М. В. Использование интерактивных методов обучения в развитии коммуникативной компетенции учащихся // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2015. – № 2. – С. 38-41.
3. Стурикова М. В. Причины коммуникативных неудач инофона // Электронный научный журнал «Дидактическая филология». – 2016. – № 4. – С. 69-78.

Применение медиативного подхода при работе с людьми старшего возраста

Никулина Т.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

Всемирной организацией здравоохранения отмечается увеличение доли людей старшего возраста на 5% в сравнении с 2021 годом, которым гораздо труднее адаптироваться в постоянно изменяющемся социальном мире, нежели представителям других возрастных групп. Основными причинами сложностей в адаптации выступают физиологические и психологические изменения, среди которых можно выделить: снижение уровня эмоционального интеллекта, ухудшение слуха / зрения, развитие навязчивых мыслей, связанных с одиночеством и бесполезностью существования, эмоциональная нестабильность и неуравновешенность, кризис пожилого возраста (Александрова М.Д., 2015).

Вследствие возникающих сложностей в процессе взаимодействия с людьми старшего возраста, а также в группах пожилых разрастаются конфликтные ситуации. Распространенным типом конфликтов с людьми старшего возраста выступает межличностный конфликт. Данный тип конфликтов рассматривается как разногласие, возникающее между двумя сторонами, причиной которого выступает наличие конфликтного поведения у одного из конфликтующих субъектов:

- конфликт в системе «пожилой-социальный работник». Снижение уровня интеллектуального развития, беспомощность пожилого, забывчивость, раздражительность и требовательность порождают раздражение и разрастание конфликтных ситуаций. Например, возникновение такого типа конфликта может осуществляться по причине перекалывания обязанностей по дому;

- конфликт в системе «пожилой-пожилой». У людей старшего возраста одной из причин искаженного общения являются трудности восприятия и осмысления полученной информации, их обостренная чувствительность к поведению и отношению к ним собеседника, пониженный слух. Зачастую они не только трактуют ошибочно смысл чужих высказываний, но нередко приписывают собеседникам намерения, которых те не имели;

- конфликт в системе «пожилой-семья». Данный тип подразумевает формирование конфликтных ситуаций с супругом / младшим поколением. В качестве основных причин межличностных конфликтов можно выделить: давние обиды, некорректное поведение, обмен резкими словами, недовольство. В зону

напряжения в конфликте с людьми старшего возраста наиболее часто вовлекаются взрослые дети, другие родственники, друзья (Дмитриев А.В., 2021).

Возникают и другие типы конфликтов с людьми старшего возраста, однако вышеперечисленные конфликты являются наиболее трудноразрешимыми.

В настоящее время в качестве одного из способов для разрешения конфликтов при работе с людьми старшего возраста используется медиативный подход. Сущность понятия «медиативный подход» заключается в определении, которое формулирует Ц.А. Шамликашвили. Так, по мнению исследователя, с одной стороны, медиативный подход – это способ разрешения конфликтов / споров в профессиональной и бытовой жизнедеятельности, в условиях которых использование процедуры медиации нецелесообразно / не представляется возможным. С другой стороны, медиативный подход – это способ разрешения конфликтов / споров, который предполагает владение и использование определенных навыков позитивного общения, позволяющих урегулировать возникшие ситуации в повседневной жизнедеятельности без проведения процедуры медиации в целом (Шамликашвили Ц., 2017).

В процессе осуществления медиативного подхода с людьми старшего возраста используются следующие его инструменты:

Активное слушание помогает понять смысл высказываний участников конфликтной ситуации / услышать мнения каждой стороны.

Обобщение направляет конфликтную ситуацию в конструктивное русло.

Эхо-техника показывает субъектам конфликта, что оппонент услышал и правильно воспринял их высказывание.

Открытые и закрытые вопросы выявляют потребности каждого участника с целью определения правильного решения возникшего конфликта.

Петля понимания осуществляет законченность процесса (дает понять другую сторону, посмотреть на мнение оппонента собственными глазами, получить обратную связь).

Рефрейминг показывает ситуацию с другой стороны, помогает определить участникам конфликта собственные эмоции и переживания, цели и потребности, вследствие чего воспринимается другая точка зрения.

Развитие идеи выводит логическое следствие из мнения и высказываний оппонента, а затем предположительно направляет на выдвижение причины конфликтной ситуации.

Резюмирование подводит итоги основных идей и чувств «говорящего» (Очирова П.И., 2019).

Таким образом, медиативный подход представляет собой современное средство для урегулирования конфликтных ситуаций посредством создания позитивного общения с помощью различных инструментов. Применение

медиативного подхода представляет собой актуальное средство для решения конфликтов с людьми старшего возраста, что обусловлено их сформировавшимися взглядами на жизнь, определенным характером личности, собственной точкой зрения на конкретные вещи / ситуации. В процессе применения медиативного подхода с пожилыми людьми делается упор на стабилизацию их духовного равновесия с помощью формирования позитивного общения посредством использования следующих инструментов: техники активного слушания, техники открытых, закрытых и альтернативных вопросов, техники петли понимания, техники резюмирования.

Литература

1. Александрова М.Д. Проблемы социальной и психофизиологической геронтологии. – Новгород: Новгородский Центр социальных технологий, 2015. – 156 с.
2. Всемирная организация здравоохранения: сайт [Электронный ресурс]/ Всемирная организация здравоохранения, 2020. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Дмитриев А.В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. – СПб., 2021. – 430 с.
4. Очирова П.И. Медиация как ключ к решению проблем // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 127-129.
5. Шамликашвили Ц. Азбука медиации. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 338 с.

Медиация как способ разрешения конфликтов в среде студентов-первокурсников

Осипенко М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И.Б.

Результаты многочисленных психолого-педагогических исследований констатируют неизбежность возникновения напряженности и конфликтности в образовательных организациях различного уровня, что обусловлено процессами развития личности, закономерностями ее взросления, индивидуальными психологическими и физиологическими особенностями. Данные обстоятельства

могут приводить современного обучающегося к частым и сложным конфликтам. А так как подавляющее большинство современных детей периоды детства и юности проводят в образовательных организациях, то образовательная среда является местом, где разнообразные конфликты возникают довольно часто (Курочкина И.А., 2019).

Конфликты между студентами-первокурсниками не являются исключением, основными причинами которых выступают:

- обостренное чувство собственного достоинства;
- максимализм, категоричность и однозначность нравственных критериев;
- оценка фактов, событий, своего поведения;
- рационализм и нежелание принимать все на веру;
- недоверие к старшим, адаптационный период.

В свою очередь конфликтогенная обстановка оказывает влияние не только на эмоциональное и душевное состояние студентов, но и в конечном итоге на качество образования, а также эффективность подготовки будущих специалистов (Джакеева А.Ж., 2019).

Сегодня во многих образовательных учреждениях высшего и среднего образования созданы службы медиации, целью которых является разрешение конфликтов, формирование навыков взаимопонимания и коммуникации, распространение цивилизованных форм урегулирования конфликтов. Данные службы используют различные медиативные инструменты, которые позволяют беспристрастному посреднику-медиатору достичь благоприятных и быстрых решений (Машарова Т.В., 2019).

Среди основных инструментов медиации в студенческой среде можно использовать (Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., 2017):

- петлю понимания, решающую важный аспект проблемы – понимание позиций обеих сторон конфликта – студентов-первокурсников посредством использования уточняющих выражений, например, «Если я Вас понимаю, то...», «Правильно ли я Вас понимаю, имеется в виду...».

- рефрейминг, позволяющий изменить представление о проблеме путем раскрытия ситуации с различных сторон. Данный инструмент способствует изменению точки зрения одного из конфликтующих студентов-первокурсников для придания проблеме другого значения;

- резюмирование как инструмент медиации подытоживает основные идеи и чувства «говорящего», выделяет наиболее важное в коммуникации конфликтующих сторон: проблемы, переживания.

Таким образом, можно говорить о том, что применение инструментов медиации, среди которых можно выделить: рефрейминг, петлю понимания, резюмирование и другие, в процессе осуществления медиативной техники могут выступать одним из способов для создания благоприятного микроклимата и минимизировать возможность распространения конфликта в среде студентов-первокурсников.

Литература

1. Джакеева А.Ж. Особенности управления конфликтами в образовательных учреждениях // Молодой ученый. – 2019. – № 34 (272). – С. 36-37.
2. Курочкина И.А. Педагогическая конфликтология: учеб пособ. – Екатеринбург: РГТПУ, 2019. – 228 с.
3. Машарова Т.В. Медиация как средство по разрешению конфликтов в современной образовательной среде // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №4 (77). – С. 62-66.
4. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Основания медиации. (Медиация как область научных исследований) // Вестник федерального института медиации. – 2017. – № 1. – С. 30-50.

Медиация в конфликте студент – преподаватель

Федотов Н. С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И. Б.

В образовательном процессе вполне возможно, что сторонами конфликта могут выступить преподаватель и студент. Такой конфликт в отношениях может помешать эффективности академического проекта и в конечном итоге привести к полному подрыву доверия между сторонами. По самой своей природе академическая среда устанавливает такие отношения, когда преподаватель или научный руководитель имеет академическое доминирование или власть над студентом.

Мы полагаем, что медиация через независимую третью сторону, которая может привлечь студента и преподавателя к изучению перспектив урегулирования, может эффективно разрешить конфликт, который возникнет между ними. Успех медиации заключается в том, что она ориентирована на будущее через призму двух сторон. В отличие от типичных судебных процедур,

медиация не занимается событиями прошлого (Вечерина О.П., 2020). Мы полагаем, что медиаторы в этом пространстве могли бы помочь в урегулировании подобных конфликтов.

Отношения между студентом и преподавателем можно рассматривать как неравенство знаний и власти. Это подразумевает, что студент должен верить в то, что преподаватель добросовестно предоставит высококачественное образование и наставничество. Суть проблемы в том, что конфликт может повлиять на готовность преподавателя контролировать и наставлять студента в своих интересах (Tracey L., 2022).

Возможные реакции преподавателя на подобный конфликт (Villaluenga L.G., 2009):

- Снижение качества и количества консультаций для студентов;
- Предвзятое консультирование;
- Предложение об отсрочке выпуска, чтобы подготовиться получше;
- Предвзятые советы по выбору темы исследования;
- Предвзятые советы по развитию планов на карьеру.

Университеты обычно реагируют на конфликт, предполагая, что какой бы ни была природа конфликта, лучше всего урегулировать его дипломатическим путем, поскольку неконфликтные отношения в студенческой среде очень важны. Они помогают обучающемуся определить суть проблемы, не вовлекая в нее эго или эмоции. Если у студента возникают такие проблемы, часто стоит в первую очередь сообщить о них преподавателю. Вполне может быть, что он не знает об этом и вполне готов в полной мере сотрудничать в их урегулировании. Смена преподавателя должна быть последним средством учащегося, поскольку это серьезный шаг, и к нему нельзя относиться легкомысленно. Предположим, между преподавателем и студентом может возникнуть спор по академическому вопросу, который не может быть урегулирован в соответствующем учебном подразделении. В этом случае студентам рекомендуется обратиться с претензией к профессорско-преподавательскому составу.

С. Аджабенг утверждает, что студент и преподаватель – уникальные личности с самостоятельным мышлением и направлением мысли, в основном благодаря своему жизненному опыту и своей сфере деятельности. Поэтому вполне предсказуемо, что они не согласятся друг с другом, поскольку они смотрят на вещи по-разному и имеют разные философии и точки зрения. Однако в духе медиации, если они смогут обсудить все вместе ради академического проекта и прийти к подходящей уступке, при которой некоторые или все их ожидания оправдаются, тогда споры могут быть незначительными (Adjabeng S., 2006). Р. Войлс утверждает: «Почему социалистическая философия должна

внушаться за столом посредников только потому, что несколько нереалистичных посредников с истекающим кровью сердцем хотят убежать от реального мира? Мы не живем с балансом сил в повседневной жизни – почему удивительно, что он существует и в наших медиациях?» (Voyles R., 2004). Автор продолжает настаивать на важности понимания того, что вопрос, касающийся «сил» в процессе медиации, касается аспектов «самоопределения» и «нейтралитета». Чтобы практиковать самоопределение, стороны должны сохранить квалификацию, чтобы эффективно участвовать в этом процессе. Может показаться, что столкновение с дисбалансом сил в процессе медиации было бы нежелательно только в том случае, если бы это негативно повлияло на способность стороны к самоопределению. Дисбаланс сил в нашей повседневной жизни – это реальность, и мы должны принять это, как мы это делаем, когда терпим необходимость платить налоги с нашей с трудом заработанной зарплаты. Медиаторы должны осознавать, что основой процесса медиации является сохранение права на самоопределение. Медиатор становится судьей или председательствующим, если сторона теряет право на самоопределение. Т. Хеден утверждает: «Предоставление кому-либо возможности самостоятельно определять исход своего конфликта является частью процесса медиации и набора навыков талантливых медиаторов. Если медиатор не осознает и не решает эту проблему, он может невольно стать соучастником или пособником в подрыве равноправия сторон» (Hedeen T., 2003).

Помимо самоопределения, принцип нейтральности имеет основополагающее значение для успеха медиации. Обучающийся и преподаватели также приходят в процесс с тревогой, беспокойством в результате отсутствия доверия друг к другу, и они обращаются к процессу за поддержкой и решением, поскольку они демонстрируют уверенность и веру в медиатора, который поможет спасти безвыходную ситуацию. В своем стремлении помочь сторонам выйти из тупика некоторые медиаторы увлекаются мыслью, что решение спора зависит от них самих. Роль медиатора заключается в том, чтобы действовать в соответствии с принципами процесса для достижения взаимоприемлемого решения.

При разрешении конфликта между студентом и преподавателем в университете медиаторы должны понимать, что такие отношения весьма иерархичны. Медиатор должен профессионально и добросовестно содействовать процессу, чтобы гарантировать, что стороны сохраняют свое право на самоопределение. Из-за дисбаланса сил у медиатора есть этическое обязательство обеспечить самоопределение (особенно обучающегося) путем оценки готовности или способности к медиации. Медиаторы должны создавать безопасную среду для выражения мнений между студентами и преподавателями.

Медиатор должен способствовать эффективному и контролируемому диалогу, который в идеале привел бы к выявлению взаимных оснований для принятия и укрепления отношений между конфликтующими сторонами (Шамликашвили Ц.А., Вечерина О.П., 2017). Такая среда должна обеспечивать самоопределение сторон, а медиатор должен оставаться беспристрастным (идеал, который нелегко реализовать, поскольку ни один человек не свободен от предрассудков).

Литература

1. Вечерина О.П. Медиация и медиативный подход в современной России: проблемы и перспективы развития // Коченовские чтения-2020. Психология и право в современной России. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2020. – С. 252-254.
2. Шамликашвили Ц.А., Вечерина О.П. Медиация в российских исследованиях и в зеркале eLibrary // Вестник федерального института медиации. – 2017. – №1. – С. 51-74.
3. Adjabeng S. Mediation And The Principle Of Neutrality // Everything mediation – 2006. – URL: <https://mediate.com/mediation-and-the-principle-of-neutrality/>
4. Hedeem T. Ensuring Self-Determination through Mediation Readiness: Ethical Considerations // Everything mediation – 2003. – URL: <https://mediate.com/ensuring-self-determination-through-mediation-readiness-ethical-considerations/> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Tracey L.W. Ten Advantages of Mediation // Attorney & mediator – 2022. – URL: <https://www.traceyleighwessels.com/ten-advantages-mediation/> (дата обращения: 18.04.2023).
6. Villaluenga L.G. Mediation in university communities: the experience of the Universidad Complutense de Madrid // Journal of Conflictology. – 2009. – P. 75-81.
7. Voyles R. Managing an Imbalance of Power // Everything mediation – 2004. – URL: <https://mediate.com/managing-an-imbalance-of-power/> (дата обращения: 18.04.2023).

САЙТ МГППУ:
MGPPU.RU

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ МГППУ:
JP.MGPPU.RU
MGPPU.RU/PROJECT/83

ГРУППА "ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ"
В КОНТАКТЕ
[VK.COM/UP_MGPPU](https://vk.com/up_mgppu)

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

МОСКВА, [17-26 мая 2023](#)